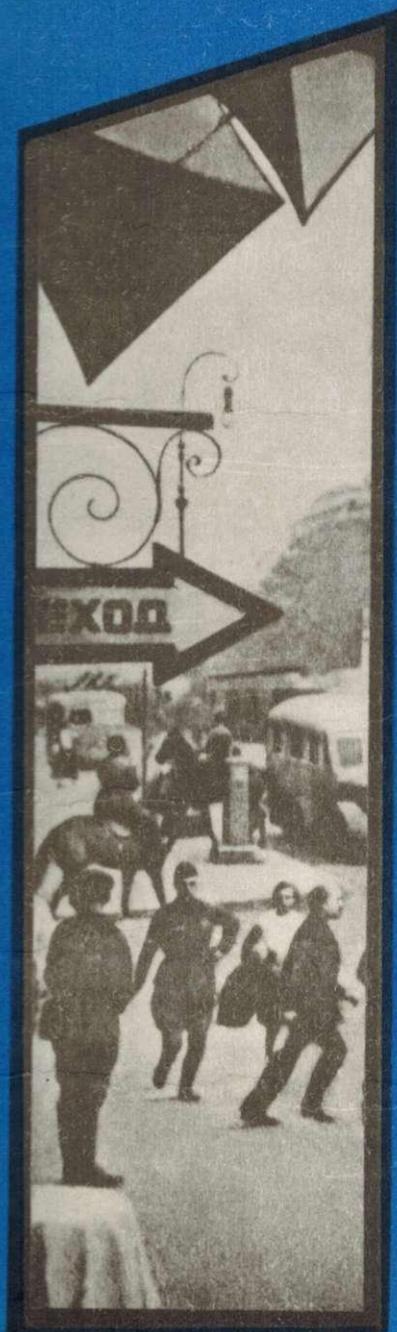
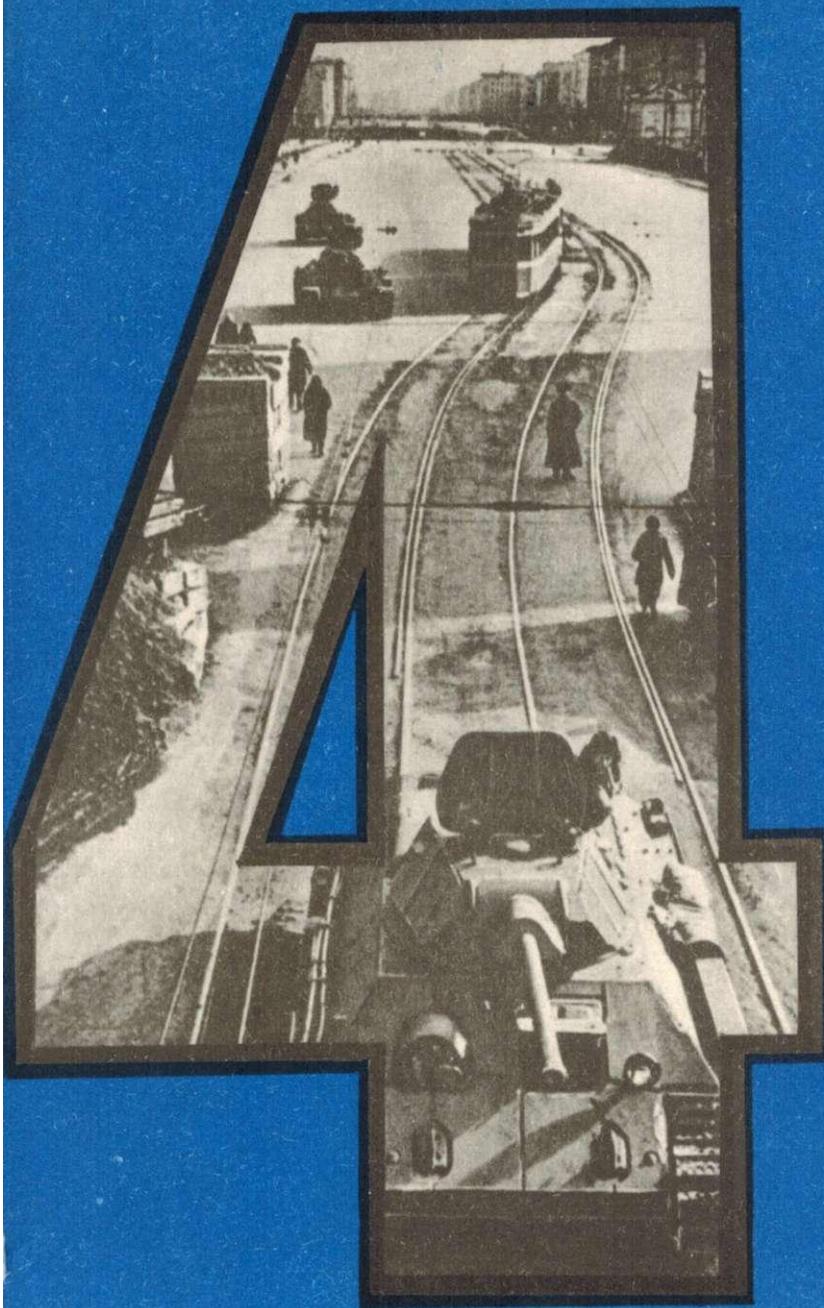

БЫЛ
ГОРОД-
ФРОНТ,
БЫЛА
БЛОКАДА...

**БЫЛ
ГОРОД-
ФРОНТ,
БЫЛА
БЛОКАДА.**

БЫЛ ГОРОД- ФРОНТ,

РАССКАЗЫ, СТИХИ, ОЧЕРКИ,
ДОКУМЕНТЫ,
ХРОНИКА БЛОКАДНЫХ ДНЕЙ

БЫЛА БЛОКАДА...

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

Составители Д. Колпакова и В. Сулов

В этой книге — рассказы, стихи, газетные статьи, странички дневников, воспоминания...

Можно сказать иначе: в этой книге — документы.

Стихотворение, рассказ, написанные в тяжелые годы войны, в годы ленинградской блокады, — это уже не просто рассказ, не просто стихотворение, а свидетельство очевидца. И значит — документ.

Не каждому из авторов этой книги удавалось писать в годы войны. Но память хранит все, что пережито. Строчки ложатся на белый лист бумаги, и память тоже становится документом.

Авторы этой книги — солдаты и офицеры Ленинградского фронта, школьники блокадных лет, их учителя, главный механик хлебозавода и шофер Дороги жизни, военный корреспондент и блокадный почтальон... Каждый из авторов видел войну, прошел через все трудности жизни в осажденном городе, знает бомбежки и артиллерийские обстрелы, голод и промерзшие насквозь стены домов.

В иных книгах поэты и прозаики прибегают к домыслу, к вымыслу. В этой книге каждое слово — правда.

Макет и оформление Л. Яценко

Рисунки К. Швеца

Фотоработы А. Короля

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ ГОРОДА ЛЕНИНГРАДА
ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

За выдающиеся заслуги трудящихся Ленинграда перед Родиной, за мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в трудных условиях вражеской блокады, наградить город Ленинград

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин.

Москва, Кремль, 26 января 1945 года.

Николай Новосёлов,

сержант
Ленинградский фронт

ТЫ - СОЛДАТ ЛЕНИНГРАДА

Ты вступаешь на путь солдата,
Ты гордишься своей судьбой.
Город светлым лучом заката
Провожает тебя на бой.

Ты идешь мимо школы, мимо
Перевернутых взрывом глыб,
Еще веет запахом дыма
От ветвей опаленных лип.

Здесь ты с девушкой ночью белой
Проходил.

И в прощанья час
Губ ее коснулся несмело
В первый раз и в последний раз.

И стоять будет назло гуннам
Над великой русской Невой
Город светлый твой — вечно юным,
С гордо поднятой головой.

Как солдат в походной шинели,
Вражьи замыслам вопреки!
Где-то снова рвутся шрапнели,
Чьи-то стоны совсем близки.

Прижимает тебя к ограде
Вой снаряда над головой.
Город твой — он еще в блокаде,
Он в опасности, город твой!

Он вручает тебе оружие,
Он взывает: иди и мсти!

Он желает тебе сквозь стужу,
Сквозь огонь к победе прийти.

Это будет тебе наградой
Самой высшей из всех наград.
Ты теперь — солдат Ленинграда,
Ты — Отчизны своей солдат!

1941 год

Анатолий Чивилихин,
военный корреспондент,
командир стрелкового взвода
Ленинградский фронт

МЫ ПРИКРЫВАЕМ ОТХОД

Отход прикрывает четвертая рота.
Над Волховом тусклое солнце встает.
Немецкая нас прижимает пехота.
Мы смертники. Мы прикрываем отход.

Браток! Вон камней разворочена груда
Туда доползи, прихвати пулемет,
Кто лишний — скорей выметайся отсюда.
Не видишь, что мы прикрываем отход!

Прощайте! Не вам эта выпала доля.
Не все ж отходить, ведь наступит черед...
Нам надобно час продержаться, не боле.
Продержимся: мы прикрываем отход.

Не думай — умру, от своих не отстану.
Вот катер последний концы отдаст.
Плыви, коль поспеешь, скажи капитану:
Мы все полегли. Мы прикрыли отход.

1941

22 ИЮНЯ. Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР. В Ленинграде введено военное положение.

23 ИЮНЯ. В 1 час 45 минут в Ленинграде подан первый сигнал воздушной тревоги. За годы блокады такие сигналы будут подаваться 649 раз.

Виссарион Саянов,
военный журналист,
майор
Ленинградский фронт

ИСПЫТАНИЕ (Из «Ленинградского дневника»)

енодалеку от станции Веймарн остановился эшелон, и солдаты стали разгружать вагоны. Это были молодые бойцы дивизии народного ополчения, сформированной в Московском районе Ленинграда.

Добровольцы с «Электросилы» вступали в дивизию целыми цехами; в одной роте были обувщики со «Скоророхода», в другой — работники Мясокомбината, в третьей — слесари Вагоностроительного завода. Партийный актив района дал дивизии кадры политработников.

Они приехали в район Веймарна, чтобы заняться боевой подготовкой, — ведь многие еще плохо владели винтовкой и гранатой, не умели окапываться: народ был необстрелянный, неопытный в военном деле.

Один из ополченцев, вылезший из своего вагона первым, внимательно огляделся и весело сказал товарищам:

— Места хорошие. Военному делу тут учиться неплохо.

Товарищи с ним согласились:

— Действительно хорошо. Смотри, какой простор вокруг...

Вдруг в воздухе появился самолет.

— Наш! — закричал боец, выбравшийся из вагона первым. — Наш...

Кто-то не согласился:

— А по-моему, фашистский...

Плохо они еще знали военное дело, даже в типах самолетов не могли разобраться: не умели сразу определить, какой самолет наш, а какой — фашистский.

Тем временем самолет пошел на снижение, и ополченцы ясно увидели красные звезды на его плоскостях.

Самолет сбросил вымпел и улетел. Бойцы, ничего плохого не подозревая, спокойно сидели в траве, курили, медленно разговаривали. Беседа шла больше о заводских делах: совсем еще недавно покинули они родные цехи и мысли еще были об оставленных станках, о привычной работе.

— Становись! — послышалась команда.

Думая, что сейчас пойдут маршем в те места, где начнутся занятия, ополченцы строились не очень быстро, перешучивались, с жалостью бросая недокуренные папиросы.

— А ну, быстрее! — крикнул политрук роты, щуплый парень в большой фуражке, заряжая на ходу винтовку. — Бегом за мной, бить врага!..

Все бросились следом за политруком, еще не зная в точности, как сложилась обстановка на этом участке. Как это получилось, что ехали учиться, а пришлось сразу воевать? Что произошло сегодня в этих местах? «Откуда взялись фашистские танки? Ведь здесь нельзя было ожидать их появления, — говорили друг другу ополченцы, — отсюда же далеко до переднего края...»

...Я приехал в дивизию на третий день боев. Ополченцы еще не умели окапываться и вместо окопов вырывали порой мелкие ямки, в которых трудно было укрыться от снарядов.

Люди еще не понимали, что нельзя во время боев жаться друг к другу, что надо рассредоточиваться.

25 ИЮНЯ. В городе вырыто более 136 тысяч погонных метров щелей, в которых могло укрыться около 273 тысяч человек.

26 ИЮНЯ. По радио начал работать метроном. Его мирное тиканье означало, что радиоточка в исправности. А включена она должна быть постоянно — на случай воздушной тревоги.

Они еще не умели строить прочные заграждения, не научились укреплять свои позиции...

Вступив в бой, они еще не знали военного дела.

Каждый бывалый солдат, каждый человек, знавший, как надо вести себя под огнем врага, учил товарищей собственным примером, но для всех учителей не хватало...

Тяжелое испытание могло сломить людей.

Но небывалое свершилось!

Сыновья и внуки питерских рабочих, смело шедших под пули царева войска в морозный январский день пятого года, выстояли в беспримерных июньских боях 1941 года.

...С волнением вспоминают ополченцы дни первых боев.

Много было пережито в эти дни, о них есть что рассказать.

В самой трудной обстановке люди держались стойко, мужественно, шли навстречу опасности, совершали героические подвиги — и все это без рисовки, без хвастовства, без красивого словца, — стиснув зубы, словно в тяжелом труде.

— На войне, оказывается, все повидать, — добродушно сказал молодой боец, просушивая над костром мокрую шинель. — Как в бой пошли, думал, что страшней пуль да снарядов ничего не будет, а оказывается, больше всего досадил нам ливень. Он так хлынул, словно с неба вторая Нева на нас потекла. И тут же стреляют, надо на землю ложиться. В ямину не ляжешь, там сразу водой зальет, ищешь бугорка, а на бугорке-то врагу тебя лучше видно... Но главная-то беда, что весь

насквозь промок и четвертый день уж никак не могу просушить шинель.

Мимо прошла девушка в кирзовых сапогах и ласково улыбнулась.

— Клавушка! К нам!

Она остановилась, оглядела всех нас внимательными чуть раскосыми глазами:

— Сейчас не могу, раненых много сегодня.

Когда она ушла, парень, сушивший шинель, долго смотрел ей вслед.

— Вы про нее, товарищ корреспондент, обязательно напишите. Она у нас того стоит. До войны кассиршей в артели была, а сейчас лучше ее санитарки нет, сколько раненых бойцов из пекла вынесла, страсть! Когда Ворошилов к нам в дивизию приехал, удивился, что она, не кланяясь пулям, за деревом стоит. «Вы, — говорит, — удивительно смелая, пуль не боитесь. А надо бы вам немного подальше от огня уйти». Улыбаясь, она просто ответила: «Вы тоже, товарищ маршал, в самый огонь лезете. А почему? Потому что вам надо лично за боем наблюдать. И мне то же самое нужно. Тут находчивость нужна. Где раненый лежит, надо сразу видеть, чтобы из-под огня вытащить. Так что отсюда я никуда не уйду». Такая она у нас железная.

Что же, правильные слова. Только поправку надо сделать: не одна она такая, всю эту дивизию надо Железной назвать.

Быстро обстрелялись ополченцы, быстро привыкли к огню.

Стой же на страже, Железная!

Там, где коренные питерцы стоят, никогда враг не пройдет, в собственной крови захлебнется...

1941

27 ИЮНЯ. Принято решение о создании в помощь кадровым войскам Ленинградской армии народного ополчения в составе 7 добровольческих дивизий. В ряды ополченцев за короткое время вступило 110 тысяч ленинградцев, в том числе 20 тысяч коммунистов и 18 тысяч комсомольцев.

Н. Ходза,
военный корреспондент
Ленинградского
радиокомитета

И Ю Л Ь

есшумно, без гудка поезд в полночь повез нас в прозрачную голубизну белой ночи. Мы не знали, куда едем, но никто никого ни о чем не спрашивал. Выло известно главное: едем на встречу войне сооружать противотанковые рвы. На Ленинград

война еще не обрушилась, мы не видели вражеских самолетов, не слышали шестеста снарядов, багровый дым пожарищ не застилал неба.

Нас двадцать семь. Двадцать семь работников радиокомитета. Мы недовольны: сейчас каждый хочет быть солдатом, а не землекопом.

— Сегодня с лопатой — завтра с винтовкой, — утешает старший группы.

Поезд идет медленно, крадучись и часто тормозит. Мы знаем, почему тормозит машинист: фашисты бомбили этот участок, нет никакой уверенности, что путь в порядке.

Рядом со мною, у окна, сидит дочь потомственного путиловского рабочего, известная в Ленинграде радиоактриса Мария Григорьевна Петрова.

— Ты научился ненавидеть этих гадов? — спрашивает она тихо.

Я понимаю, о чем она думает. Именно ей говорил я в первый день войны о немецком пролетариате, о классовой солидарности. Я хочу уйти от прямого ответа. Легко ли расстаться с тем, чем жил с детства?

Она поднимает на меня большие глаза.

В зыбком сумраке белой ночи они неестественно блестят и кажутся совсем черными.

— Сегодня надо жить ненавистью! — жестко говорит она. — На войне у врагов не спрашивают анкет, их убивают!

Я молчу. За окном занимается зорька, гаснут бледные звезды, и кажется: на всей земле мир и покой.

На какой-то станции (название ее жирно замазано черной краской) поезд останавливается. Нас встречает молодой лейтенант, ведет, объясняя по дороге рублеными фразами:

— Фашисты рядом. Расположитесь в лесу. График: четыре часа работать, четыре отдыхать. Спать в лесу. На земле. Нарубите хвойные лапки. Ночи теплые. Ночью костров не разводите.

Так и было. Четыре часа работали, четыре отдыхали. День и белая ночь слились в одно целое, день незримо переходил в светлую ночь, ночь — в белый день. Не всегда понимали, в какое время суток работаем: пять часов утра или пять часов дня?

И лишь одна примета была точной. Немецкие истребители пытались расстреливать нас из пулеметов только днем. И наглые, угрожающие, безграмотные листовки сыпались на нас с неба тоже днем. В эти минуты я иногда ловил на себе пристальный взгляд Марии Петровой и понимал ее молчаливый вопрос: «К тебе все еще не пришла ненависть?»

Ненависть пришла. Пришла, взяла в тиски и не отпускала меня до последнего дня войны, до салюта Победы. Гнусная, тупая харя фашизма предстала предо мной в своем омерзении не тогда, когда враг хотел изрешетить меня разрывными пулями. Это случилось в единственный тихий день. За четыре часа работы мы не видели и не слышали вражеских

Исполком Ленгорсовета принял решение о привлечении граждан к трудовой повинности. На строительстве оборонительных рубежей работало свыше 475 тысяч ленинградцев.

Приказом № 1 начальника гарнизона Ленинграда запрещено движение без специальных пропусков с 24.00 до 4.00 утра.

Началась маскировка шпиль, куполов, района Смольного.

самолетов. Воткнув лопату в землю, я пошел отдыхать в свой лес, но на полдороге лег в тени густого кустарника, наслаждаясь блаженной тишиной. Невдалеке на травянистом лугу паслась каурая кобылка с игрушечно изящным жеребенком. Очарованный этим мирным видением, я не спускал с них глаз и вдруг услышал песню с небес. Где-то высоко в синеве заливался счастливый, беззаботный жаворонок. Это было чудо! Забыв обо всем, я искал в небесах жаворонка, и вдруг из-под солнца вывалились два самолета с черными крестами на крыльях и пронеслись над лугом. Испуганный жеребенок бросился галопом в сторону, следом зарысила кобылка. Самолеты снизились и, сотрясая злобным, истощным воем ясное утро, начали охоту за обезумевшими лошадьми. Фашистские летчики соревновались: кто из них убьет первым.

Я увидел, как упал золотистый жеребенок, как подбежала к нему мать и тут же рухнула в нетронутую косою высокую траву.

Кончив «охоту», самолеты набрали высоту и скрылись за дальним лесом.

Наступила тишина, но продолжалась эта ужасная тишина мгновение: над лугом пронеслось тоскливое предсмертное ржание. Лошадь попыталась подняться и рухнула снова. Рухнула, не понимая, что случилось, почему недвижим ее веселый жеребенок, почему она сама не может подняться на свои неутомимые ноги. Лошадь ждала, что люди, добрые умные люди, которые всегда делали ей только хорошее, и сейчас сделают так, что ее золотистый жеребенок весело вскочит на легкие тонкие ножки, и они снова станут бродить по душистому лугу. Но люди не пришли. Не могли прийти. Люди бились насмерть! Люди спасали человечество!

Ольга Берггольц,
военный корреспондент
Ленинградского радиокomiteта

...Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...

Кронштадтский злой, неукротимый ветер
в мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах заснули дети,
ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом — смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжек день любой.
Но мы забыли, что такое слезы,
что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады —
мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.

Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю
я, горожанка, мать красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою.

Мы будем драться с беззаветной силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей!

Август 1941 года

1941

27—29 **Ленинградские летчики-истребители Петр Харитонов, Степан Здоровцев**
ИЮНЯ. и Михаил Жуков таранными ударами сбили три самолета противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1941 года им были присвоены звания Героев Советского Союза — трем первым в Великой Отечественной войне.

Вера Инбер
В годы блокады
жила в Ленинграде

ТРАМВАЙ ИДЕТ НА ФРОНТ

Холодный, цвета стали,
Суровый горизонт...
Трамвай идет к заставе,
Трамвай идет на фронт.
Фанера вместо стекол,
Но это ничего,
И граждане потоком
Вливаются в него.
Немолодой рабочий —
Он едет на завод,
Который дни и ночи
Оружие кует.
Старушку убаюкал
Ритмичный стук колес:
Она танкисту-внуку
Достала папирос.
Беседуя с сестрою
И полковым врачом,
Дружинницы — их трое —
Сидят к плечу плечом.
У пояса граната,
У пояса наган,
Высокий, бородатый, —
Похоже, партизан.
Пришел помыться в баньке,
Побыть с семьей своей,
Принес сынишке Саньке
Немецкий шлем-трофей —
И снова в путь-дорогу,
В дремучие снега,
Выслеживать берлогу
Жестокого врага,
Огнем своей винтовки
Вести фашистам счет...

Мелькают остановки,
Трамвай на фронт идет,
Везут домохозяйки
Нешедрый свой паек,
Грудной ребенок — в байке
Откинут уголок —
Глядит (ему все ново).
Гляди, не забывай
Крещенья боевого, —
На фронт идет трамвай.
Дитя! Твоя квартира
В обломках. Ты — в бою.
За обновление мира,
За будущность твою.

Ноябрь 1941 года

Николай Тихонов,
подполковник,
член политуправления
Ленинградского фронта

НИЗАМИ
(Из «Ленинградских
рассказов»)

еликого азербайджанского поэта звали Низами. Полное его имя звучало пышно и торжественно: Шейх Низами оддин Абу Мохаммед Ильяс ибн Юсуф Гянджеви, но он был скромный и простой человек. Он родился 800 лет назад на берегах Ганджи-Чая, в древнем городе Гандже. Кровавые цари истребляли тогда целые страны. Но поэта нельзя было купить или

1 ИЮЛЯ. Областным и городским комитетами партии создана Комиссия по вопросам обороны Ленинграда. В ее состав вошли: А. Л. Жданов, А. А. Кузнецов, Т. Ф. Штыков, П. С. Попков, Н. В. Соловьев.

11 ИЮЛЯ, В Ленинград прибыл командующий Северо-Западным стратегическим направлением Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

развратить роскошью дворцов. Он сидел на рваном войлоке вместо ковра, и вместо сокровищ перед ним были книги и чернила, рядом лежал его дорожный посох. Ковры истлели в султанских покоях, дворцы стали развалинами, сокровища исчезли по разным странам, а миру остались стихи — бессмертные сокровища человеческого гения.

Так Низами победил султанов и богачей, победил время.

Мы отмечали день его рождения в осажденном Ленинграде. В холодных залах Эрмитажа читался доклад, звучали приветственные слова. Потом все кончилось, и я оказался в тихой комнатке на Васильевском острове. Комнатка была, вероятно, похожа на ту, в которой трудился Низами. Из восточной роскоши в ней находились только маленький коврик и пепельница в виде верблюда. Множество книг стояло на полках, подернутых пылью. Хозяин, в гимнастерке, с забинтованной головой, разжигал печку старыми журналами, чтобы вскипятить чайник.

Я смотрел на его торчавшие из-под бинтов черные волосы, по которым кралась предательские волоски седины. Освещенные раздуваемым пламенем, вспыхивали два зеленых квадрата на воротнике его гимнастерки. Он был лейтенант, ранило его недалеко от Ленинграда. У него был двухнедельный отпуск. Безумный восточник, любивший иранскую поэзию, как русскую, он мог часами наизусть читать певучие строки, странно звенящие в ленинградской комнате.

Мы говорили о стихах, о Низами, о поколении молодых ученых, сменивших тихие кабинеты на окопы, об эпосе современности, о нашем враге, отвергающем все человеческое, о далеком Азербайджане и снова о Низами.

Хозяин, смотря на лижущее чайник пламя и на горящие страницы старых журналов, где кривились огненные буквы и темнели картинки, говорил глухим, простуженным в осенних ночах голосом:

— Низами жил в век ужаса и крови. — Он помолчал и с бледной улыбкой добавил: — Как и мы. Но он никогда не сомневался в силе своего народа, в его суровой правде...

— Как и мы, — сказал я.

— Он знал, — продолжал Королев (восточника звали Николай Федорович Королев), — Низами знал, что не жестокий палач, а добрый человек двигает миром. Слыхали вы что-нибудь о сасанидском царе Ануширване?

Я ничего не мог сказать об этом человеке.

— Так вот о нем рассказывает Низами в своей «Сокровищнице тайн», — продолжал Королев. — Однажды Ануширван, увлекшись охотой, отдалился от своей свиты. Его сопровождал только один из визирей. Царь и визирь приехали в разрушенную деревню. Все кругом было пусто, всюду возвышались разрушенные дома, не было ни жилья, ни людей. Только на одной из разрушенных стен царь и визирь заметили двух сов, о чем-то говоривших друг с другом. Громкий крик сов, раздавшийся над этими пустынными развалинами, напугал сасанидского царя. «О чем они говорят?» — спросил царь у визиря. Визирь понимал язык птиц. Он сказал, что одна из птиц выдает замуж свою дочь за другую сову и требует в качестве платы за дочь эту разрушенную деревню и еще две деревни из окрестных. Другая отвечает, что она охотно отдаст, ибо, до тех пор пока жив Ануширван, народ останется в нищете и в рабстве, и к этим трем деревням она сможет добавить сотни новых

1941

23 ИЮЛЯ. Введено круглосуточное дежурство на крышах и чердаках — для борьбы с зажигательными бомбами.

25 ИЮЛЯ. Областной и городской комитеты партии приняли специальное постановление о создании 300 партизанских отрядов.

разрушенных домов и деревень. Так ответил визирь. Низами донес до нас кусок мрака, пепел разрушения. И он написал в горести: «Замолчи, Низами, рассказ оборви. Все сердце давно в крови...»

Королев помолчал. Потом посмотрел на Неву. Она лежала в тумане осеннего дня.

Он сказал:

— Новый Ануширван пострашней. Он хочет превратить в развалины всю Россию, весь мир. Почему у нас нет силы в искусстве, чтобы описать это чудовище так, как описывал чудовищ своего времени Низами? Вы говорили о сегодняшнем эпосе, но его пока нет. Очень жаль, очень жаль...

— Но он будет, — сказал я. — Пройдет время, и Гитлер, и вся его человеконенавистническая шайка будут заклеены великими поэтами и художниками. Мир будет долго помнить палача из палачей, нового Ануширвана. А потом его имя забудется, как мы забыли дела этого сасанидского царька.

— Я почитаю вам стихи на иранском языке. На нем писал Низами.

— Почитайте, только я ничего не пойму... — сказал я.

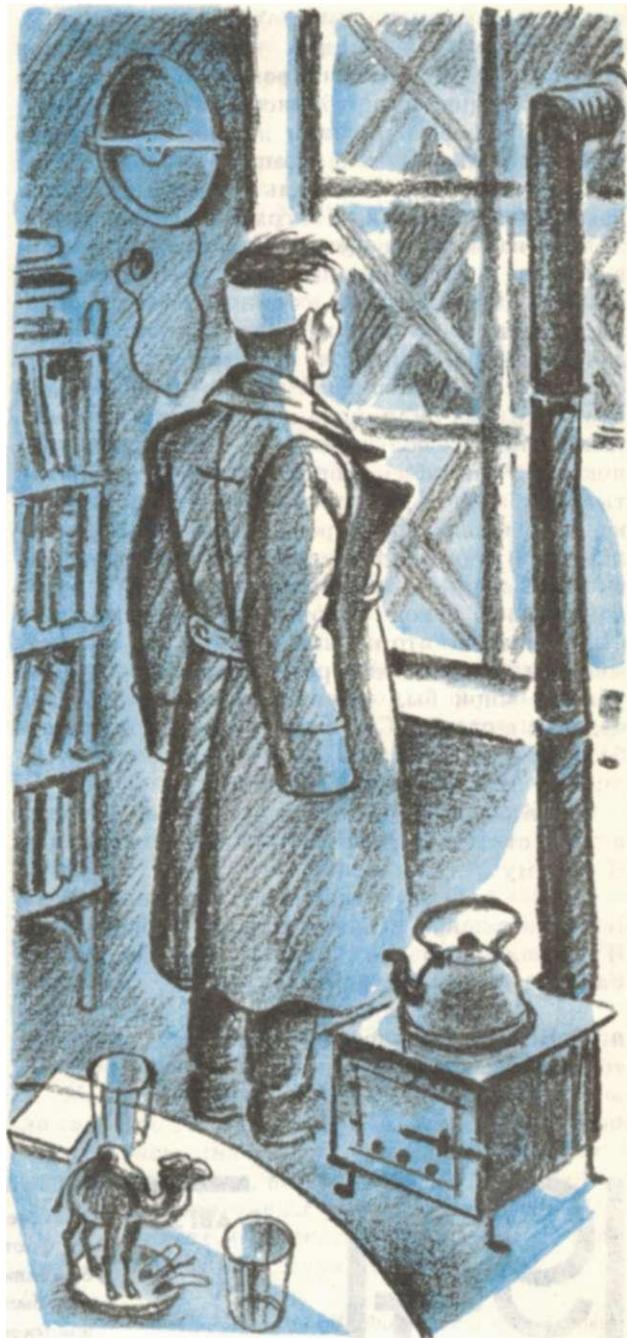
— Я вам переведу.

Он читал громким торжественным голосом, и мне доставляло странное удовольствие слушать в сумрачной комнате слова — звонкие, как падавшие со стен щиты, медленные, как степная река, гулкие, как обвал. Он читал, сжав руки между колен и чуть покачиваясь в такт ритму. Он смотрел мимо меня на стену, где висел маленький пестрый старый коврик. Когда он кончил, он поправил повязку на голове и начал переводить прочитанное... Речь шла о какой-то ночной битве. Он читал отрывок из поэмы.

— Это, — сказал он, — подражание Низами. Слушайте. Направивший взор на эту страницу увидит нижеследующие слова: это был бой, когда земля стала шесть, а небо восемь...

— Поймите, — спросил я, — а что это значит?

— Это значит, что целый слой земли поднялся к небу и образовал восьмой слой неба.

а земля уменьшилась на один слой. Слушай те дальше. Они бились утром, когда заря вставала из-за леса, и гром битвы закрывал солнце полдня, и они бились, когда тьма падала на дворцовые парки и нельзя было видеть башен дворца. Одна из башен упала во тьме битвы, и мне было так жаль ее, что я плакал, и слезы бежали по лицу. Но грязь и кровь останавливали их на моих щеках. Кровь заливала мои глаза, но я видел черные лица врагов, так как глаза моей ненависти и в темноте ночи различали их лица. Они были мрачнее мрака, и это выдавало их. Мы кололи и истребляли их без счета. Они, мыча, падали на колени и лицом в землю. Мы их били, пока не устала рука, и ночь рождала их все больше и больше. Мы сражались, пока не загорелся город, как будто зажгли тысячу факелов, так что я видел теперь не только свою кровь, но и кровь врагов, осквернившей мою родину. Я убивал в тот день варваров, и они лежали с открытыми ртами, как будто удивлялись такой смерти. И хотя лицо мое было снова залито кровью и тьмой, но сердце у меня было как колодец розовой воды. Последний убитый мной был офицер. Я увидел, что это человек в одежде СС, и обрадовался, что одним большим палачом стало меньше на свете...

Тут отрывок кончился.

— Какое странное совпадение, — сказал я. — В стихе говорится об убитом в одежде СС. К какому веку относится стих?

— К первой половине двадцатого века. К осени тысяча девятьсот сорок первого года. Я описал битву под Гатчиной, где был ранен. Гатчина горела на моих глазах.

— Вы так любили этот город? — спросил я. — Нельзя написать такое стихотворение только как воспоминание.

— Я родился в этом городе, — ответил он — Вы скажете, что были города прекрасней? Но я отвечу вам словами Низами. Он говорил, что подвиг поэта — любовь. Этой любви он посвящает свой величайший труд — поэму, прекрасную, как жизнь Лейли и Меджнуна. Стихи этой поэмы, писал он, пройдут по всем странам, где есть люди, верящие в любовь. Так они пришли и в нашу страну. Какова была Лейли? Была ли она воистину прекрасна? Великий Саади замечательно ответил на это. Он написал: слышал царь о безумной любви Меджнуна к девушке Лейли. Захотелось царю посмотреть на красоту Лейли. Взглянул на нее царь. Ничтожной показалась она ему, последняя из рабынь гарема превосходила ее красотой. Понял это Меджнун и молвил: «О царь, надо глядеть на красу Лейли глазами Меджнуна». Я дрался за свою любовь, за свой родной город, я еще отомщу за него.

Он посмотрел в окно.

За окном плыли низкие, тяжелые тучи, маячила громада Исаакия, чернели мачты и трубы.

Я понял в это мгновение, в этой сумрачной комнатке, что мы все во власти великой любви, для которой нам не жаль и самой жизни. Это напомнил нам сегодня наш далекий гость — старый Низами.

Он пришел в наш город в гуле сражений, и мы встретили его как друга, союзника и соратника в нашей битве.

И мы выпили за его здоровье, как пьют за умерших на Востоке.

Мы выпили за него те 100 граммов водки, что были добыты Королевым неизвестно откуда. Мы выпили за Низами и за бессмертные глаза Меджнуна.

1941

8 АВГУСТА. Дальние бомбардировщики 1-го минно-торпедного полка Балтийского флота под командованием полковника Е. Н. Преображенского бомбили Берлин. Все наши самолеты вернулись на свою базу. Позднее было совершено еще восемь бомбовых ударов по столице фашистской Германии.

СТРОКИ ПО ЖЕЛТЕВШИХ СТРАНИЦ

...Над городом нависла белая ночь. В светлом небе чуть колышутся азростаты... Мы сидим на крыше школы. Спать нельзя, да и не хочется...

— Вот, — рассуждаем мы, — учились в школе девять лет и не очень-то интересовались, есть ли у нее чердак и крыша. А теперь все уголки исследовали, очистили, песок и бочки с водой поставили.

...Тревожные дни наступили в Ленинграде: город на осадном положении, враг у ворот. Уезжают родные, соседи, товарищи.

— До свидания, уезжаю, — сказала мне подруга Нина.

Мы стояли у окна и молчали. Лишь два месяца назад стояли тут же и мечтали, как будем усиленно работать в десятом классе, о внешкольных занятиях, об университете... Это было прекрасное и осуществимо...

О чем же теперь говорить?.. Лучше не говорить!

— До свидания, — сказала я, уходя. — Мы с тобой еще увидимся до отъезда.

Она кивнула, но мы знали, что не встретимся долго, может быть — никогда. Странно все было. Город пустел. Мы остались в Ленинграде...

(Из дневника З. Ворожейкиной,
ученицы 10-го класса 33-й школы)

16 сентября 1941 года. 206-я школа: три зажигательные бомбы сброшены во двор школы. Потушены силами учеников и учителей.

13 октября, 206-я школа: сброшено 17 «зажигалок». Угроза пожара ликвидирована.

6 ноября. В сад школы сброшена фугасная бомба. Меры приняты. Всего на здании 206-й школы осенью 1941 г. сброшено 52 зажигательные бомбы. Все они потушены учениками и учителями.

(Из журнала дежурного Куйбышевского РОНО)

...Вражеские лазутчики пытались демаскировать затемненный город. Ракетами и световыми сигналами они хотели ориентировать немецких летчиков для прицельного бомбометания.

Сздаются специальные комсомольско-пионерские группы разведчиков и связистов в помощь органам НКВД. Во время налетов противника ребята выслеживают ракетчиков и сигналистов.

Ученики 6-го класса Петр Семенов, Алексей Виноградов и Федор Григорьев на улице Дзержинского выследили ракетчика, сообщили в НКВД. Ракетчик был задержан.

(Из доклада заслуженного учителя РСФСР М. И. Морозова на городском совещании работников народного просвещения)

В Артиллерийском переулке, очень тихом, несмотря на его громкое название, помещались детские ясли. Внизу, в подвале, — бомбоубежище.

Оно казалось таким надежным, спокойным. Там ничего не было слышно: ни сирены, ни зениток, ни грохота разрывов. Смеются и плачут дети. Вполголоса разговаривают няни.

Прямое попадание разрушило дом. Разгresti груды обломков, отрыть бомбоубежище — сколько на это потребуется времени — часов, дней?

Те, кто был снаружи, немедленно взялись за дело. Орудя лопатой, ломом, поднимая и отбрасывая кирпичи, прорыли лаз, ведущий в бомбоубежище. Он был узкий, и расширить его было невозможно из-за опасения обвала.

Но щель, недоступная для взрослых, оказалась доступной для детей.

Коля Ермолаев и Ира Смирнова — им не было еще и по 12 лет — ползком на животе пробрались в засыпанное бомбоубежище. Вползли и выползли обратно, волоча за собой по земле, по обломкам, закутанных в одеяла малюток. Они вытащили всех. Они спасли и взрослых, доставляя им воду и еду, пока бомбоубежище не отрыли.

(Из дневника Л. Агафоновой)

Завыли sireны воздушной тревоги. Сентябрь 1941 года.

Ленинградцы на строительстве оборонительных укреплений. Июль 1941 года.

Замаскированный Смольный ~ штаб обороны. 1941 год.

Запись добровольцев в Красную Армию. Июль 1941 года.

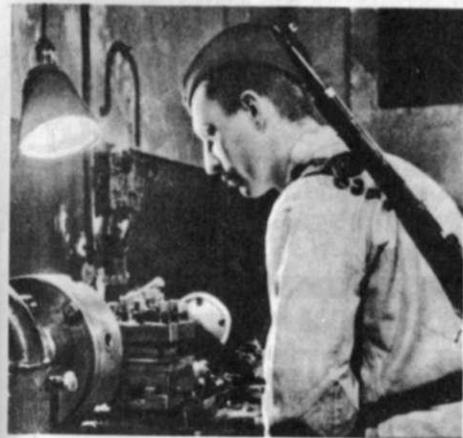

Невский проспект после очередного налета вражеской авиации. Сентябрь 1941 года.

Так работали ижорцы в 1941 году.

Надо скорее спасти детей. Осень 1941 года.

Отряд красноармейцев направляется на передовые позиции.

ТАК МЫ ЖИВЕМ

венадцатый час. Город тих и пустынен. Безлюдны прямые улицы, замерли просторные площади. Ни огонька — темно. Холодный ветер налетает порывами, разметая колючую снежную пыль. Звучат раскатистые залпы. На низких облаках вспыхивают, как зарницы, отблески выстрелов. Это бьют по врагу с фортов и кораблей. Порою совсем близко раздается разрыв. Немцы обстреливают город. В подъездах домов зябко ежатся дежурные. На перекрестках, у мостов — патрули. Звучит суровый оклик: «Стой! Кто идет?»

Это ночь в ноябре 1941 года в Ленинграде.

Мы живем в осажденном городе. Враг от нас на расстоянии пушечного выстрела. Что означает эта дистанция, мы знаем по разрывам снарядов на улицах. Полями сражений стали места гуляний и отдыха. Где звенели наши праздничные песни — гремят орудия. Окопы вырыты за жилыми домами. Баррикады перерезали улицы. Батареи установлены на окраинах.

Война пришла в город. Бульвары и сады изрыты щелями. Окна первых этажей забраны щитами. У входа — ящики с песком, бочки с водой.

Плакаты на улицах зовут: «Ленинградцы, учитесь гасить зажигательные бомбы!» Закрашен золотой купол Исаакия. Не отблескивает шпиль Адмиралтейства.

Осада сложила наш быт. Он прост и суров. Мы ложимся, готовые встать по звуку sireны.

Работаем под грохот канонады. Девушки-вожатые ведут трамвайные поезда под артиллерийским обстрелом. Домохозяйки гасят зажигательные бомбы. Парикмахеры бреют во время бомбардировок.

Город стал фронтом. На передовые уходили семьями — отец с сыновьями, муж с женой. Уходили бригадами — вместе работали, вместе воевали.

Отцов сменили дочери и сыновья, мужей — жены. Об армии, защищающей Ленинград, говорят как о боевом содружестве своих родных, товарищей по работе, соседей по дому. Надо будет — мы выйдем, встанем рядом.

День начинается военной учебой. На площадях маршируют, разучивают приемы штыкового боя.

В урочный час по улицам проходят школяры. Они занимаются в бомбоубежищах. Ученики постарше начали учебный год в своих классах. Противогазы через плечо у учеников и учителей.

Театры работают днем.

На время воздушных налетов объявляется антракт. Отелло откладывает убийство Дездемоны. Яго занимает свой пост как дежурный пожарный.

Так мы живем. Стоим у ворот своего города, как у дверей своего дома.

Мы всегда любили город. Любили, как любят воздух, которым дышат. Любовь эта так естественна, что мы не замечали ее, как не замечают биения собственного сердца. Но когда сердце ранят, по силе боли узнаешь глубину любви.

Как рана, зияет дыра в прекрасном здании Кировского театра. Сколько памятных вечеров провел здесь каждый ленинградец! Сбитая снарядом, висит крыша на здании школы, которую совсем недавно город подарил детям.

1941

25 АВГУСТА. Летчик Герой Советского Союза П. Харитонов совершил второй воздушный таран.

27 АВГУСТА. Прервано железнодорожное сообщение со страной. В город пришел последний поезд.

Кровь алеет на снегу улицы. Этой кровью теперь освящена наша любовь к городу.

Жизнь наша, счастье наше слиты с городом. С каждым камнем его, с каждым заводом его, с каждой улицей. Он плоть наша, мы душа его. В школах его мы учились. На заводах его мы работали. В парках его мы отдыхали. На набережных его мы шептали первые слова любви. Мы становились ленинградцами не только по праву рождения или по месту жительства. Слава отцов переходила к нам не только по праву наследства. Мы завоевали звание ленинградцев своей работой. Мы множили славу города в труде, в науке, в искусстве, в спорте. Теперь жизнью нашей мы должны отстоять честь города.

Эта холодная ноябрьская ночь, тишина и покой которой ежеминутно могут взорваться сигналом воздушной тревоги, разрывом снаряда, ночь, полная напряженного труда и воинской настороженности, — канун праздника. Самого большого, самого великого. В первый раз за двадцать четыре года мы не выйдем, как всегда, на площадь Урицкого, не понесем свои знамена по ликующим улицам.

Сожмем руки на оружии, товарищи! Пожьемся родной стране нашей — от Мурман до Днестра, от Западной Двины до Великого океана, и той ее части, которая стонет под игом мучителей, и той, которая напрягает силы для победы, — мы обещаем, что не опозорим чести Ленинграда, славы его не запятнаем слабостью.

Будет холодно — перетерпим!
Будет голодно — ту же затынем ремни!
Будет трудно — выдержим!
Выдержим — победим!

(«Ленинградская правда»,
7 ноября 1941 года)

Всеволод Вишневский, ОКТЯБРЬ
военный корреспондент,
капитан 2 ранга
Ленинградский фронт

доль Невы дует ноябрьский ветер. Немецкие самолеты бросают листовки: «Шестого — седьмого ноября будем нещадно бомбить вас!» Что же, нам, если хотите, любопытно читать это! Вы угрожаете, — значит, у вас недостает силы.

Мы знаем — все попытки противника взять Ленинград провалились: его бомбежки, его арт-обстрелы, его листовки, его подкупленные «ходоки», сладкие радиопередачи и прочее не действовали на Ленинград. Он стоит суровый, гранитный, незыблемый, как воплощение самого Октября. Мы холодно и безглаголиво смотрим на все эти немецкие излияния, заискивания, угрозы, обещания и увещевания. Все это ни к чему! Остался один военный разговор, одно решение: мы уничтожим фашизм.

Предоктябрьская ночь: вечерний сумрак, привычный, ко всему готовый город на замерзшей Неве. Зима пришла рано... Трамваи идут по улицам и проспектам под артиллерийским огнем, как корабли, не сворачивая с курса. Высоко над городом рвутся тяжелые немецкие шрапнели, а люди идут по своим делам, по своим домам, стоят в очередях за свежими центральными газетами.

Город-фронт живет, в нем бьется по-прежнему сердце революции. По-русски, по-ленински спокойный, уверенный... Репродукторы передают очерк Льва Толстого «Севастополь зи-

2 СЕНТЯБРЯ. Первое снижение норм продажи хлеба населению. Рабочие и инженерно-технические работники стали получать по 600 граммов хлеба в день, служащие — по 400, дети и иждивенцы — по 300.

4 СЕНТЯБРЯ. В городе разорвался первый вражеский снаряд. Из 900 дней блокады артиллерийским обстрелам город подвергался 617 дней.

МОЙ 1854 года». Толпа стоит как зачарованная. Это рассказ о сегодняшних днях! Толстовский «Четвертый бастион» — это сегодняшний Ленинград. Все, все у Толстого абсолютно точно, верно, как у нас сегодня. Спокойный русский героизм, скромный, чистый. И затемненный трамвай № 9 идет на передний край обороны, идет на четвертый бастион...

Лед схватывает корабли на Неве. Они становятся фортами, дотами. На набережных — взрытых — асфальт и земля. Воронки от бомб и фугасных снарядов, и в ответ — новые доты, новые укрепления, новые батареи... Индустрия работает круглосуточно... Чуть пригнет голову товарищ у станка при свисте снаряда и жмет дальше.

Гитлеровцы лежат в окопах и блиндажах под Ленинградом, взирая на этот огромный, страшный, недоступный для них город.

Ночь... Предоктябрьская ночь. Фашисты — эскадрильи «Гинденбург» — обрушили бомбовый удар на жилые кварталы города. Завтра вруны из ставки главного командования фашистской армии сообщат: «Мы бомбили важные военные объекты Ленинграда».

Посмотрим. Взрыт сад одной из школ, поврваны провода троллейбусной линии. Милиционер на перекрестке стоит как вкопанный... Работают пожарные у загоревшегося жилого дома...

Рвутся рядом снаряды дальнобоек... «Важные военные» объекты? Пожарные работают, делают свое дело...

И вот утро... Историческое утро 24-й годовщины Октября. По набережной, где когда-то высаживали наш кронштадтский десант, проходит отряд морской пехоты... Это наши сыны. Они действуют безупречно... Они дерутся на

Ладоге, на Неве, на всех участках Ленинградского фронта, на святых пушкинских местах, на островах Балтики.

Дует пронзительный ветер. Бородатый командир Климов, богатырь русак, бывший гвардейский матрос, стоит навтытяжку на палубе. Замерла вся команда. Рвутся близкие снаряды. Торжественный подъем флага...

Праздник, суровый праздник дней войны... Торжественность разлита всюду. Багряные флаги на домах, на дворцах. Корабли стоят готовые к бою. По великолепным мостам проходят трамваи, и высятся шпили Петропавловской крепости и Адмиралтейства. К ним не притронется ничья чужая рука. Из госпиталей вышли на утреннюю прогулку раненые. Улыбка бродит по их исхудавшим лицам... В глазах их — радость, победа... Да, Ленинград ощущает себя победителем!..

В радиорубке корабля склонившийся над листом радист записывал октябрьские вести с морских позиций. Командиры подводных лодок доносили: потоплен еще один транспорт. Счет одного из командиров дошел в канун праздника до 40 тысяч тонн, — это добрых десять фашистских пароходов. О, как встретит этого командира Ленинград!

Бьют балтийские линкоры «Марат» и «Октябрьская революция», повторяя залпы, которые они когда-то делали за Октябрь, за социализм. Бегут на торжественные собрания розовощекие школьники, у которых на днях начался учебный год.

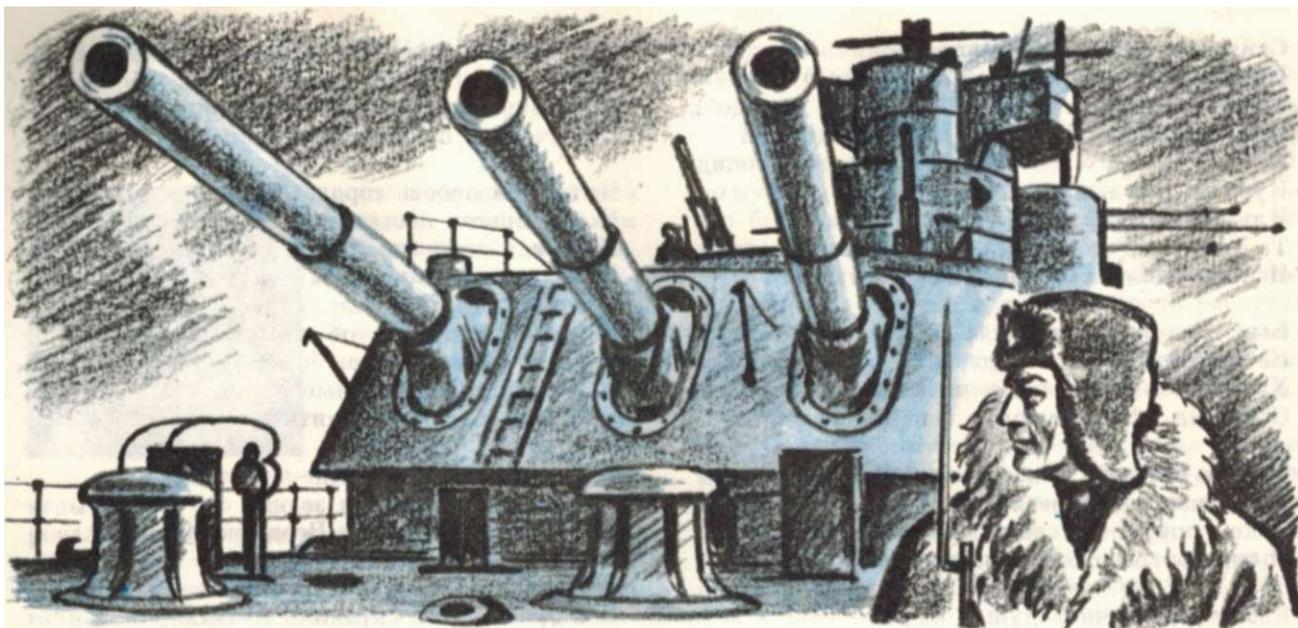
Высоко, прямо в небо, в морозный воздух поднимается черный дым заводов.

Великий город живет Октябрем, он знает себя и свою судьбу. Он уверен в ней. Это труд, жертвы, верность, мужество, победа!

1941

6 СЕНТЯБРЯ. На Ленинград упала первая фугасная бомба. Это была 129-я воздушная тревога. 128 раз врагу не удавалось пробиться. Первая бомба упала на жилой дом по Невскому проспекту, 119.

8 СЕНТЯБРЯ. Пал Шлиссельбург. Замкнулось кольцо блокады.

Глеб Семенов,
химик районной спецлаборатории
МПВО Ленинграда

МУЖЕСТВО

Мы рыли рвы — хотелось пить.
Бомбили нас — хотелось жить.

Не говорилось громких слов.
Был дот на каждом из углов.

Был дом — ни света, ни воды.
Был хлеб — довесочек беды.

Сон сокращался в забвенье.
Быт превращался в бытие.

Была судьба на всех одна.
Мы растеряли имена.

Мы умирjali потный страх.
Мы умирали на постах.

Мы умирали...
Город жил —
Исполнен наших малых сил.

Вадим Шефнер,
сотрудник газеты «Знамя победы»,
лейтенант
Ленинградский фронт

ЗЕРКАЛО

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены, —
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась
Иль по дорогам странствует каким,
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла
Обрушил вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Слепят пожары дымом и огнем.
Но все пройдет. И что бы ни случилось
Враг никогда не отразится в нем!

1942 год

ЛЕНИНГРАД

Мой город непреклонен и спокоен,
Не ослеплен слезами взор сухой.
Он темными глазницами пробоин
На запад смотрит в ярости глухой.

Он гордо ждет назначенного срока,
Чтоб, все сметая на своем пути,
Внезапно, справедливо и жестоко
Все счета с неприятелем свести.

Взорвется ярость города глухая —
И для врагов настанет Страшный суд,
И с мест дома сорвутся, гроыхая,
И в наступленье улицы пойдут.

Все в бой пойдет, чтоб отомстить за муки,
Каналы хлынут через берега,
И, протянув обугленные руки,
Пойдут деревья задушить врага.

И в бой всесокрушающе-победный,
Тяжелыми доспехами звеня,
За Пулково помчится Всадник Медный,
Пришпоривая гордого коня.

И в грохоте и в скрежете металла,
По всем проспектам промелькнув на миг,
От площади Финляндского вокзала
К Урицку устремится броневик.

Все каменное, медное, живое —
Все в бой пойдет, когда придет пора.
И танки, зло и напряженно воя,
И пехотинцы с криками «ура».

Так будет смят врага бетонный пояс,
И мы с боями двинемся вперед.
И с каждого вокзала бронепоезд
По направленью к западу пойдет.

1942 год

1941

10 СЕНТЯБРЯ. В командование Ленинградским фронтом вступил генерал армии Г. К. Жуков.

12 СЕНТЯБРЯ. Создан штаб обороны Кировского завода.

А. Диков,
главный механик
Второго ленинградского
хлебозавода

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

а долгие годы работы на Втором ленинградском хлебозаводе для меня, как и для других старых механиков-ремонтников, не осталось никаких «тайн» в заводском оборудовании. Тестомесилки, конвейерные печи, формировочные машины, транспортеры — все это было установлено, отремонтировано и регулировалось нашими руками. Мы знали в них каждый винтик.

Когда началась война, из всего довольно многочисленного штата ремонтников на заводе осталось всего трое: я, Сергей Павлов и Василий Скопа.

Меня назначили главным механиком. Это звание «генеральское». Но по сути дела, я оказался генералом без армии.

До блокады мало кто интересовался нашим заводом. Скромно притулился он в старом приземистом здании на набережной Фокина, незаметный среди окружавших его крупных промышленных предприятий Петроградской стороны. И продукцию мы изготовляли скромную — булочные изделия: плетенки, сайки, штрицели, калачи, сдобу.

В блокаду мы стали важнейшим «объектом». После бомбежек и артиллерийских налетов прежде всего интересовались, не случилось ли чего с нами. Мы не выпекали больше ни штрицелей, ни калачей, но мы ежедневно обеспечивали

хлебным пайком сотни тысяч человек, и, чем меньше была порция, тем дороже она казалась людям.

Блокадный хлеб. Из чего только не приходилось его выпекать! Меньше всего в нем было муки — мякина, отруби, целлюлоза. И все же это был хлеб, почти единственное питание ленинградцев.

Из-за острой нехватки рабочей силы, электроэнергии, топлива и воды в городе работали далеко не все хлебозаводы. Случись с нами что-нибудь — и сотни тысяч ленинградцев лишились бы своего скромного микроскопического пайка.

...Солдаты нет-нет, а все же время от времени выводятся с переднего края на переформирование и отдых. Наши работники не знали отдыха и ниоткуда не ждали пополнения. Они выпекали хлеб, разбирали на топливо старые деревянные дома, добывали ведерками на жгучем морозе невскую воду для замесов, дежурили под огнем на наблюдательной вышке, выгружали муку, ухаживали за ранеными в подшефном госпитале, гасили термитные бомбы, спасали детей, оставшихся без присмотра, и хоронили своих погибших товарищей и родичей.

Самой острой проблемой было водоснабжение. Городской водопровод не обеспечивал нас больше водой.

Рядом с заводом течет Нева. Мы поставили на мосту Свободы, метрах в ста от завода, пожарный насос. Он гнал воду по резиновому рукаву в бак. Но насос работал на электроэнергии, а ее вскоре не стало.

Не знаю уж из каких резервов, но райком партии добыл нам собственную электростанцию — сблокированный с генератором мотор ЧТЗ. Ее мощности оказалось вполне достаточно для завода.

19 СЕНТЯБРЯ. На город сброшено 528 фугасных и 2870 зажигательных бомб. Сигналы воздушной тревоги подавались 6 раз.

20 СЕНТЯБРЯ. Батальон 576-го полка 115-й стрелковой дивизии и батальон 4-й бригады морской пехоты захватили плацдарм в районе Московской Дубровки. Образовался легендарный Невский «пяточок».

Вскоре нас постигла новая беда. В первый же морозный день отказал насос на мосту. Точнее, не насос, а рукав, по которому гнали воду. Гибкий резиновый шланг промерз насквозь, не пропускал воду и ломался, как стеклянный.

Как раз в тот день на завод привезли муку. А в то время доставка муки была событием. Муку разгружали всем коллективом. Трехпудовый мешок с трудом тащили или волочили по полу четверо, а то и пятеро работников.

Разгрузка затруднялась еще и тем, что мешки были покрыты слоем льда. Очевидно, они побывали в воде.

Во втором этаже на складе мешки рассекали топорами — под ледяной коркой оказалась сухая мука. Ее бережно бросали совками на сита. На решетках после просева часто оказывались пули, мелкие осколки, окровавленные куски шинельного сукна.

Мы смотрели на эти лоскутки, и нас охватывало тревожное волнение. Люди за эту муку отдавали жизни, а мука без воды в хлеб не превратится.

От нас зависела жизнь тысяч людей, собственная жизнь, а мы не знали, что делать, как выйти из создавшегося положения.

Я стоял у распоротых, немного оттаявших мешков, с которых работницы отскабливали ножами каждую крупинку муки, когда меня окликнула от дверей старая работница, секретарь заводской партийной организации Варвара Даниловна Орлова.

— Поди-ка скорей, Александр Александрович, — торопила она, — посмотри, что надумали комсомолки.

Она повела меня во двор, со двора на набережную, и вот что я увидел.

Несколько десятков девушек выстроились живой цепью от проруби в Неве до лотка, выходившего в окно первого этажа и соединенного с баком. Мелькали обледеневшие ведра, передаваемые из рук в руки. От воды и от людей на трескучем морозе шел пар.

Я обрадовался и ужаснулся в одно и то же время: будет, будет вода для замесов, но дорого она нам обойдется!

Мороз доходил до 35 градусов. На набережной, со всех сторон открытой ветрам, стужа была особенно чувствительна.

Надо было принять тяжелое обледеневшее ведро, передать соседу, снова принять... И так много, много раз.

Воды требовалось для каждой смены около тысячи ведер.

Фактически через каждые руки их проходило по две и три тысячи, потому что ведра, быстро покрывавшиеся на морозе толстым слоем льда, вмещали только половину, а то и треть чистой воды.

Никогда не забуду: на «водной трассе» работает после 12-часового дежурства у печей смена комсомолки Лиды Райковой. Лида, как всегда, на самом трудном месте — последней принимает ведро и, подняв его на уровень груди, сливает в лоток. Вода выплескивается на ватник, под ноги...

Проходят часы.

Вылито последнее ведро. Девушка облегченно вздыхает и собирается покинуть свой трудный пост, но не тут-то было: ее валенки накрепко вмерзли в лед. Подруги топорами освобождают ее из ледяного плена и, окоченевшую, только сейчас почувствовавшую смертельную усталость, на руках несут в цех...

1941

27 СЕНТЯБРЯ. При Ленинградском областном комитете партии создан штаб партизанского движения. Возглавил его секретарь обкома М. Н. Никитин.

28 СЕНТЯБРЯ. Бомбардировке подвергся Дворец пионеров.

Элла Фонякова,
в годы блокады школьница

У Т Р О

не было 8 лет.

Вот уже 8 месяцев идет война. Более полугода...

Много это или мало?

Все, что было до июня сорок первого, кажется далеким и совершенно нереальным. Прогулка в зеленом сквере, пестрые «раски-

даи» и петушки на палочке у лоточниц на углу Среднего проспекта и Шестой линии Васильевского острова, рвущаяся ввысь гроздь розовых и голубых воздушных шаров, которую с трудом удерживает на шесте старик продавец в съехавшей на затылок фетровой шляпе...

Сон? Сказка?

Сквер разрыт и прорезан насквозь окопами и щелями укрытий. Витрины магазинов на Среднем заложены мешками с песком, а в холодном зимнем небе вместо воздушных шаров висят буро-зеленые аэростаты, похожие на гигантские ливерные колбасы.

Я учусь в 1-м классе.

В 7 часов мама поднимает меня с постели. Это тяжелое испытание — за окном минус тридцать, да и в комнате немногим больше: за ночь выстудило последние остатки тепла. Дров у нас, как, впрочем, и у всех, давным-давно нет. Большая белая кафельная печь висит у стены ледяной глыбой. Установленную против буфета жестяную «буржуйку» топим дедушкиными рукописями, старыми книгами, распиленными на куски стульями и книжными полками. Пока горит огонь, печурка рас-

каляется докрасна, от длинной, уходящей в форточку коленчатой трубы веет жаром. Можно даже ненадолго снять верхнюю одежду. Но утром... И хоть я сплю одетая в лыжный костюм и толстый свитер, мне не позавидуешь!

Приходится подниматься.

Комната плотно охвачена тьмой. Лишь над столом, вокруг язычка пламени, трепещущего в плошке, слабый ореол света. Электричества тоже давно нет, и каждый сооружает себе светильник из подручных средств. Наша коптилка придумана мамой: кусок воска для натирания полов и продернутый сквозь него фитиль из ботиночного шнурка. При таком освещении тени фантастически увеличены. Мамина занимает половину потолка, моя — чуть не всю стену. Тени двигаются, плывут, жестикулируют...

— Мыться!

Тень на потолке решительно вскидывает руку и указывает на дверь. Тень на стене по-прежнему съеживается.

Легко сказать — мыться! А если вода в бидоне, как вчера, промерзла до дна?

И зачем такая морока? Ведь никто не увидит, что я не мылась, — и дома, и в школе сию закутанная по самые уши.

Но с мамой спорить бесполезно. Сама она уже причесана, умыта, ватник аккуратно подпоясан кожаным ремнем, ватные брюки заправлены в валенки. Мама очень нравится мне в таком наряде, и сама я втайне тоже мечтаю о чем-нибудь подобном.

— Ты слышала? Мыться!

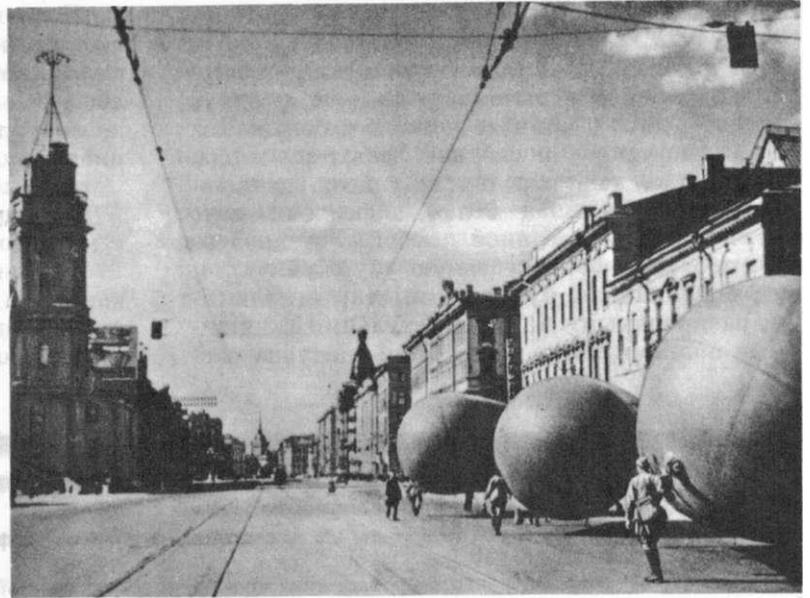
Я тащусь простывшим коридором на кухню, а мама готовит завтрак.

Времени у нее на это уходит немного — еды, как света и дров, у нас тоже почти нет. Когда я возвращаюсь, на столе дымятся две чашки с кипятком и посреди большой тарелки лежат

1 ОКТЯБРЯ. Новое снижение норм выдачи хлеба населению. Теперь рабочие и ИТР будут получать по 400 граммов, все остальные — по 200 граммов.

На город сброшено 400 зажигательных и более 30 фугасных авиабомб.

13 ОКТЯБРЯ. На Металлическом заводе построен бронепоезд. Прямо из цеха он ушел на фронт.

Мы все возьмем оружие.

Зенитки у Исаакиевского собора.

С папой до первой заставы. 1941 год.

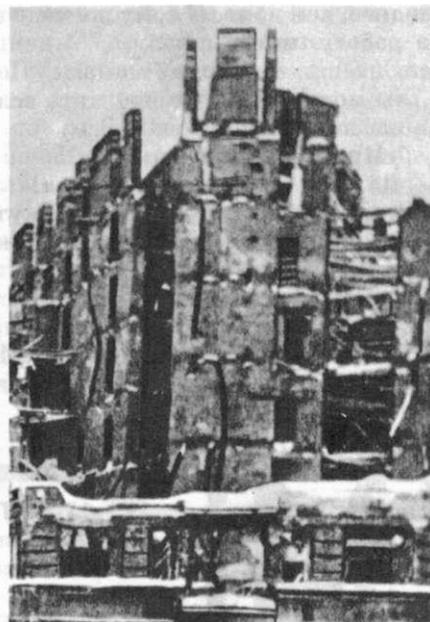
Невский — дорога воздушной стражи.

В дом попала бомба.

Бойцы МПВО на посту. Театр драмы им. А. С. Пушкина.

Так было каждый день. Враг бил по жилым домам, по детским садам.

Все больше разбитых, сгоревших домов.

два тонких, как картон, ломтика черного блокадного хлеба. Кроме того, в двух розетках для варенья понемногу черно-зеленой хряпы — вареной сорной капусты.

Все это мы съедаем очень быстро.

Пора вставать из-за стола, но я медлю. А вдруг произойдет чудо и появится какая-нибудь еда? Но чуда не происходит.

— Еще немного кипятку, если осталось. Можно?

Мама подливает мне остатки воды из прокопченного медного чайника, и я, прихлебывая ее, грею о чашку озябшие, негнущиеся пальцы. Из черной тарелки радиорепродуктора доносятся звуки музыки.

— Чайковский, — говорит мама. — Итальянское каприччио...

И, прикрыв веки, мечтательно улыбается: она знает и любит музыку. Внезапно напевная, сладостно-нежная мелодия обрывается хорошо знакомым воем сирены.

«Внимание, внимание! Воздушная тревога!»

Мы с мамой взглядываем друг на друга.

Конечно, положено немедленно бежать в подвал, в бомбоубежище. Но там еще темнее и холоднее, чем дома. К тому же надо собраться: ей на работу, мне в школу.

— Знаешь, — говорит мама. — Пока суд да дело, мы можем немного почитать вслух, а там, глядишь, все и кончится.

— «Принца и нищего»? Да?!

— Да. Вон он, на полке. Неси!

Мамино сероглазое лицо невозмутимо, движения спокойны и уверенны. Чего же бояться и мне?

Мы садимся поближе к коптилке. Обняв меня за плечи одной рукой, легкой и прозрачной от худобы, мама раскрывает томик Марка Твена, и я уже вся в предвкушении удивительных

приключений английского оборвыша. За стенами дома свистит и ухает, в любую секунду в нас — как и в каждого в тот момент — может угодить снаряд или бомба, но мы строго-настро-го запрещаем себе об этом думать. Зачем? Ведь бомбят и обстреливают ежедневно — утром, днем, вечером, ночами. И если всякий раз дрожать от страха, нельзя будет жить, учиться, работать. А жить, учиться, работать ленинградцы должны — для будущего, для победы! Это твердо знают у нас даже первоклассники вроде меня.

Воздушная тревога и в самом деле кончается. Пронесло!

— Теперь давай быстро-быстро! — говорит мама. — Времени у нас в обрез!

Я набиваю портфель учебниками и тетрадками, надеваю через плечо маленький противогаз — один из уроков мы обязательно отсиживаем в резиновых масках с длинными хоботами, отчего становимся похожими на стадо слонят, — заматываю голову шерстяным платком.

— Я готова!

— Я тоже, — отзывается мама.

Как и у меня, у нее портфель и противогаз — только и то, и другое «взрослое», больших размеров. Кроме того, на отдельном ремне у мамы на плече висит бидон — на обратном пути через замерзшую Неву она наберет в проруби воды. В руке — двухэтажный алюминиевый судок. Как и многие в Ленинграде в ту зиму, мы прикреплены к столовой и раз в день получаем там немного мучной болтанки вместо супа и по блюдечку горькой грязно-желтой каши из пшена-сечки, которая заправлена каплей олифы... Мы спускаемся вниз по лестнице, ошупью находя ступеньки.

Уже на улице мама целует меня в щеку, и мы расходимся в разные стороны. Она — направо, в сторону моста Лейтенанта Шмидта, к своему

1941

15 ОКТЯБРЯ. Партизаны отряда В. Дорофеева пустили под откос немецкий воинский эшелон — 2 платформы с танками, 2 — с артиллерийскими орудиями и 26 вагонов с боеприпасами.

институту, я — налево, в школу, которая расположена неподалеку, в подвале шестиэтажного дома с башенками, в бомбоубежище.

Идти трудно. Ноги в галошах, надетых на стеганные, сшитые мамой чупяки, то и дело оскальзываются на горбатом от льда тротуаре. Недолго и упасть. Тогда угодишь носом в сугробы, горной грядой выстроившиеся вдоль мостовой, — город некому чистить, он весь завален синими, неподвижными снегами.

Я спешу, но все равно двигаюсь медленно. Из утренней тьмы мне навстречу так же медленно плывет вереница светлячков. Это фосфоресцируют специальные брошки, которые ленинградцы стали носить, когда ввели затемнение. К моей шубейке прикреплена такая же.

— А ну, девочка, посторонись, — слышу я глуховатый голос.

Прижавшись спиной к сугробу, я пропускаю человека, тянущего за собой детские сани с чем-то длинным на них, завернутым в белую простыню. Еще кто-то умер от голода...

В школе теплее, чем дома. Наверное, оттого, что нас все-таки довольно много. Не снимая пальто, мы сидим на деревянных лавках перед длинными коричневыми столами — первоклассники, второклассники и третьеклассники. Школа блокадная, и одна учительница управляет со всей нашей копошащейся толпой.

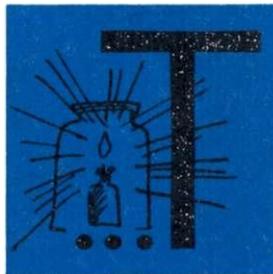
Зато звонок в школе настоящий: звонкий, залихватый, бодрый. Он энергично возвещает о начале занятий.

У доски встает учительница. Она без шубы, в опрятном синем костюме с высоко поднятыми плечами, отглаженной белой блузке.

— Добрый день! — говорит она, улыбаясь. — Приготовьте свои тетради и книжки. Сегодня у нас очень ответственный урок. Попробуем читать, не разделяя слова по слогам...

Лев Успенский,
военный корреспондент
Балтфлота,
капитан флота

**«ЗАЖГИ
ОГОНЕК!»**

емным зимним днем мы двое, я и писатель Николай Корнеевич Чуковский — оба в морской форме, потому что была война и мы служили на Балтийском флоте, были офицерами, — вышли из учреждения, в котором работали, и пошли разыски-

вать нужного Николаю Корнеевичу человека, летчика, на короткий срок прибывшего с фронта в Ленинград,

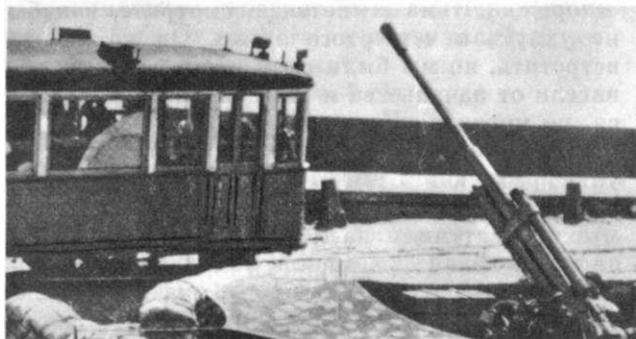
Идти было далеко, через Неву, за Невский, в Столярный переулок. Летчик вчера позвонил нам, в ПУБАЛТ, по телефону, сказал свой адрес, но предупредил, что пробраться к нему будет не так-то просто.

Он остановился у своей сестры, а та живет в разбомбленном доме. Там есть полуразрушенные лестничные пролеты, подниматься надо осторожно: тьма египетская, смотрите, как бы не ухнуть с четвертого этажа. Он хотел нас встретить, но мы были сами люди военные, зависели от начальства и сказать, когда выберемся, не могли.

Были уже сумерки, когда мы в темном переулке разыскали темный шестиэтажный дом, вошли в темнее ночи темный двор и, поразмыслив, вступили на лестницу справа. Чтобы описать, какая тут царила темнота, и сравнений бы никаких не хватило. Мы даже постояли минуту перед дверью: на дворе, когда

19 ОКТЯБРЯ. В опустевшем холодном Эрмитаже ученые и писатели осажденного города провели торжественное собрание, посвященное 800-летию великого азербайджанского поэта Низами.

23 ОКТЯБРЯ. На Ладожском озере из-за осенних штормов прервано судоходство.

Детей надо эвакуировать.

На набережной Невы.

Прощайте, дорогие.

Еще один дом разрушен бомбой.

Дедушка, прогони фашистов.

приглядишься, чуть мерцал пушистый снег, на котором не было ни копоти, ни грязи, - ни следов — только три или четыре узенькие четкие тропочки, а там, в щели, за вмерзшей в снег и незакрывающейся дверной створкой, стояла такая чернота, что нырнуть в нее было страшно, как в холодную прорубь.

Кругом не было ни души. Шестиэтажные стены стояли, поднимаясь до самого неба. Две стены были обыкновенные, две другие кончались наверху какими-то причудливыми зубцами; сквозь оконные квадраты тускло светило небо; видно было, что в этих двух корпусах — пустота, ни полов, ни потолков, все вырвано бомбой, вернее, даже двумя бомбами.

— Д-да! — сказал Николай Корнеевич. — Ну что ж...

Я шагнул в дверную щель и почти что испугался. За дверью из крошечного мрака точно бы глядело на меня красненькое кроличье око, светился чуть заметный, слабенький огонек: не сразуобразишь, что он есть, думаешь, может быть, от темноты так показалось.

Но нет, в темноте горел огонек. Этому было трудно поверить: на пустой лестнице, на ветру, на холоде — маленькое, окруженное радужным сиянием пламя...

— Смотрите, Николай Корнеевич!

Приглядевшись, мы увидели истинное чудо. На нижней площадке, около пустой клетки лифта, стоял кособокий деревянный стол: у него было только две ножки, и держался он на каком-то старом ящике. На столе стояла большая стеклянная банка, огромная банка литров на десять. Там, в ней внутри, как золотая рыбка в аквариуме, и жил огонек. И ветер не трогал его, и он тихонько сидел на фитильке обычной коптилки, «волчьего глазка», поставленного посреди банки, и помаргивал очень

скромно, даже вроде как сконфуженно: «Простите меня за смелость, но вот — горю!..»

Глаза привыкли к его чуть зримому свету и стало видно: у банки нет дна и установлена она на каких-то железках, так что воздух проходит под нее и огоньчишко не задыхается, а и вправду горит.

А рядом с банкой — все это постепенно выступало из черноты — на железном противне лежит кучка тонко нащепанных лучинок. Довольно большая кучка, точнее, две: справа — свежие, слева — с обожженными концами. И над ними установлен кусок фанеры с какой-то сделанной, по-видимому, углем надписью. Кто писал, что писал, зачем?

Фанерку пришлось придвинуть к самой банке. И тогда мы прочли на ней слова, поразившие нас в самое сердце.

«Дяденька (или тетенька), — было написано там. — Зажги огонек! Если прикуришь, положи лучинку назад, их трудно доставать. А если пойдешь наверх, свети себе: на третьем этаже провал...»

— Послушайте, Эль-Вэ, — пробормотал Николай Корнеевич после довольно долгого молчания. — Я не верю. Этого не может быть. Мы что, в сказку пришли?

Он взял лучину, опустил ее сверху в прозрачную урну, нацепил на нее огненный лоскутик. Вдруг посветлело. Я торопливо полез в карман за папиросами — в блокаде было так: есть огонь — прикуривай, потом неизвестно, будет ли он... Взяв еще пару щепочек, мы быстрыми шагами пошли вверх по лестнице: нам надо было на пятый этаж. А на площадке третьего этажа мы дружно остановились: половина площадки отсутствовала, она рухнула вниз, перил не было... Хороши были бы мы тут, в преисподней тьме, без света...

1941

29 ОКТЯБРЯ. По радио впервые прозвучало оповещение: «Граждане, район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение транспорта прекратить, населению укрыться».

Летчик, друг писателя Чуковского, открыл нам и ахнул:

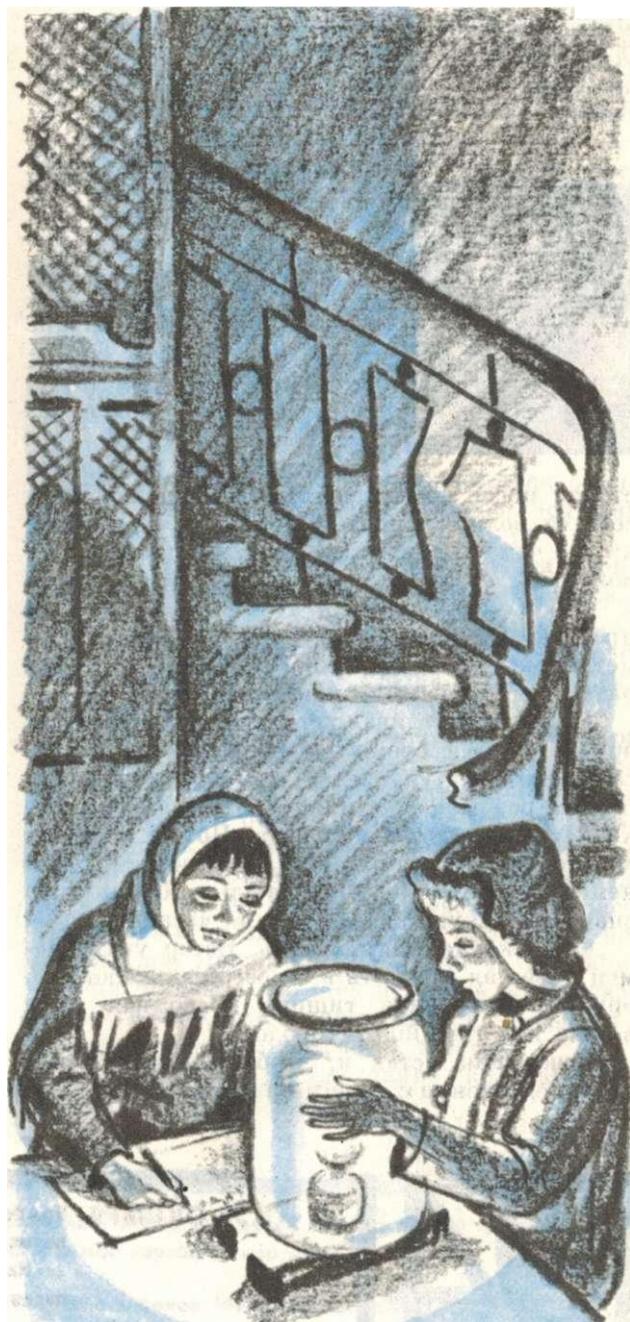
— Товарищи, у вас что же, фонариков нет, что ли? Спички жгли? Безобразие какое! Я бы обязательно вас встретил, если бы знал!

— Какие там спички в сказочном царстве! — с торжеством ответил Чуковский, — Вы слышали лучший лозунг на свете: «Зажги огонек!»? Вот. — Он протянул полуобгоревшую лучинку. — Видали? И прежде всего отвечайте: кто это? Кто придумал это неугасимое пламя? Кому пришло в голову? Где этот блокадный Прометей? Сейчас же покажите нам его!

Широкое, грубоватое лицо летчика (у него-то в руках сиял отличный трофейный фонарик с красным и зеленым светом — мечта моряка на суше) расплылось в улыбке.

— Ах, значит, добыли древесину? — с удовольствием сказал он. — Ну молодцы, вот молодцы! А то у них тут ее дня три не было, так темнота началась — жуть... Да это тут у нас двое ребят, единственные, которые остались во всем доме... Генка такой и Нинушка. Нет, не брат с сестрой, из разных квартир... Говорят: «Мы тоже хотим что-нибудь делать. Мы же пионеры...» Да лет по двенадцать, что ли. И вот придумали, представьте себе! Уже второй месяц у них эта неопалимая купина горит. Откуда они керосин, фитили берут, не скажу вам... Но молодцы, правда ведь?

Кончилась война. Николай Корнеевич переехал в Москву, я остался в Ленинграде. Встречаться нам с ним теперь приходилось не часто. Но каждый раз, как это случилось, мы, еще даже не успев пожать друг другу руки, улыбались, как заговорщики, и говорили один другому, точно пароль на фронте, одну и ту же фразу, пропускавшую нас в царство воспоминаний, из дверей которого из глубокой тьмы выступали перед нами две худенькие ребячьи фигурки. Мы говорили: «Зажги огонек!» — и вокруг нас и у нас на душе сразу становилось светлее и теплее. Я не знаю, сколько еще проживу на свете, но этого удивительного лозунга я не забуду никогда. Вы понимаете почему? И я это понимаю. Так давайте условимся, где только можно, зажигать огоньки.

Михаил Дудин,
сотрудник газеты
«На страже Родины»,
лейтенант
Ленинградский фронт

**ПОЛКОВАЯ
БАБУШКА**
(Из книги «Где наша
не пропадала»)

Кукушкина заболел зуб.

В полку не было стоматолога, и Яша Гибель выписал Кукушкину направление в Ленинград, в Стomatологический институт. Кукушкин вышел из Ново-Саратовской колонии, где мы тогда

стояли после возвращения с Ханко, не помня себя от боли. Он шел и думал о своей жизни и о чем угодно, лишь бы отделаться от зубной боли...

Кукушкин перешел Неву и вышел на проспект Обуховской Обороны. Он шел по заметенной снегом тропинке, прикрыв от ветра раздувающуюся щеку рукавицей.

Немец обстреливал дорогу из дальнoбойных орудий. Он все время переносил огонь, как бы сопровождая Кукушкина к Ленинграду. При первом разрыве Кукушкин, по старой привычке артиллериста, лег в снег. Потом перестал ложиться, а стал прятаться в подворотни. Бил немец методично — через каждые 10 минут по снаряду. Кукушкин заметил по часам...

Сумерки перешли в ночь. Ветер утих. Немец перестал стрелять из своего дальнoбойного орудия. Наступила тишина. Огромная луна встала над тишайшим городом.

Кукушкин устал и, чтобы сократить расстояние, свернул с дороги на тропинку, перелез

забор и пошел через кладбище Александрo-Невской лавры.

И вдруг в этой тишине он услышал четкие удары топора. На морозе они были особенно отчетливыми. Он прислушался и пошел по направлению звука.

Кукушкин увидел какую-то странную фигуру, которая тюкала топором по основанию деревянного креста. Проваливаясь в снег, Кукушкин подошел к этой странной фигуре и спросил:

— Что вы делаете?

Фигура выпрямилась и неопределенным голосом сказала:

— Не чужой рублю, а мужнин. А ты сильнее меня, взял бы да помог!

И странное дело: Кукушкин сбросил полубок и доделал начатое. Он начисто срубил память о бывшем человеке, расколол в щепу, погрузил на санки и молча потащил их за странной фигурой по безлюдному Старo-Невскому проспекту мимо вмерзших в сугробы троллейбусов, мимо обвисших под тяжестью иinea бесполезных проводов и перевернутых, запорошенных снегом кроватей.

Он дотащил санки до улицы Чайковского, до подъезда дома, от которого были видны в холодном свете луны деревья Летнего сада и черная решетка набережной Фонтанки.

За странной фигурой с неопределенным голосом Кукушкин протащил санки в подъезд и приставил их к стенке под лестницей, потом взял в охапку разбитый на щепки деревянный крест и поднял на второй этаж по скользкой загаженной лестнице.

Фигура открыла какую-то дверь, и они прошли по бесконечно длинному и темному коридору в самый его конец, потом вошли в комнату, и Кукушкин положил дрова прямо на пол под ноги.

1941

30 ОКТЯБРЯ. Бомбовым ударом на сиверском аэродроме уничтожено 20 самолетов противника.

На станции Плотовец партизаны взорвали мост, склад боеприпасов и уничтожили до 100 оккупантов.

— Спички есть?

Кукушкин чиркнул спичку и сначала увидел костлявую сморщенную руку, державшую гасик. Он подпалил фитиль и при тусклом свете «мышинного глаза» увидел серое, как и рука, старческое лицо с живыми ввалившимися глазами, в зрачках которых колебалось красное пламя гасика.

— Сейчас будем ужинать! — сказала старуха.

Она разделась, и развела в «буржуйке» огонь, и поставила на огонь чайник. Кукушкин снял полушубок и шапку и вытащил из противозага все свои богатства: кусок хлеба, полселедки и два куска сахара.

— Что у тебя? — спросила, взглянув на его щеку.

— Зуб! — ответил Кукушкин.

— До свадьбы заживет.

На этом их диалог закончился — и странно: боль стала затихать.

Потом старуха все кукушкинское богатство поделила на две равные части, одну спрятала в стол, другой они закусили и запили кипятком. Она дала Кукушкину подушку, и он, укрывшись полушубком и сняв валенки, улегся на диване. Хозяйка легла напротив в кровать и, потушив гасик, спросила:

— Невеста есть?

— Не знаю... — неопределенно сказал Кукушкин.

— Найдем невесту... — утвердительно промолвила старуха, и они заснули.

Проснулся Кукушкин от солнца и стрекота. Ясное зимнее солнце било ему в глаза и стрекотало, как десять тысяч кузнечиков. Кукушкин открыл глаза и удивился этому спокойному солнцу, а больше всего обрадовался тому, что зуб перестал болеть. Боль ушла вместе с опу-

холью. И мысли его были ясными и чистыми. Он открыл глаза и прислушался к стрекоту. Он увидел через раскрытую дверь в соседней комнате седую старенькую женщину. Она сидела у окна, вся от головы до ног пронизанная солнцем, белая и чистенькая. Она сидела за швейной машинкой, и хрустящая волна мадаполама сползала к ее ногам со столика, как пена, вся в солнечных бликах и зайчиках. Как только Кукушкин проснулся, она повернула в его сторону маленькую голову, поправила тонкой рукой сползающую седую прядку волос и посмотрела на него из-под очков чистейшими голубыми глазами. Посмотрела и сказала:

— Ну, здравствуй, гость! Встал! Теперь давай завтракать.

Вот так Кукушкин и познакомился с Глафирой Алексеевной в страшную ночь под 3 января 1942 года.

Глафире Алексеевне было тогда, как показалось Кукушкину, под семьдесят. Всю свою жизнь она прожила в этом доме у Фонтанки. Он был предназначен для многочисленной царской прислуги. Молоденькая Глаша работала белошвейкой и жила в этом доме с матерью.

В 1905 году ей было 18 лет. Она была красивой, веселой и любопытной. Может быть, ради любопытства, надев бархатную шубку на белом меху и белый шелковый платок, в морозный день 9 января она и выскочила из подворотни. Наверное, молодость ее вытолкнула на улицу. И она пошла на Невский, и присоединилась к праздничной толпе, и вместе с ней попала на Дворцовую площадь к царскому дворцу. Рядом с ней шел парень в бобриковом пальто с бархатным воротником и не сводил с нее глаз, а потом, осмелев, спросил:

— Барышня, а где такие красивые рождаются?

6 НОЯБРЯ. В честь завтрашнего праздника детям выдано по 200 граммов сметаны и по 100 граммов картофельной муки.

7 НОЯБРЯ. В городе разорвалось более 200 вражеских снарядов. Муки осталось на 8 дней, крупы — на 9 дней.

— Не для вас припасены, — ответила Глаша, — поищите на другой улице.

— Мне эта улица больше нравится!

Так, болтая, они и дошли до площади.

А дальше все как-то смешалось в сознании Глаши. Она только помнит, как они бежали после выстрелов с этим парнем вместе, как завернули в какой-то переулок и она перевязывала ему сквозную рану на плече белым шелковым платком. Перевязывала и плакала. И он ее утешал. Она привела его домой и две недели в очередь с матерью ухаживала за ним, пока он не встал на ноги.

Через месяц слесарь Путиловского завода Николай Михайлович Мигунов переселился на второй этаж в дом царской прислуги. Через год принесла ему Глаша в подарок первого сына, потом второго, потом третьего.

И Кукушкин увидел на стене в косых лучах ясного солнца, в траурной рамке портрет моряка с лихо закрученными усами, в кожанке и бескозырке.

— Вот это и есть мой Коля, — сказала Глафира Алексеевна, — он умер в двадцать первом от тифа.

Кукушкин взглянул на портрет ладного мужчины в косоворотке.

— Это мой первый сынок, Петя, — сказала Глафира Алексеевна, — его застрелили кулаки в тридцать втором под Лугой.

Кукушкин посмотрел на третий портрет — мужчина в морском кителе с нашивками капитана.

— Это Миша, второй, — сказала Глафира Алексеевна, — он погиб этим летом под Таллином.

Кукушкин взглянул на четвертый портрет — молодого парня в футболке — и услышал:

— Это Вася. Месяц назад угодил под бомбу на Кировском.

И, как бы в подтверждение, что-то грохнуло почти за стеной. Наверное, проклятый немец опять стал стрелять из своего дальнобойного орудия. Портрет усатого комиссара в кожаной куртке покачнулся, и подернутые морозным налетом стекла вздрогнули.

Они жили все вместе. По одному коридору четыре комнаты и кухня. Три сына и три невестки. Пять внучат и шесть внучек. Все они были сняты на общей карточке, и седая бабушка, скрестив на коленях тонкие руки, сидела в середине. И эта карточка была обвита траурной лентой, и за ее рамкой лежало письмо летчика из соседней квартиры о том, как горела на Ладоге баржа, подожженная немецкой гадиной, а на барже были три невестки Глафиры Алексеевны, направлявшиеся с детьми в тыл, куда бабушка наотрез отказалась ехать, и спасти с баржи никого не удалось.

— Вы коммунистка? — робко спросил Кукушкин.

— Нет! Они были коммунистами, а я была их матерью, — сказала Глафира Алексеевна и принялась за шитье. — Мне надо работать!

Она всю жизнь работала за своим «Зингером», который стрекотал, как десять тысяч кузнечиков. Она работала от артели на дому. Перед началом войны агент артели завез Глафире Алексеевне несколько кусков мадаполама и заказ на шитье детских распашонок. Началась война, началась блокада. Артель эвакуировалась в Буй и стала шить фуфайки. А Глафира Алексеевна все шила и шила эти детские распашонки.

— Вот погоди, кончится война, найдешь невесту, женишься, пойдут ребятишки — вспомнишь меня, старуху!

1941

8 НОЯБРЯ. Пал Тихвин.

13 НОЯБРЯ. Четвертое снижение норм выдачи хлеба. Теперь рабочие получают по 300 граммов, все остальные — по 150 граммов.

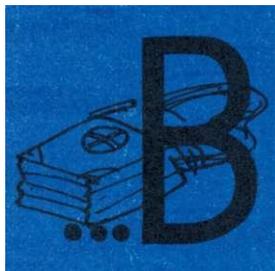
Принято решение о строительстве ледовой трассы по Ладоге.

Зуб у Кукушкина болеть перестал окончательно. Видимо, и вправду чужая боль пере-силсила собственную.

...С легкой руки Кукушкина почти весь наш полк перебивал на улице Чайковского в бывшем доме царской прислуги в гостях у полковой бабушки, как мы стали называть Глафиру Алексеевну. Она не возражала.

Вера Кетлинская

В годы блокады шила в Ленинграде

те первые дни она хотела действовать, а не ждать, пока ее защитят другие. Она была настойчива и неотступна в любом деле, за которое бралась. А сейчас дело было огромное — добиться права воевать. Ее расцветающая молодость, переполнившая ее ощущением своей силы и своих возможностей, вдруг стала на ее пути к фронту как непреодолимое препятствие, — 17 лет. Рано. Нельзя. Она сердилась, спорила и плакала. И добилась путевки на курсы Красного Креста. Курсы были ускоренные, но ускорить свое совершеннолетие Вера не могла. Училась старательно, мечтала: «Кончу — отправят». Кончила — не отправили. Одна за другой ее подруги по курсам уезжали на фронт. Вера возмущалась, требовала, плакала, хитрила — не отправляют! 17 лет. Рано. Нельзя...

Командир районной санитарной дружины был умен. Он сказал:

ВЕРА ЩЕКИНА

те первые дни она хотела действовать, а не ждать, пока ее защитят другие. Она была настойчива и неотступна в любом деле, за которое бралась. А сейчас дело было огромное — добиться права воевать. Ее расцветающая молодость, переполнившая

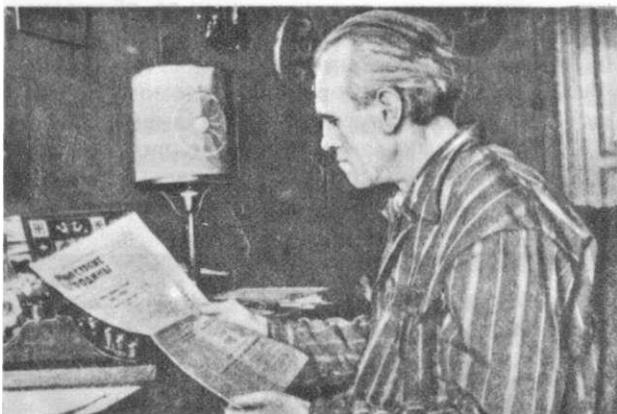
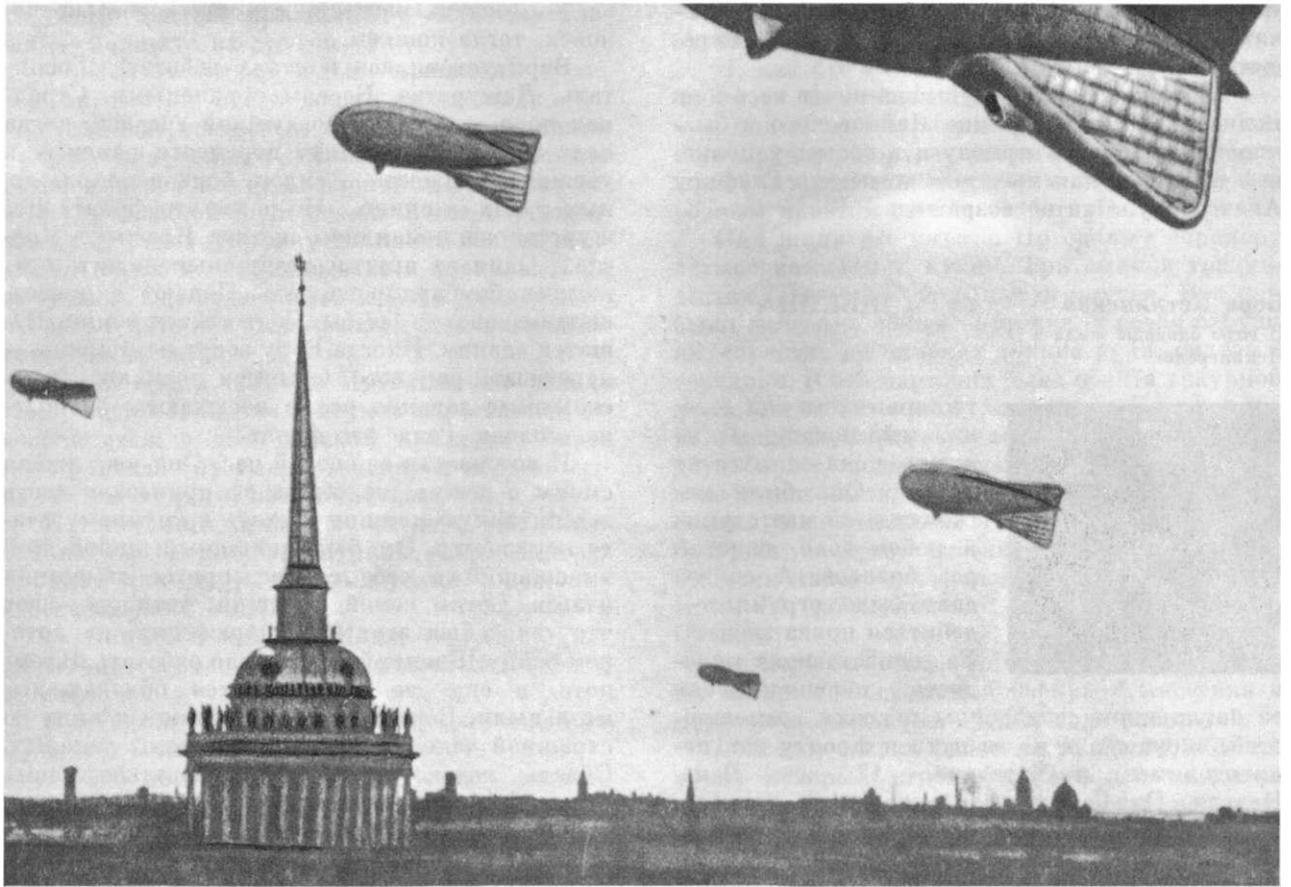
— Докажи работой, что ты взрослый человек, тогда пошлем.

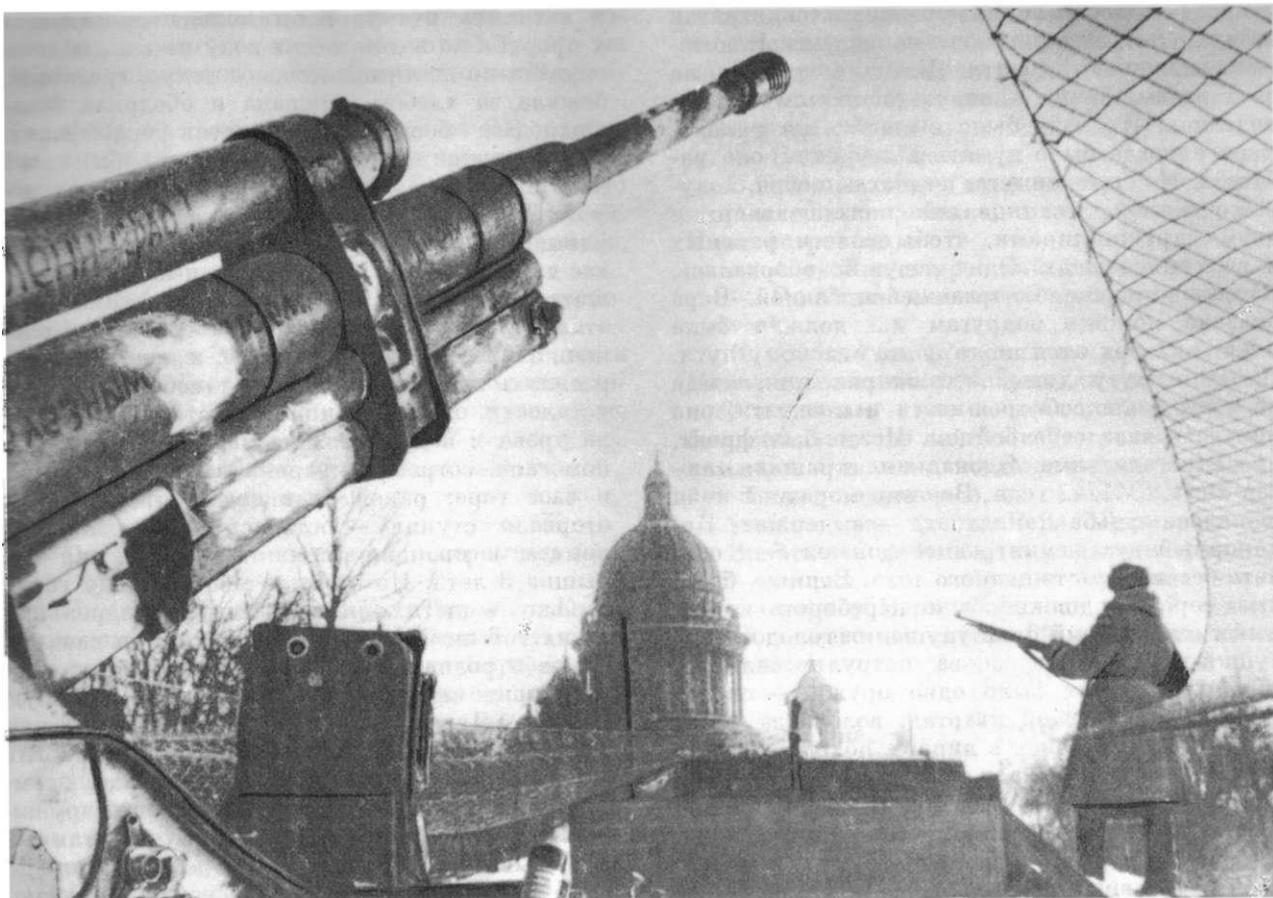
Вера устроилась и стала работать. Госпиталь. Дежурства. Беседы с ранеными. Страдная пора — сигналы воздушной тревоги, когда надо в несколько минут перенести раненых в убежище. Тяжесть носилок, боль в непривычных руках, в спине... Но разве это фронт? Дежурства на командном пункте Красного Креста... Один за другим воздушные налеты вражеских бомбардировщиков. Падают с дребезжающим свистом бомбы. Содрогается земля. Рушатся здания. Иногда Веру зовут на помощь — перевязать раненого, поднести носилки. Но на серьезные задания ее не посылают — неопытна, молода. Разве это фронт?

И вот настал ее боевой час. Она уже ждала смены с дежурства, когда ей приказали сесть в санитарную машину и ехать к крупному очагу поражения. Это был громадный жилой дом, вмещавший в себе сотни мирных домашних очагов. Сотни семей, женщин, детишек — вот что такое был этот очаг поражения, на котором бойцу Шекиной предстояло работать. В темноте, в еще не рассеявшихся облаках дыма и пыли, Вера столкнулась лицом к лицу со страшной человеческой бедой. Стоны раненых. Обвалы, под которыми могут оказаться живые люди. Бомбоубежище, засыпанное обвалом... Тут уж никто не смотрел, молода ли и опытна ли Вера. Она перевязала и свезла в больницу 17 раненых. Она вместе с бойцами МПВО, вместе с жильцами дома и какими-то сбежавшимися на помощь женщинами и подростками откапывала вход в бомбоубежище, оттаскивала бревна и кирпичи, орудовала ломом и лопатой... Вода из лопнувших труб заливала убежище. Вентиляцию засыпало, люди внутри задыхались. Скорее! Скорее!.. В 4 часа утра Вера

15 НОЯБРЯ. На город сброшено 80 фугасных авиабомб. Одна из них разбила оранжерею Ботанического сада. Мороз убил много теплолюбивых растений. Ученые Ботанического института забирают растения домой, спасая их.

17 НОЯБРЯ. На лед Ладоги вышла первая разведывательная группа с задачей пройти до деревни Кобона.

Небо Ленинграда. Октябрь 1941 года.

Н. С. Тихонов в дни блокады.

Д. Д. Шостакович на посту МПВО.
1941 год.

Ленинград. 1942 год.

Ополчение уходит на фронт. Сентябрь
1941 года.

увидела спасенных людей: шатаясь, хватая воздух ртом, выходили они из подвала. Некоторые уже не могли идти. Детишки ютились на всех возвышениях в полузатопленном темпом подвале... Их надо было выносить на руках... Вере некогда было думать в эту ночь, она работала. Но была минута: по шатающейся, полуразрушенной лестнице она ползла вверх с двумя дружинницами, чтобы спасти раненых в верхних этажах. Одна девушка оборвалась. Вторую придавило сорвавшейся балкой. Вера оказала помощь подругам и... должна была ползти вверх одна по тому же опасному пути. В эту минуту душевного напряжения, когда она заставила себя решиться и поползти, она почувствовала себя бойцом. И это был фронт.

...Настала зима. Блокадная, страшная, лютая зима 1941/42 года. Во тьме морозной ночи решалась судьба Ленинграда — выдержит? Непокорный дух ленинградцев должен был одолеть бессилие истощенного тела. Великое братство горожан должно было перебороть коварный гитлеровский план удушения голодом. Девушки-дружинницы снова патрулировали по городу, и у них было одно оружие — санки. Вера обходила свой квартал, волоча за собой сапки и вглядываясь в лица, в походку людей. Иногда поворачивала и шла следом за человеком — да, этот больше не может. Тогда она под руку провожала незнакомого человека домой или отвозила его в больницу. Иногда натыкалась на упавшего. Замерз? Или в голодном обмороке? Она укладывала тело на носилки и везла в больницу. Помогала привести человека в чувство. Рассматривала документы спасенного: кто он? Где живет? Шла по адресу — ведь там, наверное, есть семья, нужна помощь. Да, есть семья. И все лежат больные. Нет воды, не выкуплен хлеб, некому расколоть дрова

и затопить печку. Вера колола дрова, шла к проруби за водой, везла воду на санках, втаскивала по лестнице тяжелое ведро, грела чай, бежала за хлебом, утешала и ободряла больных. Все больше становилось ослабевших, нуждавшихся в помощи. У Веры был свой квартал. Много больших, густозаселенных домов. Ее скоро узнали в этих домах. Идет по улице с обходом, а ее уже встречают: «Ой, мы вас давно ждем, к нам зайдите, к нам!» И Вера шагала по темным обледенелым лестницам из этажа в этаж, из квартиры в квартиру. Большая, злая беда глядела на нее, и надо было пересилить эту беду. Не давая себе думать об усталости, о собственной слабости, Вера таскала дрова и воду, отвозила на санках больных, помогала, согревала, успокаивала. Было у нее и свое горе: ранен брат под Ленинградом — оторвало ступню, — осталась в деревне под немцем и пропала племянница, чудесная малышка 3 лет... Но не было места своему горю. Только в детях — истощенных, бледненьких детях той зимы — мершилось Вере и свое горе, своя родная боль.. Она взяла на учет всех ребятешек квартала. К ним заходила в первую очередь. Для них добивалась мест в детском доме. Нет места сегодня — так что же, оставить осиротевшего ребенка в холоде, в голоде, в темноте? И Вера несла ребенка в казарму дружины. Там тепло. Там свет. И подруги несли детей. Бывало, каждая принесет по ребенку, а то и по два. Устали. Но ребята грязны и голодны. Девушки вновь впрягались в сапки, привозили в бочке воду, согревали ее, обмывали детей. Вера клала ребенка с собою в постель, прижимала к себе, стараясь согреть его теплом своего тела. Большая материнская жалость входила в душу девушки... Но ребенок плакал от голода. И Вера бежала в столовую, упраши-

1941

20 НОЯБРЯ. Пятое снижение норм выдачи хлеба — норма самая низкая за все время осады: 250 граммов по рабочей карточке, 125 граммов — всем остальным.

Нашими войсками освобождена Малая Вишера.

вала выдать ее завтрашний суп, отдавала половину своего кусочка хлеба, отложенного на ужин. — кусочка, который не весил и 80 граммов...

Было 10 часов вечера, когда за Верой пришли из одного дома. Пришли с ключами.

— Девушка, пойдем. В этой квартире никто не откликается. А там ребенок есть. Пойдем.

Не могла идти Вера. Устала. Намерзлась. И страшно ночью.

— Пойдем, девушка. Все отказываются, боятся, а там ребенок.

Темно, а в фонаре нет керосина, и спички кончились. Собрала у подруг несколько спичек, пошла. Дворник отказался идти даже вдвоем с Верой:

— Что хочешь со мной делай — боюсь.

Жильцы отказались:

— Боимся.

Поглядела на них Вера, отвернулась, пошла одна.

Черная, черная лестница... Тишина... И так страшен был этот путь на четвертый этаж незнакомого дома; как в атаку шла Вера, как на огонь пулеметный, отрешившись от себя, напрягая все силы, чтобы не повернуть обратно, чтобы не остановиться... Одну спичку пришлось потратить, чтобы найти и открыть ключом дверь, вторую — чтобы оглядеться в длинном коридоре пустой, запущенной квартиры. Тишина. Нашупывая путь, побрела по коридору. На что-то наткнулась, чуть не упала. Чиркнула спичкой — под ногами труп, зашитый в холстину. Вскрикнула, попятилась... и вдруг услышала слабый детский писк. Надо было в темноте переступить через труп и идти наугад, на писк. Осталось три спички. Хотелось опрометью кинуться прочь из этой жуткой квартиры... И тогда в Вере заговорила совесть бойца и мужественная, выносливая душа русской женщины, сильная, самоотверженная душа, воспитанная Некрасовым и Тургеневым. Вера стиснула зубы и зашагала вперед, переступив через труп. Она нашла ребенка в кухне, на столе, завернутого в грязное одеяло, придавленного каким-то хламом. Последняя спичка догорела, когда она освободила из-под хлама и

закутала поплотнее ребенка. На обратном пути не рассчитала, снова споткнулась о труп. Опомнилась уже в казарме, когда положила ребенка на свою койку, села рядом и на вопрос подруг прошептала:

— Не спрашивайте...

В Доме малютки, куда она чуть свет понесла спасенного ребенка, Веру хорошо знали. Няни встречали ее:

— А твой-то вчерашний повеселел!

— Погляди, девочка-то твоя уже поправляется!

К ней тянулись тоненькие детские ручки. Какие-то мальчики и девочки прижимались к ее коленкам — она не всех узнавала, но это были ее дети, она спасла и отогрела их, они ее помнили. Однажды, когда она сдавала девочку без всяких документов, ей сказали:

— Это уже третья Вера Шекина у нас!

Записывая ребенка, ему давали фамилию той, которая его спасла, а девочкам — и ее имя. Скоро у Веры оказалось уже 7 «своих» детей, а всего она спасла 39 маленьких ленинградцев...

И. Кочергина,

в годы блокады
почтальон

ПОЧТАЛЬОН РАЗЫСКИВАЕТ АДРЕСА

оя трудовая жизнь началась с осени 1941 года. Мне в то время не было еще и 15 лет...

Однажды я возвращалась с Косой линии от своей подружки. По дороге попала под бомбежку и не помню, как очутилась в яме. Лежу вниз лицом, а сама все

сверлю лбом землю, хочу поглубже зарыться. Вдруг кто-то трясет за плечи:

— Вставай, трусиха. Все кончилось...

Передо мной стояла девушка-красноармеец. На боку у нее висела сумка с красным крестом. Мы разговорились.

— Хочешь санитаркой быть? — спросила она. — Сходи в военкомат. Тебя возьмут.

На следующий день я пошла в военкомат. Ростом я была высокая, только тоненькая, что тополь-саженец. В военкомате попросили предъявить паспорт. А откуда он мог быть у меня? В общем, номер не удался...

Вечером я побежала в райком комсомола. Там было полно молодежи, особенно девушек. Многих направляли работать в связь. Меня тоже послали в 26-е почтовое отделение.

Первые 2 месяца я работала по очистке почтовых ящиков. Потом меня поставили почтальоном. С этого дня началась самая трудная работа.

Зимой в Ленинграде был введен порядок — доставлять корреспонденцию в жакты: почтальоны не имели сил подниматься по лестницам.

У меня в одном только доме на Двадцать первой линии насчитывалось 45 лестниц.

Несмотря на это, мы, пока могли, старались разносить почту в квартиры. Как можно оставлять письма в конторах? Они там пролежат долго, а в это время какой-нибудь больной человек ждет не дожидается весточки, которая для него лучше всякого лекарства.

На Двадцать первой линии в доме № 16 жила старушка Богуславская. Когда я пришла к ней в первый раз и принесла письмо от сына, она была совсем плоха. С кровати не вставала и за хлебом не ходила. Совсем собралась помирить.

Прочитала я ей письмо, и она от радости расплакалась.

— Нет, доченька, не хочу помирить. Сынка надо дождаться. Один он у меня.

Стала я забегать к ней почаще. То хлеб принесу, то печку истоплю. Посидим, поговорим — и бегу дальше...

В феврале на Главпочтамт прибыло с Ладogi 6 тысяч мешков с корреспонденцией. У многих писем календарный штампель был еще за октябрь.

К этому времени я уже знала жильцов своего участка, не получивших ни одной весточки от своих близких.

На Главпочтамте работы было много. Райкомы направляли туда комсомольцев. Все полы в помещениях были усеяны кучами писем. Каждое отделение имело свою кучу.

Однажды, когда я подходила к Главпочтамту, начался артиллерийский обстрел. Заскочила в первый попавшийся подъезд и, став между дверей, переждала, пока утихнет. Потом побежала на Главпочтамт.

Еще издали заметила, что там неладно. Несколько снарядов угодило прямо в здание.

Едва мы успели получить почту и выйти на улицу, как опять начался обстрел. Недалеко от нас разорвался снаряд. У моей подружки Козловой из 178-го почтового отделения, с которой мы шли вместе, сорвалась с плеча сумка, и почта рассыпалась. Ветер подхватил письма, погнал их по улице. Не обращая внимания на обстрел, Козлова бросилась вдогонку и стала ловить их.

Когда все утихло, две девушки-почтальона так и остались лежать в обнимку со своими почтовыми сумками, а две были ранены. Козлову ранило в ногу. Мы ее уговаривали пойти на перевязку, но она и слушать не хотела. Под ногами снег красный, а Козлова стоит и проверяет — все ли подобрала письма...

1941

22 — 23 НОЯБРЯ. По Ладогe прошла первая автоколонна с продовольствием.

28 НОЯБРЯ. Из Москвы поступила телеграмма командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова: «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами».

СТРОКИ

ПО ЖЕЛТЕВШИХ

СТРАНИЦ

Это было 6 января 1942 года. В этот день мы, школьники старших классов, праздновали елку в помещении Малою оперного театра. Начало праздника было назначено на 11 часов. Но еще задолго до начала ребята, несмотря на сильный мороз, стали собираться у театра.

При входе мы обменивали наши пропуска на театральные билеты. На обратной стороне каждого билета стояла цифра. Эта цифра показывала, в какую очередь получать обед. Входя в фойе, мы останавливались в изумлении: там возвышалось множество елок, богато и красиво украшенных. Весь театр был освещен электрическим светом. Это тоже было сюрпризом для ребят, так как почти ни у кого света уже не было и все сидели дома при копилках.

Праздник начался спектаклем Театра имени Ленинского комсомола «Овод». В зале и на сцене было очень холодно; зрители сидели в пальто, но слушали все очень внимательно. В антрактах ребята выходили в фойе, где играло несколько оркестров, или беседовали с артистами.

После спектакля был обед, который в те суровые январские дни являлся очень ценным подарком. На обед дали суп с лапшой, граммов сто пшениной каши и немного желе. К обеду выдали ломтик хлеба граммов в пятьдесят.

После обеда все разошлись очень довольные этим прекрасным, хорошо организованным праздником.

(Из воспоминаний ученика 8-го класса Артюхина)

14 января 1942 года.

...Папа достал какого-то масла, которое наливали в краску. Теперь мы жарим на нем хлеб. Так его есть плохо. Я поела жареного хлеба, и две ночи у меня болел не то живот, не

то еще что-то. Я теперь не жарю, а остальные жарят.

В комнате очень грязно, все закоптело. Вода не идет. Приходится ходить на улицу. Уборная не работает. Снег на улицах никто не убирает. Трамваи по-прежнему не ходят. Бани работают лишь изредка. Парикмахерские закрыты.

Я пишу, а сама так замерзла. У меня закоптелое лицо и руки, но мыться холодной водой бесполезно, только размажешь. Я еле-еле держу вставочку. Руки замерзли. У меня такое старое лицо. Глаза провалились, а над глазами и под глазами опухоль. Меня теперь зовут гражданкой, и никто не дает мне столько лет, сколько есть. Какую печать наложила блокада на наше здоровье! Люди или сильно похудели, или опухли. Жутко сейчас в нашем городе.

Сейчас папа, мама и Лена на работе, но не на прежней. Папа — охранником, Лена и мама или пилят дрова и носят в заводскую столовую, или таскают воду. Жилец в соседней комнате, отец Мани Алешиной, не ходит домой, а ночует на заводе, потому что невозможно ходить пешком так далеко...

(Из дневника Нины Ивановой)

23 января 1942 год. ...Девочки третьих классов ходили выступать в госпиталь.

26 января. ...Девочки десятых классов Хрущева, Бешкова, Заборная, Уткина, Мстиславская, Афанасьева выступали с концертом в госпитале.

28 января. ...7—10-е классы выступали с концертом.

3 февраля. Девочки десятого класса ходили в госпиталь. Починили 50 штук белья.

4 февраля. ...Девочки 10-го класса ездили в госпиталь на 17-ую линию Васильевского острова к раненым разведчикам.

5 февраля. ...Девочки восьмого класса чинили в госпитале белье. Починили 50 штук. Девочки 8—10 классов дежурили во 2-й хирургии, читали и рассказывали в палатах...

(Из дневника пионерской дружины 105-й школы)

В. Вольтман-Спасская

В годы блокады
жила в Ленинграде

ПО ВОДУ

я в гору саночки толкаю.
Еще немного — и конец.
Вода, в дороге замерзая,
Тяжелой стала, как свинец.

Метет колючая пороша,
А ветер каменит слезу.
Изнемогая, словно лошадь,
Не хлеб, а воду я везу.

И Смерть сама сидит на козлах,
Упряжкой странною горда...
Как хорошо, что ты замерзла,
Святая невская вода!

Когда я поскользнусь под горкой,
На той тропинке ледяной,
Ты не пролешься из ведерка,
Я привезу тебя домой.

1942 год

Юрий Воронов.

в годы блокады школьник

ИЗ ПИСЕМ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Наш город в снег
До пояса закопан.
И если с крыш
На город посмотреть,

То улицы
Похожи на окопы,
В которых побывать успела
Смерть.

Вагоны
У пустых вокзалов стынут,
И паровозы мертвые
Молчат —
Ведь семафоры
Рук своих не вскинут
На всех путях,
Ведущих в Ленинград.

Луна скользит по небу одиноко,
Как по щеке холодная слеза.
И темные дома стоят без стекол,
Как люди,
потерявшие глаза.

Но в то, что умер город наш, —
Не верьте!
Нас не согнут
Отчаянье и страх...
Мы знаем
От людей, сраженных смертью,
Что означает:
«Смертью
смерть
поправ».

Мы знаем:
клятвы говорить не просто.
И если в Ленинград ворвется
враг,

1941

1 ДЕКАБРЯ. По Дороге жизни перевезено уже 800 тонн муки.

В Ленинграде введено обязательное прикрепление продовольственных карточек к определенным магазинам.

В газете «Правда» опубликована поэма Н. Тихонова «Киров с нами», созданная в блокадном городе.

Ольга Берггольц

ПУТЬ К ОТЦУ

(Из книги

«Дневные звезды»)

11

шла из города на Невскую заставу. Я шла к отцу в первых числах февраля 1942 года. ...Отправляясь за Невскую, я снарядилась обстоятельно. Товарищи по радиокомитету, где я давно уже жила на казарменном положении, снабдили меня каждый чем мог. Мне налили в появившуюся откуда-то бутылочку с делениями (в таких бутылочках дают в консультациях детям-искусственникам молоко) жидкого, чуть сладкого чая, кто-то подарил две папироски, я взяла свой хлебный паек. Это было в то время уже целых 250 граммов хлеба. Я решила есть понемножку и ни за что не съедать весь хлеб сразу, хотя думала только о том, что в противогазе моем лежит хлеб — целых 250 граммов с довесочками... Да, на боку у меня висел противогаз, тот самый противогаз, который еще в октябре казался... главным спасением от всех ужасов войны... Нам ни разу не пришлось надеть их, смерть не дохнула нам в лицо удушающими газами, она просто вошла в каждого из нас как предельная слабость плоти, как грызущий холод, как постоянный ледяной озноб...

Вместо противогазов люди носили на лицах шерстяные маски и полумаски всех цветов, у кого какая — или вязаная гарусная, или суконная — тряпка нашлась. Красные, черные,

зеленые, синие маски с узкими щелочками для глаз шли мне навстречу.

А резиновая маска из сумки противогаза давно уже была выброшена. В сумке помещался чаще всего «малый дистрофический набор»: одна-две полулитровые баночки, ложка, пища, если она была у человека.

Я знала, что идти нужно будет долго. Надо дойти до завода Ленина. Потом долго по Шлиссельбургскому. Надо будет даже перейти Неву, подняться на крутой правый берег. От радиокомитета это примерно километров пятнадцать — семнадцать. Я очень истово собиралась в дорогу и вообще исполнена была какой-то странной истовости, удивительного спокойствия. Да нет, пожалуй, даже не спокойствия, а этакое мертвого безразличия, нет, вернее даже неизведанной тихости, странной кротости. Я не была уверена, что дойду до отца, и решила не загадывать так далеко. Я решила: во время дороги буду ставить себе микрозадачи: вот сейчас я у этого фонарного столба. Надо дойти до следующего. Потом опять до следующего. Потом до Московского вокзала. А там видно будет! Надо переставлять ноги, не торопясь, никуда не спеша, стараясь идти по тропинке и не отступаясь в снег.

И вот я пошла. Сначала по Невскому, от одного фонарного столба до другого. От другого до другого...

...Вот дошла до Московского вокзала. Поглядела на часы: стоят.

Вступила на Старо-Невский. Там снова от столба к столбу. А слева от Московского — до самой Александро-Невской Лавры — цепь обледеневших, засыпанных снегом, тоже мертвых — как люди — троллейбусов. Друг за другом, вереницей, несколько десятков. Стоят. И у Лавры на путях цепь трамваев с выби-

1941

3 ДЕКАБРЯ. в районе Войбокало войска 54-й армии потеснили гитлеровцев, пробив еще одну дорогу к Ладожскому озеру.

6 ДЕКАБРЯ. Исполком Ленгорсовета принял решение о снабжении населения кипятком. При домохозяйствах оборудуются кипятильники.

тыми стеклами, с сугробами на скамейках. То же стоят. Наверное, всегда теперь так будут стоять. Невозможно представить, чтобы все это когда-нибудь двинулось, зазеленело, зашестелело по асфальту. Неужели мы в этом когда-то ездили? Странно! Я шла мимо умерших трамваев и троллейбусов в каком-то другом столетии, в другой жизни. Жила ли я сто лет раньше сегодняшнего дня или сто лет позже — я не знала. Мне было все равно.

Тропинка вилась посередине улицы. Но здесь она была довольно широкой. Я услышала позади себя скрип полозьев. Остановилась и оглянулась: женщина везла на саночках мужчину. Он был привязан к санкам полотенцем, он сидел и был явно еще живой. Я вяло подумала: «Куда же она его везет?» Потому что уже начинались амбары... Взглянув на амбары, я подумала: «Это зернохранилища. Хранилища зерна. Да, ведь когда-то во всех этих амбарах было зерно — рожь, и даже между амбарами, под навесами, тоже лежали груды ржаного зерна.

Я помню это. Когда я ездила за Невскую, я видела груды ржаного зерна».

При мысли о ржаных зернах рот мой наполнился холодной слюной. Я вспомнила, как растирали мы в руках спелые ржаные колосья летом, когда жили в Заручевье, там, где я узнала о дневных звездах. На мгновение мне точно пахнуло в лицо запахом ржаного поля... Если б вдруг хоть один колосок растереть, всыпать в рот и долго перемалывать зерна зубами, — ох как мы на своих супах истомились по «твердой еде»!

«Сейчас выну хлеб и съем его весь», — подумала я, и в глазах у меня потемнело. Я остановилась, рывком расстегнула противогаз... и вдруг мне удалось подавить внезапно вспых-

нувшее, единственное за всю дорогу живое чувство. Я сказала себе тихо, но вслух:

— Нет. У завода Ленина. Сяду. Отопью глоточек чайку. Съем хлеба.

И снова, на миг нарушенная, воцарилась во мне нехорошая покорная тишь. Я стала двигаться дальше и до сих пор помню, что всю дорогу была удивительно кроткой, спокойной и как-то очень готовой умереть. Даже не умереть, а раствориться в этом снеге, в этих огромных сугробах, в заиндевевших багрово-кирпичных амбарах, в низком грифельном небе.

Эта кротость, как мы уяснили потом, была действительно началом смерти. Как раз в этом состоянии человек начинал все говорить с употреблением суффикса «чка» и «ца»: «кусочек хлеба», «корочка», «водичка» — и становился безгранично вежливым и тихим.

...Уже за Невской тропинку мою пересекла поперечная. И так случилось, что в ту минуту, когда я подошла к этому малому перекрестку, столкнулась я с женщиной, замотанной во множество платков, тащившей на санках гроб, собственноручно говоря, даже не гроб, а что-то вроде комодного ящика.

Может быть, это даже и был комодный ящик, заколоченный сверху фанеркой. Она тащила его, всем корпусом наклоняясь вперед, почти падая. Я остановилась, чтобы пропустить гроб, а она остановилась, чтобы пропустить меня, выпрямилась и глубоко вздохнула. Я шагнула, а она в это время рванула саночки. Я опять встала. А ей уж не сдвинуть с места санки: наверное, они наскочили на какую-нибудь выбоинку или бугор на тропинке, и стоят они прямо около моих ног. Она ненавидяще посмотрела на меня из своих платков и еле слышно крикнула:

— Да ну, шагай!

Завершилось строительство еще одной дороги к Ладогe (вокруг Тихвина).

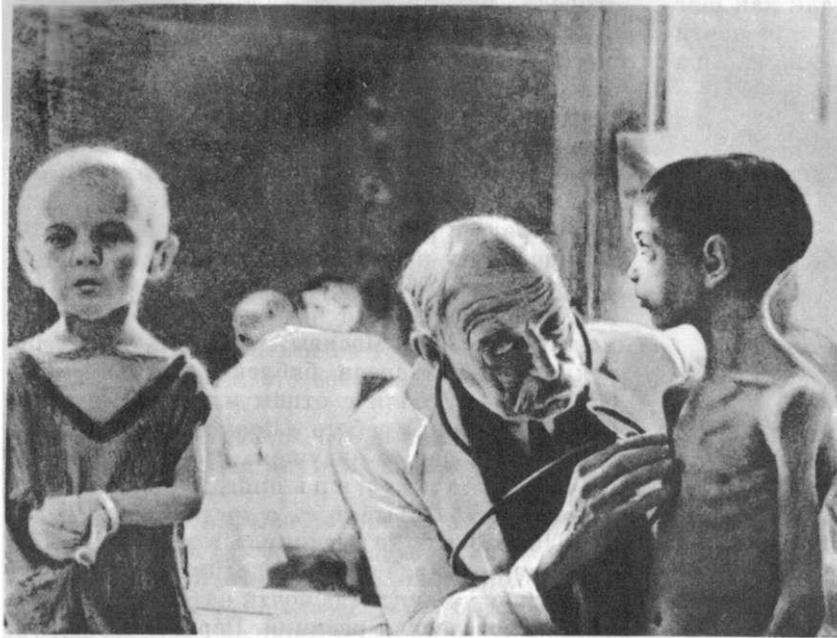
8 ДЕКАБРЯ. Заводы Ленинграда начали изготавливать печи-временки для отопления квартир — «буржуйки».

Надо искать новый кров. 1941 год.

Суворовский проспект. Воспитанники детского сада на прогулке. 1942 год.

Жертвы вражеского обстрела.

Голод не миновал и детей.

Занятия продолжаются. Школа в бомбоубежище. Декабрь 1941 года.

В конторе домохозяйства можно получить горячую воду.

И я перешагнула через гроб, а так как шаг пришлось сделать очень широкий, то почти упала назад и невольно села на ящик. Она вздохнула и села рядом.

— Из города? — спросила она.

— Да.

— Давно?

— Давно. Часа три, пожалуй.

— Ну что там, мрут?

— Да.

— Бомбит?

— Сейчас нет. Обстреливает.

— И у нас тоже. Мрут и обстреливает.

Я все-таки раскрыла противогаз и вытащила оттуда драгоценность: «гвоздик» — тонюсенькую папироску. Я уже говорила, что у меня их было две: одну я несла папе, а другую решила выкурить по дороге, у завода имени Ленина. Но вот не утерпела и закурила.

Женщина с неистойвой жадностью взглянула на меня. В глубоких провалах на ее лице, где находились глаза, вроде что-то сверкнуло.

— Оставишь? — не сказала, а как-то просвистела она и глотнула воздуха.

Я кивнула головой. Она не сводила глаз с «гвоздика», пока я курила, и сама протянула руку, увидев, что «гвоздик» выкурен до половины. Ей хватило на две затяжки.

Потом мы встали, обе взялись за веревку ее санок и перетасили гроб через бугорок, на котором он остановился. Она молча кивнула мне. Я — ей. И опять, от столба к столбу, пошла к отцу. Встреча с женщиной, тащившей комодный ящик-гроб, и перекур с нею ничего не шевельнули во мне тогда. Я только подумала: «Теперь не присяду до завода Ленина. А у завода съем кусочек хлеба».

...У завода Ленина, откуда когда-то очень-очень давно — в детстве и юности — начинался

«город потому что до завода ходила конка, а от завода трамвай, — у завода Ленина, бывшего Семянниковского, я присела на бетонную скамеечку, огибавшую бетонную диспетчерскую будку (выстроенную, конечно, в стиле Корбюзье), аккуратно съела «кусочек хлеба» и пошла дальше по Шлиссельбургскому. Наша школа не вызвала никаких воспоминаний. Я не посмотрела и вправо — на Палевский, где пять месяцев тому назад под воем и громом снарядов неспешно, торжественно умирала моя бабушка, благословляя все четыре стороны света и моля о спасении Москвы; не взглянула на перекресток, где среди библейских серебряных облаков мы стояли с отцом и спеша говорили о Николае, о его работе «Лермонтов и Маяковский», о поэзии, о будущем...

А ведь это я теперь пишу, теперь вспоминаю этот ледовый путь, а тогда я вовсе не отметила, что вот не взглянула в сторону отчего дома, не подумала о его последних обитателях... Повторяю, у меня тогда почти не было чувств, не было человеческих реакций. Вернее, были одни суженные, первичные реакции.

Я только замерла, когда дошла до Невы, до перехода к папиной фабрике, потому что уже смеркалось и первые, нежнейшие, чуть сиреневые сумерки спускались на землю. Сиреневорозовой, дымчатой была засугробленная Нева и казалась необозримой свирепой снежной пустыней.

Отсюда до отца было дольше всего, хотя я видела через Неву его фабрику и знала, что влево от главных корпусов стоит старенькая бревенчатая амбулатория.

В противогазе у меня остался совсем маленький кусочек хлеба, граммов сто, и я подумала, что, наверное, у отца найдется же кружка кипятка и мы поделим этот кусочек и съедим его.

1941

9 ДЕКАБРЯ. Нашими войсками освобожден город Тихвин.

10 ДЕКАБРЯ. На лесозаготовки направлено 2850 человек.

16 ДЕКАБРЯ. Воины 52-й армии освободили Большую Вишеру.

Как только я приду, — сразу и съедем. Эта мысль придала мне силы, и я пошла через Неву.

«Теперь скоро, теперь скоро, но, боже мой, как далеко!»

Очень узенькая тропинка через Неву была твердой, утопанной, но какими-то неверными, чересчур легкими шагами: она была ребристой, спотыкающейся. Правый берег выился неприступной ледяной горой, теряясь вверх в сизорозовых сумерках. У подножия горы закутанные в платки, непохожие на людей женщины брали воду из проруби.

«Мне не взобраться на гору», — вяло подумала я, чувствуя, что весь мой страшный путь напрасен.

Я все же подошла к горе вплотную и вдруг увидела, что вверх идут еле высеченные во льду ступеньки.

Женщина, немислимо похожая на ту, что тащила гроб, в таких же платках, с таким же коричневым пергаментным лицом, подошла ко мне. В правой руке она держала бидон с водой литра на два, не больше, но и то клонилась направо.

— Поползем, подруга? — спросила она.

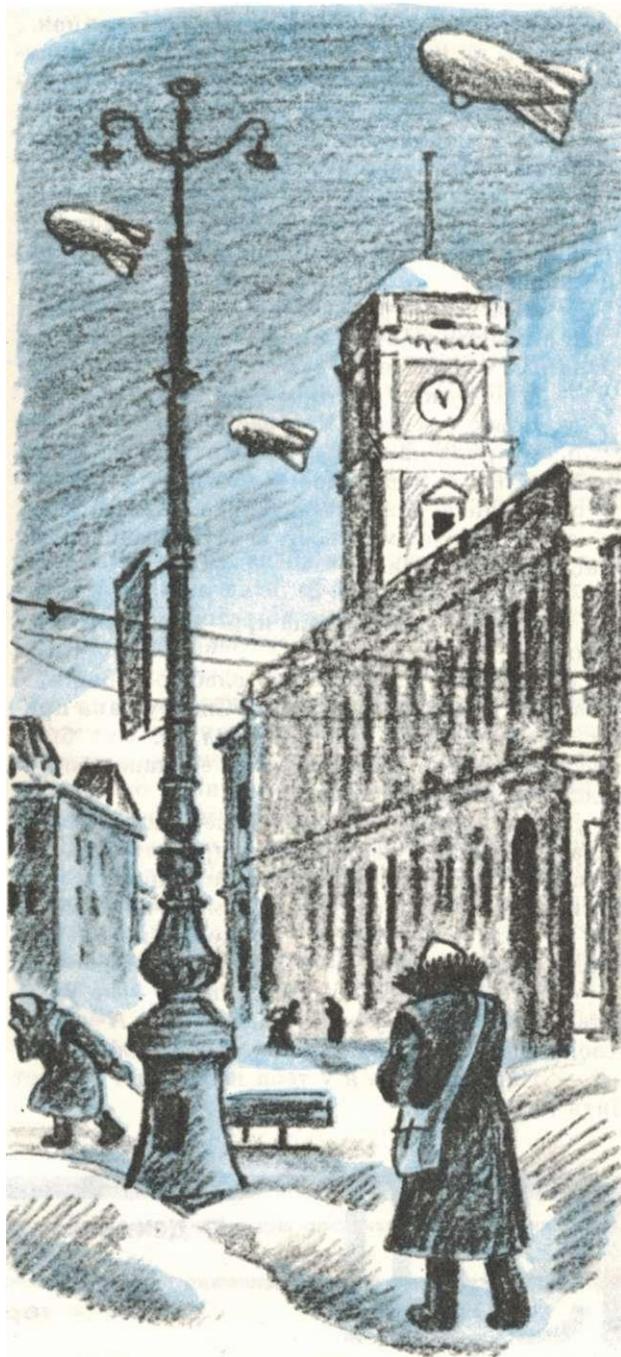
— Поползем...

И мы на четвереньках, рядышком, тесно прижавшись друг к другу, поддерживая друг друга плечами, поползли вверх, цепляясь руками за верхние вырубки во льду, с трудом подтягивая ноги, со ступеньки на ступеньку, останавливаясь через каждые два-три шага.

— Доктор ступеньки вырубил, — задыхаясь, сказала на четвертой остановке женщина. — Дай ему бог... все легче... за водичкой ходить...

Но я не подумала, что это она говорит о моем папе. Ей было труднее, чем мне, потому что я цеплялась за верхние ступеньки двумя руками, а она одной, другой рукой она переставляла со ступеньки на ступеньку бидон с водой. Вторую половину пути мы переставляли бидон по очереди, то я, то она, и так доползли до верха и дошли до ворот фабрики.

...Низенькая толстая свеча башенкой («ишь, какие у него свечи!») снизу освещала его лицо. Он очень отек, даже при свече было видно, что

лицо его приняло зеленовато-голубой оттенок... Но волосы на висках и на затылке, легкие полуседые волосы блондина, еще топорщились и курчавились, и глаза его, большие, выпуклые, голубые, в мерцании свечи казались особенно большими и голубыми.

Я молча стояла перед загородочкой, перед папой. Он поднял отекавшее свое лицо, взглянул на меня снизу вверх очень пристально и вежливо спросил:

— Вам кого, гражданка?

И я почему-то ответила деревянным голосом, слышным самой себе:

— Мне нужно доктора Берггольц.

— Я вас слушаю. Что вас беспокоит?

Я смотрела на него и молчала. Не рыдание, не страх, нечто неведомое — что-то, что я не могу определить даже теперь, — охватило меня, но тоже что-то мертвое, бесчувственное. Он участливо повторил:

— На что жалуетесь?

— Папа, — выговорила я, — да ведь это я — Ляля!..

...Мы вошли в маленькую, слабо освещенную каганцом кухню амбулатории. Свечку папа принес с собой и тут же потушил ее. Это была государственная драгоценность, ею папа пользовался только на приемах.

Две женщины в халатах поверх ватников — одна низенькая и черноглазая, другая очень высокая, с резко подчеркнутыми истощением чертами лица, — всплеснули руками, увидя меня.

— Лялечка, — почти пропела низенькая, черноглазая, — как... как вы выросли!..

— Это Матреша, — сказал папа, — не узнаешь? Матреша, лучшая санитарка. А это — Александра Ивановна... Тоже не узнала?

— Папа, да ведь я у тебя последний раз лет пять назад была.

...На меня напала какая-то болезненная болтливость. Я очень долго молчала последние дни, а тут от тепла, исходящего от печурки, от людей, окружавших меня, я опьянела. Меня вдруг стало клонить в сон, покачивать, в то же время хотелось говорить, говорить о чем угодно.

Я вытащила остаток своего пайка и «гвоздик» — папироску. Отец захлебнулся от счастья.

— Вот это да! — сказал он, благоговейно беря «гвоздик» своими большими, умными руками хирурга. — Богато живете, мужики!

...Нечто вонючее и странное на сковородке было подано на стол. Мой ломтик хлеба мы поаптекарьски поделили на всех четверых, разлили по кружкам кипяток — тоже всем ровнехонько-ровнехонько, сели у столика, и было так тесно, что мы невольно прижимались друг к другу, как в битком набитом вагоне... Маленькое пламя каганца металось из стороны в сторону, тени наши, уродливые и страшные, качались на стенах комнатки, и от этого еще больше казалось, что все мы куда-то едем — далеко-далеко, на поезде дальнего следования...

Когда мы поели, Александра Ивановна куда-то ушла, а Матреша опять предложила мне помыться, и я опять отказалась, вспомнив Неву и лестницу, а вспомнив ее, не по необходимости, а движимая чем-то умственным и полузабытым, сказала:

— Отец, ты совсем не бережешь себя...

— То есть? — спросил он удивленно.

— Ну вот... ступеньки во льду вырубашь...

Он взглянул на меня почти с состраданием.

— Дура ты, дочь моя и знаменитая поэтесса города Ленина, — беззлобно сказал он. — Ибо произносишь все это всуе, без веры...

И ему, наверное, хотелось поговорить, пофилософствовать даже, с близким человеком, и он

1941

17 ДЕКАБРЯ. Образован Волховский фронт. Его командующий — генерал армии К. Л. Мерецков.

Начала действовать ледовая дорога, связавшая Ленинград с Ораниенбаумом по льду Финского залива.

много говорил в тот вечер, а мы ведь тогда совсем мало говорили — инстинктивно берегли силы.

Пана рассказывал, как организует стационар на своей фабрике.

— Вот хожу по Невской заставе с нашими фабричными властями и привожу в стационар кадровых наших ткачей и ткачих. Я ведь их* всех знаю — слава богу, двадцать лет на фабрике... Эти у меня не умрут! Ну, черт же побори, ведь когда-нибудь фабрика-то заработает! И сукно нужно будет людям, одежонка-то за войну пообтреплется, а?

— Наверное, — сказала я.

Мне было почему-то противно думать о сукне, даже затошнило, когда я его себе представила — серое, жесткое, и почему-то его надо еще разжевать...

Я совершенно опьянела от вонючей еды, от кипятка, от тепла, меня клонило куда-то в сторону, я стала не то засыпать, не то умирать. Черноглазая Матреша первая заметила мое состояние.

— Доктор, — сказала она, — а дочке-то спать пора. — И уже тоном приказа добавила: — Снимайте валенки, я вам ноги вымыть помогу. Я все же таки тут снежку натаяла, согрела.

— Мне не снять валенки, Матреша.

— Ну-ка, выпей, — сказал отец и дал чего-то горького.

А Матреша ловко, хотя и с трудом, стянула валенки с распухших моих ног и погрузила их в ведро с теплой водой. О, какое это было блаженство! Теплая вода и чьи-то ласковые, родные и властные руки, расторопно скользящие по ноющим ступням, — то санитарка Матреша, стоя на коленях, мыла и растирала мне ноги, и мне почему-то не было стыдно, что мне, взрос-

лому человеку, моют ноги, а она поглядывала на меня снизу вверх милыми своими круглыми глазами и приговаривала чуть нараспев, точно рассказывала сказку про кого-то другого, и я, сквозь сон, слушала ее.

— ...А шла-то издалека, из города, да ведь все по снегу да по льду... Умница, к папочке шла, правильно надумала... А ведь как на папочку похожа, до чего ж похожа, портрет вылитый...

Я вздрогнула, как вздрагивают, просыпаясь, и взглянула прямо в глаза Матрешы: санитарка смотрела на меня с такой любовью, что мне стало ясно: эта женщина тоже любит моего отца.

...С тем же чувством спокойной твердости пошла я на второе утро обратно в город, все по тому же пути, по которому, почти мертвая, шла сюда позавчера...

Я была так же слаба, как позавчера, но я знала, что должна идти, должна жить и работать, потому что работа моя нужна людям. Я не испытывала, повторяю, от этого сознания ни гордости собой, ни счастья. Я просто шла и делала дело: обдумывала предстоящие свои радиопередачи, вперемешку с ними тихонько бормотала внезапно возникающие строки стихов, которые необходимо было написать ко Дню Красной Армии — тоже по заданию радиокомитета...

Я знала уже, о чем они будут: вот — о сегодняшнем дне Ленинграда, о себе, как одной из ленинградок, о том, что было главного с нами за восемь месяцев войны, о том, что мы чувствуем, как воюем сейчас, о том, что, голодные, теряющие самых близких людей, сами умирающие, мы любим жизнь и поэтому обязательно победим.

23 ДЕКАБРЯ. Создана специальная комиссия для организации новогодних елок.

24 ДЕКАБРЯ. Ленгорисполком принял решение, разрешающее разбирать деревянные дома на топливо.

Ольга Берггольц

АРМИЯ

Мне скажут — Армия... Я вспомню день —
зимой,

январский день сорок второго года.

Моя подруга шла с детьми домой —
они несли с реки в бутылках воду.

Их путь был страшен,

хоть и недалек.

И подошел к ним человек в шинели,
взглянул —

и вынул хлебный свой паек,
трехсотграммовый, весь обледенелый,
и разломил, и детям дал чужим,
и постоял, пока они поели.

И мать рукою, серою, как дым,
дотронулась до рукава шинели.

Дотронулась, не посветлев в лице...

Не ведал мир движенья благодарней!

Мы знали ВСЕ о жизни наших армий,
стоявших с нами в городе, в кольце.

...Они расстались. Мать пошла направо,
боец вперед — по снегу и по льду.

Он шел на фронт, за Нарвскую заставу,
от голода качаясь на ходу.

Он шел на фронт, мучительно палим
стыдом отца, мужчины и солдата:
огромный город умирал за ним
в седых лучах январского заката.

Он шел на фронт, одолевая бред,
все время помня, нет, не помня — зная,
что женщина глядит ему вослед,
благодаря его, не укоряя.

Он снег глотал, он чувствовал с досадой,
что слишком тяжелеет автомат,
добрел до фронта и пополз в засаду
на истребленье вражеских солдат...

...Теперь ты понимаешь — почему
нет Армии на всей земле любимей,
нет преданней ее народу своему,
великодушной и непобедимей!

Январь

1942

года

Николай Григорьев, ЖИВОЕ СЛОВО

майор инженерных войск,
командир батальона
Ленинградский фронт

ЛЕНИНА

ы вошли **В** печь — взвод
за взводом, рота за ро-
той, весь батальон. Но
стужа стоила февраль-
ская — в холодной пе-
чи не просидишь, и каж-
дая рота разожгла себе
костер. Дым уносит тя-
гой в пробоины над го-
ловой — они от немец-
ких снарядов. Кирпич-

ный завод из-за вражеских обстрелов работу прекратил, а печь его, не совсем разрушенную, мы, саперы, используем как зал для собраний.

Это печь обжигательная, в ней просторно. Когда завод действовал, сюда по рельсам вкатывали вагонетки, нагруженные сырцом. Так называются свежесыпанные кирпичи, они мало похожи на настоящие. Но, пробыв определенное время в раскаленной печи, кирпичи выезжали наружу звонкими и румяными. А сейчас здесь румянятся у костра усталые бойцы.

Были на заводе сушильные сараи для сырца. Они от обстрелов рухнули и частью сгорели. Но, как поется в старинной песне, «саперы дело знают, что касается сапер»: ребята нашли

1941

25 ДЕКАБРЯ. Повышены нормы выдачи хлеба! Рабочие теперь будут получать по 350 граммов, все остальные — по 200 граммов.

29 ДЕКАБРЯ. Вражеским снарядом поврежден портик Эрмитажа. В этот день снаряды разрывались еще в 44 местах города.

ущелювшие доски, брусья и живо сколотили скамейки и столы. Так что устроились мы в печи с удобствами.

Сегодня 23 февраля — День Красной Армии. Зенитчики бдительно охраняют небо, на батареях у них полный боевой припас. Я, командир батальона, комиссар и актив комсомольцев совместно выработали программу праздника. Конечно, доклад о 24-й годовщине Рабоче-Крестьянских Вооруженных Сил Страны Советов. Затем чтение приказа о награждении особо отличившихся на боевых заданиях красноармейцев и командиров. Затем отдых, а после — концерт певцов, музыкантов, рассказчиков-юмористов и танцоров: самодеятельность в батальоне неплохая. Концерт устроим здесь же в печи при свете факелов.

На праздник все мы, 600 саперов, ждем закадычных друзей батальона — рабочих и работников Кировского завода. Пайки у них хуже наших, красноармейских, и бойцы единодушно постановили: накормить гостей досыта. Конечно, не из кладовой — там строжайший учет каждого грамма продуктов, — а за счет собственного пайка.

Сэкономить на еде, когда голоден, трудно, но если на протяжении месяца пайки чуть-чуть урезаются, это и незаметно. Сегодня, 23 февраля, хозяйственная служба батальона известила бойцов, что, мол, гостям-кировцам будет «задан пир на весь мир», да еще каждый получит узелок с гостинцем для детишек или внучат. Все мы возликовали, гордясь собой (конечно, втихомолку).

Дружба наша с кировцами началась с лопат. Лопата, как известно, первейший для сапера инструмент. А началась война — лопат нехватка. Мы — туда, сюда и добрались до знаменитого на всю страну промышленного гиганта.

«Да как же вас, ребята, не выручить!» И кировцы и лопат наштамповали, и ломов, и кирко-мотыг наковали — снарядили каждого из нас.

А потом, когда захватчики пробились вплотную к Ленинграду, довелось мне побывать десанником в танке КВ. Ездил я в своей жизни и в конных экипажах, и верхом, и в автомобилях, летал в самолетах, — но такого приятного ощущения, как в КВ, не испытывал: идет КВ через вражеские траншеи, сминая их, преодолевает противотанковые рвы или катит через неровности местности — ощущение одно: быть врагу биту, будет и на нашей улице праздник...

Итак, сегодня День Красной Армии. В небольшой группе кировских рабочих, какую мы способны хорошо принять, знаем, будут ветераны революции — ученики и друзья Владимира Ильича Ленина, будут и те, кто КВ строил и лопатами нас снабжал.

...Гостей мы первым делом пригласили в баню.

Саперная наша банька хоть и в землянке, но все в ней на своем месте. Очаг высится медведем — кирпич под рукой, сложили на совесть, чтобы жар держал. И котел для согревания воды, и кадка с запасом холодной. И ни комка земли — все вокруг обшито тесом. А вскарабкаешься с полка на полку — и ты на самом жару, только что глаза не лопаются. А это саперу в самый раз.

Не описать, до чего обрадовались бане наши гости. В городе ведь с этим сложно — воду с Невы наноси, а полешко дров не всегда и подвернется под руку.

— Да у вас и веники припасены!.. И мыльце — каждому по кусочку! Ну, ублажили, ребяташки, стариков, спасибо вам, спасибо!

30 ДЕКАБРЯ. Восстановлен железнодорожный путь Тихвин — Волховстрой. Из Ленинграда на фронт выехало 18 концертных бригад. В Ленинград завезена тысяча елок.

...Наконец все мы двинулись в наш зал для собраний. Под высоким крутым сводом печи запылали факелы. Рабочие и работницы, прежние путиловцы, а ныне кировцы, поднимаясь один за другим на возвышение, рассказывали о встречах с Лениным. Кто виделся с Владимиром Ильичем в апреле семнадцатого у броневика на Финляндском вокзале; кто в Смольном в дни Октябрьского восстания; кто уже при Советской власти, в Кремле, а кто в далекие годы революционного большевистского подполья — в Германии, Швейцарии, Англии, Франции...

Владимир Ильич всегда с особым доверием и уважением относился к рабочим Путиловского завода. А в гражданскую войну, когда, случалось, враг теснил Красную Армию, на клич Ленина: «Социалистическое отечество в опасности!» первыми из рабочих откликнулись путиловцы: оставляли цехи, вооружались, и Красная Армия получала в пополнение несокрушимо стойких бойцов. А комиссары из путиловских рабочих обрели бессмертную славу.

Все это воскресало теперь в речах наших седовласых гостей.

В отблеске факелов ярко вспыхивали глаза слушателей, и казалось, каждый сапер наравне с ветеранами партии как бы лично переживает встречу с Владимиром Ильичем.

— Еще расскажите, еще...

— Товарищи, — сказал комиссар, — наши гости устали. Пощадим их. Отложим продолжение беседы до другого раза.

Но в ответ запротестовали сами ветераны, за что их наградили бурными аплодисментами.

А когда и рассказы, и вопросы были исчерпаны, мы услышали живой голос Ленина. Этот сюрприз устроили нам гости. Из своего заводского клуба кировцы привезли старинную, времен гражданской войны, пластинку. Завели патефон — и весь батальон затаил дыхание.

«Товарищи, — услышали мы голос, смягченный на звуке «р», — капиталисты Англии, Франции и Америки помогают деньгами и военными припасами русским помещикам... желая восстановить власть царя, власть помещиков, власть капиталистов. Нет. Этому не бывать. Красная Армия сильна тем, что сознательно и единодушно идет в бой за крестьянскую землю, за власть рабочих и крестьян, за Советскую власть. Красная Армия непобедима!»

Короткую речь Владимира Ильича, где каждое слово как чеканный металл, мы выслушали еще и еще раз. Закроешь глаза — и Ленин будто здесь, перед нами, говорит с батальоном. И набегает на душу волна восторга, и хочется дать клятву Ленину, что и в эту жестокую войну, навязанную нам немецкими фашистами, Красная Армия выстоит и победит.

Комиссар предоставил слово бойцам, пожелавшим выступить, — и ребята, волнуясь и оттого срываясь с голоса, один за другим выкрикнули:

— Клянусь Ленину, что буду сражаться до полной победы над фашистами, а если понадобится, жизни своей не пошажу для победы над фашистской гадinouй!.. Клянусь!.. Клянусь!.. Клянусь!..

— Клянемся!.. — встал и полной грудью выдохнул весь батальон.

И клятву свою — сдержали.

Победили.

1942

1 ЯНВАРЯ. Сбито 11 самолетов противника.

В 5 театрах города идут новогодние спектакли. В 8 кинотеатрах демонстрируются фильмы.

В Красногвардейском районе открылись 4 бани и 18 парикмахерских. Возобновили работу 12 почтовых отделений.

ВОЛШЕБНЫЙ КОТЕЛОК

офер Маков заканчивал свой третий рейс. Он не спал уже сорок шесть часов, и глаза его поминутно слипались. Поблизости от полуторки рвались снаряды, грохотали зенитки, гудели в небе бомбардировщики, а Маков, словно ничего не слышал, твер-

дил сам себе только одно:

— Не спать! Не спать!

А глаза все равно слипались.

— Растяпа! — злился Маков. — Забыл котелок! Надо же!

Наконец трехтонка Макова остановилась на западном берегу — и солдаты начали разгружать машину.

Маков вылез из кабины, прислонился к борту и тут же стоя заснул.

Кончили солдаты разгрузку, растолкали Макова с трудом:

— Иди, друг, в землянку. Там в тепле отоспишься.

В это время подходит к Макову командир батальона. С командиром — незнакомый полковник.

— Срочно доставьте товарища полковника иа тот берег, — приказывает командир батальона.

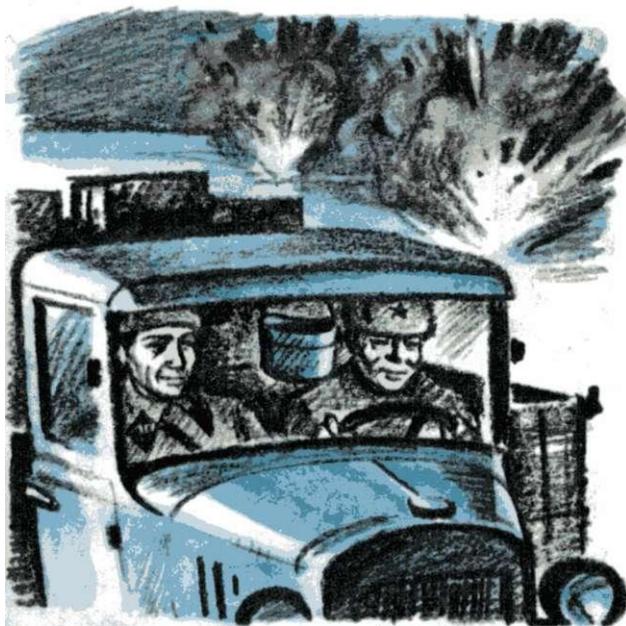
Маков — руку к ушанке, отвечает пофлотски:

— Есть доставить товарища полковника на тот берег. Только разрешите сбегать за котелком.

Маков побежал в землянку, а полковник сел в кабину и сразу уснул. Так крепко уснул, что даже не слышал, как вернулся Маков, как тронулась машина.

Проехали они минут двадцать - поблизости снаряд разорвался. Полковник от взрыва проснулся. Посмотрел на Макова, говорит:

— Больше суток не спал.

Тут еще один снаряд разорвался и наши зенитки захлопали.

Маков говорит:

— Спиите, спите, товарищ полковник. Нам еще вон сколько ехать.

— Выспался, — отвечает полковник и слышит какое-то звяканье. Поднял глаза, видит: над головой котелок болтается, а в котелке что-то бренчит.

~ Это зачем? — спрашивает полковник.

Маков объясняет:

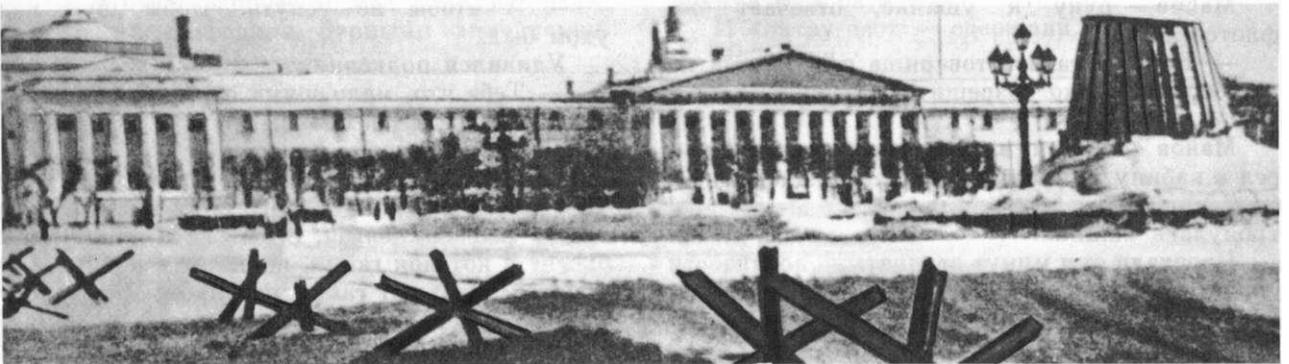
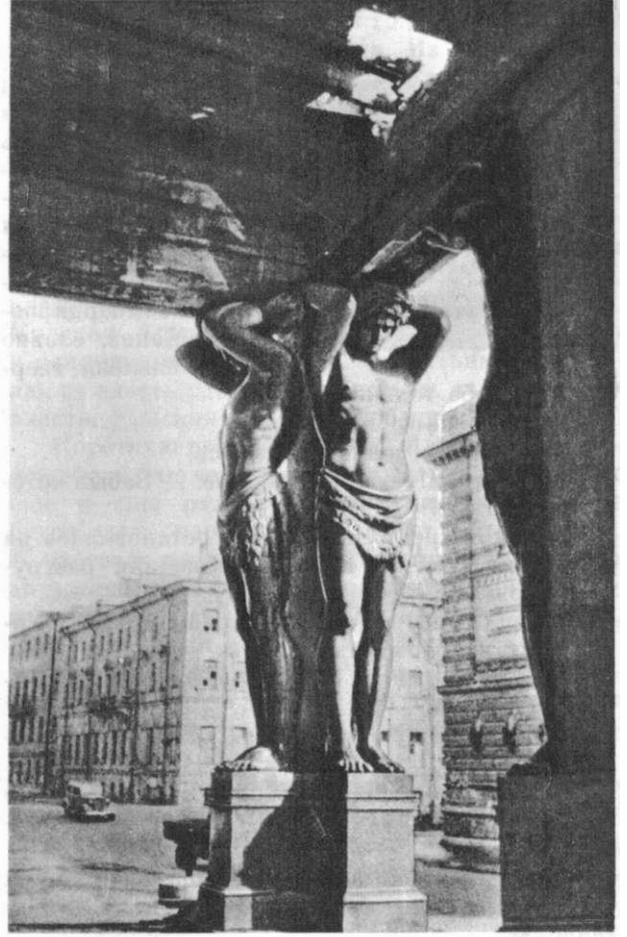
— А чтобы не уснуть, чтобы шум над ухом был.

Удивился полковник:

— Тебе что, мало шума от бомб, снарядов, зениток?! Куда уж больше!

Маков отвечает:

— Нам этот шум нипочем. Привыкли... Под бомбежку шофер на Ладоге спит и тихие сны видит. А спать нельзя. Водители и придумали: бросят в котелок гайки, подвесят в кабине — и порядок! Звякают гайки над ухом, всю дорогу бренчат. Очень противный звук, совсем непривычный. Начисто сон отгоняет!

Бьют пулеметы на Исаакиевской площади.

Снаряды уже рвутся над головами атлантов.

Площадь Декабристов. 1941 год.

Израненные осколками статуи на Зимнем смотрели на город страдающий, но не сломленный.

Зенитная батарея у Ростральной колонны.

Ленинград близко.

М. Твердохлеб,
шофер дороги жизни

СКВОЗЬ ОГОНЬ И СТУЖУ

огда говорят, что есть люди, которым поводом страх, — но ворю. Думаю, каждому знакомо это чувство. Только один покоряется ему, а другой — побеждает. Не скажу, что я какой-то особенный человек. Такой же, как все. И недостатков, наверное, не меньше, чем у других. Есть и у меня чувство страха.

Испытывал я его не раз, но как-то старался отогнать от себя, перебороть.

Однажды я вез из Кобоны боеприпасы. С виду безобидные ящики. В каждом аккуратно уложены в гнезда снаряды. Ящики прочные, надежные.

Но если бабахнет такой «ящик», — от машины гаек и болтов не собрать, не говоря уж про водителя.

Словом, представляете, полный кузов смертоносного груза! Нагрузили «по самое некуда» — и трогай.

Проехал я километров десять. Скорость держу, какую положено, стараюсь, чтобы лишний раз не трянуло. Все нормально. И фашист никакого обстрела не ведет, только изредка осветительные ракеты бросает и орудийные залпы полахают.

Должно быть, артиллерийская дуэль происходит.

Вдруг слышу, фашистские стервятники где-то вюк. Открыл дверцу кабины, а они прямо

над моей головой гудят. И в это время гитлеровский летчик повесил «фонарь» — осветительную бомбу на парашюте. Вокруг все стало белым-бело.

Куда глазом ни кинь, все видно: и как одна за другой ползут по ледовой дороге машины, и домики обогривные, и палатки регулировщиков — все как на ладони.

Гитлеровцы легли на боевой курс и давай всю трассу свинцовым дождем поливать да бомбить. Грохот, вой стоит, фонтаны воды и льда поднимаются, вверх летят какие-то обломки. Смотришь и деться не знаешь куда. И такой беспомощной песчинкой себя чувствуешь, кажется — вся огненная сила фашистская против тебя обернулась.

Один из «мессершмиттов» ко мне прицелился.

От двух заходов я сумел увильнуть, а на третьем ему удалось пулеметной очередью прошить бензобак.

Вспыхнул мой газик как свеча.

«Ой, разнесет через пять минут всю мою полуторку!» И я сбросил с себя телогрейку, выскочил на крыло и давай сбивать пламя. Не заметил, как обжег руки. Это я уже потом почувствовал.

Пока с огнем боролся, думать о себе некогда было. Слышал, как фашист еще разок возле меня прошелся.

Пули только вжиг... вжиг... Но тут наши «ястребки» подоспели и разогнали вражеских стервятников.

Не помню как, но огонь мне удалось сбить. На капоте краска немного обгорела, а так никаких повреждений больше не было. Вот тут-то и заметил, что руки, как у вареного рака клешни, все красные и боль, словно меня на костре жарят...

1942

7 ЯНВАРЯ. Принято решение Ленгорисполкома о расширении сети детских домов.

Войска Волховского фронта начали наступление на Любань. Их поддерживали воины Северо-Западного фронта, наступающие на Старую Руссу.

Еле-еле завел машину. Хорошо, что газик не капризничал и мотор заработал сразу. Сел в кабину и поехал. А уж когда добрался до места, вот тут силенки меня покинули. Пришлось трошки в медсанбате полежать.

...Не забыть мне и рейс по ледовой трассе в канун нового, 1942 года. В Кобону мы поехали днем. Разгрузились. Пообедали. И вот команда: срочно на погрузку.

Начальник склада, пожилой офицер из запаса, вызвал меня и еще нескольких ребят из нашего автобата и спросил:

— Как, хлопцы, готовы к рейсу?

— Готовы! — ответили мы.

— Получайте открытые листы и быстро под погрузку. Груз необычный — мандарины для ленинградских ребятшек. Завтра новогодние елки начинаются. — И в усталых серых глазах старшего лейтенанта появились добрые искорки.

Мать честная! Да как же мы забыли про Новый год!

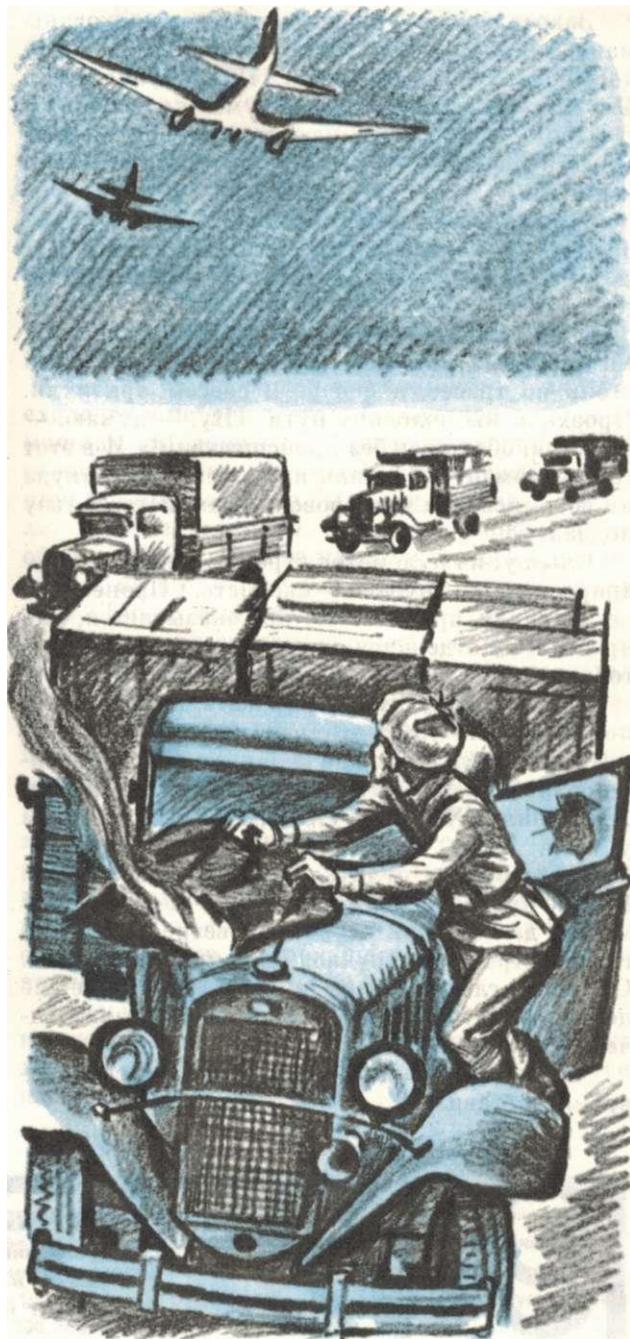
Вспомнилось детство. Сколько, бывало, мать всяких яств, всякой снеди к празднику приготовит.

Обязательно кабанчика заколет и такие колбасы и окорока сделает, что пальчики оближешь.

А пироги! С чем только не напечет: и с рыбой, и с яблоками, и с грибами. Браги наварит. А какое гулянье, какое веселье идет по селу! До утра никто и глаз не сомкнет. Ряженые из хаты в хату ходят. Песни...

Начали мы погрузку. Жду своей очереди. Размышляю: «Наверное, доброй души тот человек, который вспомнил в такое лихолетье про ребятшек... Вон их сколько в Питере безвинно от фашиста страдает». А я аккурат в эти дни возил эвакуированных из Ленинграда детишек, в Борисовой Гриве помогал их в машину грузить. Возьмешь на руки мальчонка или девчонку и веса не чувствуешь.

Из одежды одни их личики выглядывают: бледные, каждую жилочку видно. Такое зло на фашистов начинает брать, что кажется, лучше бы не баранку автомашины, а рукоятку пулемета сжимал своими руками...

Захотелось мне посмотреть, как упакованы мандарины. Нашел ящик, в котором щель между досок была пальца на два. Прильнул глазом. Смотрю, каждый в белую бумажку завернут. А один — без обертки лежит, ярко-оранжевый, будто золоченый. И аромат исходит необыкновенный!

Я представил себе: сколько у ребят будет радости от такого подарка. И дал комсомольское слово — доставить груз с опережением графика.

Ночь никакой опасности не предвещала. Гитлеровцы, как обычно, вели методический огонь по трассе, а вскоре и совсем притихли. Проехали мы половину пути. «Ну, — думаю, — кажется, обошлось без происшествий!» И в этот самый момент застучали наши зенитки. Откуда ни возьмись, два гитлеровских самолета. Я газу поддал.

Слышу: из пулеметов строчат. Решил маневрировать и поубавил скорость. Пронеслись стервятники вроде мимо, но, оказывается, так просто я не отделался от них. Слышу: опять моторами ревут.

Снова пробую маневрировать, выскочил из-под обстрела. Но на этот раз не повезло. Пулеметная очередь прошла кабину, и лобовое стекло разнесло вдребезги. Даже кусок баранки пулей отбило. Хорошо, что сам каким-то чудом уцелел.

Попробовал рулить, машина слушается. Можно продолжать путь. Только в 30-градусный мороз, да еще при встречном ветре, ехать без стекла страх как трудно. Дыхания не хватает. Стужа из глаз слезу выбивает. Словом, еле-еле добрался до места. Думал, лицо обморозил. Ничего, обошлось.

А мандарины детишкам ленинградским вовремя доставил.

Николай Тихонов

РУКИ

Мороз был такой, что руки чувствовали его даже в теплых рукавицах. А лес вокруг как будто наступал на узкую ухабистую дорогу, по обе стороны которой шли глубокие канавы, заваленные предательским снегом. Деревья задевали сучьями машину, и

на крышу кабинки падали снежные хлопья, сучья царапали бока цистерны.

Много он видел дорог на своем шоферском веку, по такой еще не встречал. И как раз на ней приходилось работать, будто ты двужильный. Только приехал в землянку, где тесно, темно, сыро, только приклонил голову в уголке, между уставшими товарищами, — уже кличут снова, снова пора в путь. Спать будем потом. Надо работать. Дорога зовет. Тут не скажешь: дело не медведь, в лес не убежит. Как раз убежит. Чуть прозевал — машина в кювете: проси товарищей вытаскивать — самому не вызволить, и думать об этом забудь. А мороз? Как будто сам Северный полюс пришел на эту лесную дорогу регулировщиком.

То наползает туман, то дохнет с Ладоги ветер, какого он нигде не видел, — пронзительный, ревущий, долгий. То начнется пурга, в двух шагах ничего не видно. Покрышки тоже не железные, сдают.

Товарищей, залезших в кюветы, надо выручать, раз едешь замыкающим; и главное — груз надо доставить вовремя. А как он себя чувствует, этот груз?..

Большаков остановил машину, вылез из

1942

12 ЯНВАРЯ.

Указом Президиума Верховного Совета СССР «за успешное выполнение заданий правительства по освоению и производству вооружений и боеприпасов и по строительству оборонительных сооружений вокруг Ленинграда» награждены 607 человек.

кабины и, тяжело применяемая снег, пошел к цистерне. Он влез на борт и при бледном свете зимнего полдня увидел, как по атласной от мороза стенке стекает непрерывная струйка. Холодок прошел по спине.

Цистерна текла. Цистерна лопнула по шву. Шов отошел. Горючее вытекало.

Он стоял и смотрел на узкую струйку, которую ничем не остановить. Так мучиться в дороге, чтобы к тому же привезти к месту пустую цистерну?

Он вспоминал все свои бывшие случаи аварий, но такого припомнить не мог. Мороз обжигал лицо. Стоять долго и просто смотреть — этим делу не поможешь.

Он, проваливаясь в снег, пошел к кабинке. Политрук сидел, подняв воротник полушубка, уткнув замерзающий нос в согретую его дыханием овчину.

— Товарищ политрук, — позвал Большаков, — придется побеспокоить.

— А что, разве мы приехали уже? — спросил политрук, мгновенно пробудившись.

— Выходит, приехали, — сказал Большаков. — Цистерна течет. Что будем делать?

Политрук вывалился из кабинки. Он протирал глаза, спотыкался, но, когда увидел, что случилось, стал задумчиво хлопать руку об руку, соображая, потом сказал:

— Поедем до первого пункта, там сольем горючее, в ремонт пойдем. Так?

— Да оно как бы и не так, — сказал Большаков. — Как же оно так, если мы горючее не куда-нибудь, а в Ленинград, фронту срочно везем. Как же его просто сольешь? Его не сольешь.

— А что ты можешь? — сказал политрук, смотря, как скатывается бензиновая струйка вдоль разошедшегося шва.

— Разрешите попробовать — чеканить его буду, — ответил Большаков.

Он открыл ящик со своими инструментами, и они показались ему орудиями пыток. Металл был как раскаленный. Но он храбро взял зубило, молоток, кусок мыла, похожего на камень, и влез на борт. Бензин лился ему на руки, и бензин был какой-то странный. Он жег ледяным огнем. Он пропитывал насквозь рукавицы, он просачивался под рукав гимнастерки. Большаков, сплевывая, в безмолвном отчаянии разбивал шов и замазывал его мылом. Бензин перестал течь.

Вздыхнув, он пошел на свое место. Они проехали километров десять. Большаков остановил машину и пошел смотреть цистерну. Шов разошелся снова. Струйка бензина бежала вдоль круглой стенки. Надо было все начинать сначала. И снова гремело зубило, и снова бензин обжигал руки, и снова мыльная полоса наращивалась на разбитые края шва. Бензин перестал течь. Дорога была бесконечной.

Он уже не считал, сколько раз он слезал и взбирался на борт машины, он уже перестал чувствовать боль от ожогов бензина, ему казалось, что все это снится: дремучий лес, бесконечные сугробы, льющийся по руке бензин.

Он в уме подсчитывал, сколько уже вытекло драгоценного горючего, и по подсчетам выходило, что не очень много — литров сорок — пятьдесят; но, если бросить чеканить через каждые десять — двадцать километров, вся работа будет впустую. И он снова начинал все сначала с упорством человека, потерявшего представление о времени и пространстве.

Ему уже начало от усталости казаться, что он не едет, а стоит на месте и каждые сорок минут хватается зубило, а щель все ширится и смеется над ним и его усилиями.

13 ЯНВАРЯ. Опубликовано извещение отдела торговли Ленгорисполкома, разрешающее выдачу «всем группам населения по январским продовольственным карточкам в счет месячных норм: а) мяса и мясопродуктов — 100 граммов, б) крупны — 200 граммов, в) муки в счет крупы — 200 граммов».

Неожиданно за поворотом открылись пустые странные пространства, огромные, неохватные, белесые. Дорога пошла по льду. Широчайшее озеро по-звериному дышало на него, но ему было не страшно.

Он вел машину уверенно, радуясь тому, что лес кончился. Иногда он стучался головой о баранку, но сейчас же брал себя в руки. Сон налегал на плечи, как будто за спиной стоял великан и давил ему голову и плечи большими руками в мягких, толстых рукавицах. Машина, подпрыгивая, шла и шла. А где-то внутри него, замерзшего, жила одна непонятная радость: он твердо знал, что он выдержит. И он выдержал. Груз был доставлен.

...В землянке врач с удивлением посмотрел на его руки с облешей кожей, изуродованные, сожженные руки, и сказал недоумевающе:

— Что это такое?

— Шов чеканил, товарищ доктор, — сказал он, сжимая зубы от боли.

— А разве нельзя было остановиться в дороге? — сказал доктор. — Не маленький, сами понимаете, в такой мороз так залиться бензином...

Остановиться было нельзя, — сказал он.

— Почему? Куда такая спешка? Куда вы везли бензин?

— В Ленинград вез, фронту, — ответил он громко, на всю землянку.

Доктор взглянул на него пристальным взглядом.

— Та-ак, — протянул он, — в Ленинград! Понимаю! Больше вопросов нет. Давайте бинтоваться. Полечиться надо.

— Отчего не полечиться! До утра полечусь, а утром — в дорогу... В бинтах еще теплее вести машину, а боль уж мы как-нибудь в зубах зажемем...

Елена Рывина,

капитан интендантской службы,
член политуправления
Ленинградского фронта

* * *

И летели листовки с неба
На пороги обмерзших квартир:
«Будет хлеб! Вы хотите хлеба?
Будет мир! Вам ведь снится мир?»

Дети, плача, хлеба просили —
Нет страшнее пытки такой!
Ленинградцы ворот не открыли
И не вышли к стене крепостной.

Но тогда летели снаряды,
Бомбы здания рвали в куски,
И без крика падали рядом
Дети, матери, старики.

А живые? Живые жили,
И вставали, и шли за водой,
Но ворота они не открыли
И не вышли к стене городской.

Без воды, без тепла, без света,
День, который похож на ночь.
Может, в мире и силы нету,
Чтобы все это превозмочь!

Умирили — и говорили:
— Наши дети увидят свет! —
Но ворот они не открыли,
На колени не встали, нет!

Вот в осенней уже позолоте
Город наш величав и хорош.
Петр построил его на болоте,
А прочнее земли не найдешь!

1943 год

1942

15 ЯНВАРЯ. На Пулковских высотах погиб зачинатель снайперского движения на Ленинградском фронте комсомолец Феодосий Смоляков. Сам он уничтожил 125 гитлеровцев 126 патронами.

ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

*Слова П. Богданова
Музыка Л. Шенберга
и П. Краубнера*

Сквозь шторм и бури, через все преграды,
Ты, песнь о Ладоге, лети!
Дорога здесь пробита сквозь блокаду,
Родней дороги не найти!

ПРИПЕВ: Эх, Ладога, родная Ладога!
Метели, штормы, грозная волна.
Недаром Ладога родная
«Дорогой жизни» названа.

Пусть ветер Ладоги поведает народу,
Как летом баржу за баржей
Грузили мы и в шторм, и в непогоду,
Забыв про отдых и покой.

ПРИПЕВ: Эх, Ладога, родная Ладога!
Метели, штормы, грозная волна..
Недаром Ладога родная
«Дорогой жизни» названа.

Зимой машины мчались вереницей
И лед на Ладоге трещал —

Возили хлеб для северной столицы.
И Ленинград нас радостно встречал.

ПРИПЕВ: Эх, Ладога, родная Ладога!
Метели, штормы, грозная волна...
Недаром Ладога родная
«Дорогой жизни» названа.

И знаем мы — кровавая блокада
Исчезнет скоро, словно тень:
Растут и крепнут силы Ленинграда,
Растут и крепнут каждый день!

ПРИПЕВ: Эх, Ладога, родная Ладога!
Метели, штормы, грозная волна...
Недаром Ладога родная
«Дорогой жизни» названа.

Когда пройдут года войны суровой.
Залечит раны город мой,
Народ вздохнет и песню с силой новой
Споет о Ладоге родной.

ПРИПЕВ: Эх, Ладога, родная Ладога!
Метели, штормы, грозная волна...
Недаром Ладога родная
«Дорогой жизни» названа.

18 ЯНВАРЯ. На Дороге жизни комсомолец-водитель В. И. Кошелевский сделал за день три рейса. К тому же он нарастил борта своей полуторки и за день перевез почти 11 тонн продовольствия.

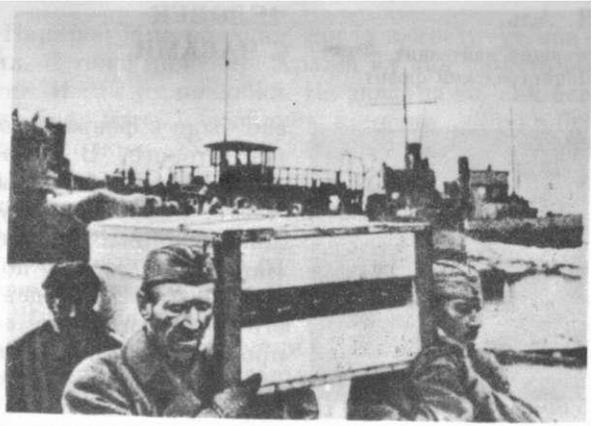

в Осиновце солдаты разгрузили баржи, и мешки с мукой повезли в Ленинград.

И каждом мешке — 70 килограммов.

И вот ящики с оружием — на восточном берегу Ладоги.

Герой Советского Союза
Ф. А. Смолячков.

Д. Аль,
старший лейтенант
Ленинградский фронт

ЧЕЛОВЕК С ЧАСАМИ

ело было в феврале сорок второго. В самое лютое время блокады. Часть, в которой служил старший лейтенант Капитонов, стояла под Пулковом. В тот день его отпустили домой проведать мать и сестру, от которых давно не было известий.

Капитонов¹ шел пешком по Международному проспекту¹ и не узнавал Ленинград. По свету над городом был яркий день, а по безмолвию — глубокая ночь.

Заледневшими, безжизненными скалами стоят дома. По пустынным улицам метет поземка. Снегом занесены подворотни и подъезды. Кривые стежки пересекают мостовые, тянутся по панелям. Вдоль домов медленно передвигаются редкие пешеходы. Человеческой речи не слышно. Обессилевшие молча оседают на снег и не просят о помощи. Мало у кого хватает сил поднять упавшего.

Несколько раз останавливался он возле пожаров. Дома не полыхают, а подолгу тлеют и чадят, как сырые головешки. Их и не пытаются гасить. Нет воды. Да и как проехать по улицам пожарным машинам?

Капитонов был потрясен увиденным. Разумом он понимал, что живы ленинградские заводы и фабрики, что на них ремонтируют танки, точат снаряды и мины, шьют для фронта теплые

вещи. Он понимал, что многие люди сидят по своим квартирам, стараясь без крайней необходимости не расходовать силы и не выходить на мороз... Но эта мертвая тишина улиц, эти безжизненные дома... Капитонов не раз ловил себя на том, что идет слишком медленно, и ускорял шаг. Но стоило ему погрузиться в тяжкие думы о родном городе, о судьбе своих близких — его шаги снова становились медленными, будто мысли и в самом деле обладали пригибающей тяжестью.

Так и брел он — то убыстряя шаг, то медленно. Не раз помогал подняться осевшим на снег людям. Не раз впрягался в салазки с мертвецом и тихо шел рядом с молчаливым родственником или соседом умершего, пока тот не останавливался, чтобы отдохнуть. Тогда Капитонов шел дальше. Ждать он не мог.

На Загородном, ближе к Владимирской площади, людей было больше. Неподалеку был Кузнечный рынок. Теперь он стал толкучкой. Там можно было выменять какую-нибудь ценную вещь на кусок хлеба, на дуранду или плитку столярного клея.

На площади, возле аптеки, кто-то тронул Капитонова за рукав.

— Товарищ старший лейтенант...

Капитонов остановился. Перед ним стоял невысокий мужчина лет сорока, в шапке-ушанке и в теплом полупальто. Мужчина смотрел на Капитонова большими глазами, то и дело переводя взгляд на вещмешок.

— Слушаю вас.

— Товарищ старший лейтенант, — быстро заговорил прохожий, — возьмите часы. Замечательная машина. Золотая. Павел Буре.

С этими словами он отогнул рукав.

В довоенной юности у Капитонова были две заветных мечты: велосипед и наручные часы.

¹ Ныне Московский проспект.

1942

19 ЯНВАРЯ. Под Старой Руссой погиб летчик 161-го истребительного полка Тимур Фрунзе.

21 ЯНВАРЯ. На станцию Жихарево прибыл специальный поезд, доставивший 40 московских автобусов: они тоже будут работать на Дороге жизни.

Первая так и не осуществилась. Ну а часы он в студенческие годы приобрел. Большие карманные, переделанные, по тогдашнему обыкновению, на наручные. Они неплохо служили ему до сих пор. Но он не забыл, что они не настоящие наручные. Может быть, поэтому на его лице отразилось мимолетное волнение, даже колебание. Прохожий это заметил и теперь уже более настойчиво взял Капитонова за рукав.

Они поднялись на один пролет к подоконнику.

Часы были в самом деле замечательные. Пролонговатый золотой корпус чуть прогнут, чтобы плотно ложиться на руку. На сером дымчатом циферблате блестели золотые стрелки, а вокруг него чернели римские цифры. Только цифры «VI» и «XII» были рубиново-красными.

О таких часах Капитонов никогда и не мечтал, потому что таких никогда не видел.

— Послушайте, какой ход, — сказал прохожий. — Вы только послушайте! — В голосе его звучал неподдельный восторг.

Капитонов приложил часы к уху. Звук, который он услышал, был неожиданным. В нем совсем не чувствовалось металла. Казалось, в маленьком холодном корпусе билось что-то живое. Капитонов вспомнил, как, положив голову на грудь жены, перед ее отъездом в эвакуацию, долго вслушивался в биение ее сердца. Конечно, ход этих часов не биение сердца. Но все-таки напоминал его. И поэтому Капитонов слушал и слушал, не в силах опустить руку.

— Напрасно вы сомневаетесь, — сказал прохожий. — У них отличный ход. Идут абсолютно точно.

И тут он заговорил быстро, словно боясь, что не успеет сообщить Капитонову нечто очень важное.

— От отца мне достались. Он был крупный инженер. Бывал за границей. Купил эти часы

в Париже. Мне подарил, когда я институт окончил. Я тоже инженер. Храню их как память об отце. И сам их полюбил. Не знаю даже, как без них буду жить... Обойдусь, конечно... Дочка бы осталась жива. Жена недавно умерла. И вот несчастье опять. Воспаление легких у дочки. Врач сказал: нужен гусиный жир. Где уж тут! Хотя какого-нибудь достать. Сала или масла. А если правду сказать... Вам скажу правду. Себе не говорю. Умирает она, моя девочка. Семнадцать лет ей. Красивая. Даже теперь красивая. Маленькая надежда все-таки у меня есть... Извините, что к вам пристал... На толкучку идти боюсь. Вырвут часы и ничего не дадут. Бывает... Прошу вас, возьмите часы. Очень вас прошу.

— Что вы за них хотите? — спросил Капитонов, возвращая часы владельцу.

— Что дадите. У вас, наверное, тоже есть близкие в городе.

— Мать и сестра... Если живы.

— Живы. Будем надеяться... Я понимаю: то, что вы дадите мне, вы отнимете у них. Смотрите сами. Что можете. Масла немного. Если есть. В конце концов, все будет благом. Смотрите сами...

Капитонов снял с плеч вещмешок и развязал его.

«Легко сказать: смотрите сами», — подумал он.

Только несколько недель назад фронт начали хорошо снабжать. Заработала Ладожская дорога. Тогда впервые он получил казавшийся сказочным командирский паек — мясные консервы, сгущенное молоко, галеты, солидный брусок масла. С тех пор он получал такой паек еще три раза. Но за все время почти ни к чему не притронулся.

Это было не просто. Несмотря на то что хлеба стали давать больше и приварок стал гуще,

22 ЯНВАРЯ. Начинается массовая эвакуация женщин, детей и стариков по льду Ладоги.

24 ЯНВАРЯ. Новая прибавка хлеба. На рабочую карточку теперь выдается **400** граммов, служащим — **300**, детям и иждивенцам — по **250** граммов.

аппетит оставался волчьим. Сказывались месяцы недоедания. Да и жизнь в промерзших землянках, в железной стуже окопов требовала много калорий. Только теперь он догадался, что слово «искушение» происходит от «кусать» и «кушать»... Обо всем этом Капитонов невольно вспомнил сейчас, выкладывая на подоконник банки консервов, сгущенку и масло.

Прохожий как замороженный смотрел на продукты.

— Что дадите. Что дадите. За все скажу спасибо...

Он вынул из кармана полупальто небольшой серый мешок и растянул вдетую в него тесемку.

Капитонов не сразу понял, почему этот неказистый мешок, залитый чернилами, с красной вышивкой на боку, напомнил ему что-то очень далекое и вместе с тем очень близкое. Но тут же сообразил, что это мешок для галош, который обязаны были иметь младшие школьники.

Он вспомнил, сколько переживаний было связано у него самого с таким же вот мешком... На нем он впервые в жизни, со старанием и чувством ответственности, выводил свою фамилию. Ужасно он тогда написал ее химическим карандашом на мокрой материи. Криво, неровно. Все расплылось... А сколько было неприятностей с этими мешками! То их забывали дома. То вместо своего в раздевалке получали чужой. То они и вовсе пропадали... В 4-м классе он устроил дома бунт против галошного мешка: «Хватит! Не девчонка же я. И вообще уже не маленький!»

Капитонов взял мешок в руки и прочел аккуратно вышитую надпись: «Валя К. 4 «а». 1936 год».

Что дадите. Я никакой цены не назначаю, — повторил прохожий.

— Дам вам половину того, что есть. Больше не могу, — сказал Капитонов.

— Половину?! — Прохожий, как показалось Капитонову, покачнулся. — Нет, нет... Это много. Что вы?!

Капитонов, не отвечая, положил в мешок прохожего банку сгущенки, банку мясных консервов, буханку хлеба. Затем он вынул из ножен, висевших у ремня, нож и разрезал пополам порцию масла. Только сегодня утром он сам спресовал его из брусков своего пайка. Добавив к этому пару горстей галет, он затащил тесемку и протянул мешок прохожему. Тот крепко прижал его к себе.

Много это. Много, — повторил он. — Я не ожидал, что столько... Правда, часы хорошие. Вы не пожалеете...

Прохожий протянул часы Капитонову.

Часы оставьте у себя. У меня есть часы. И ходят они неплохо.

Капитонов стал спускаться с лестницы.

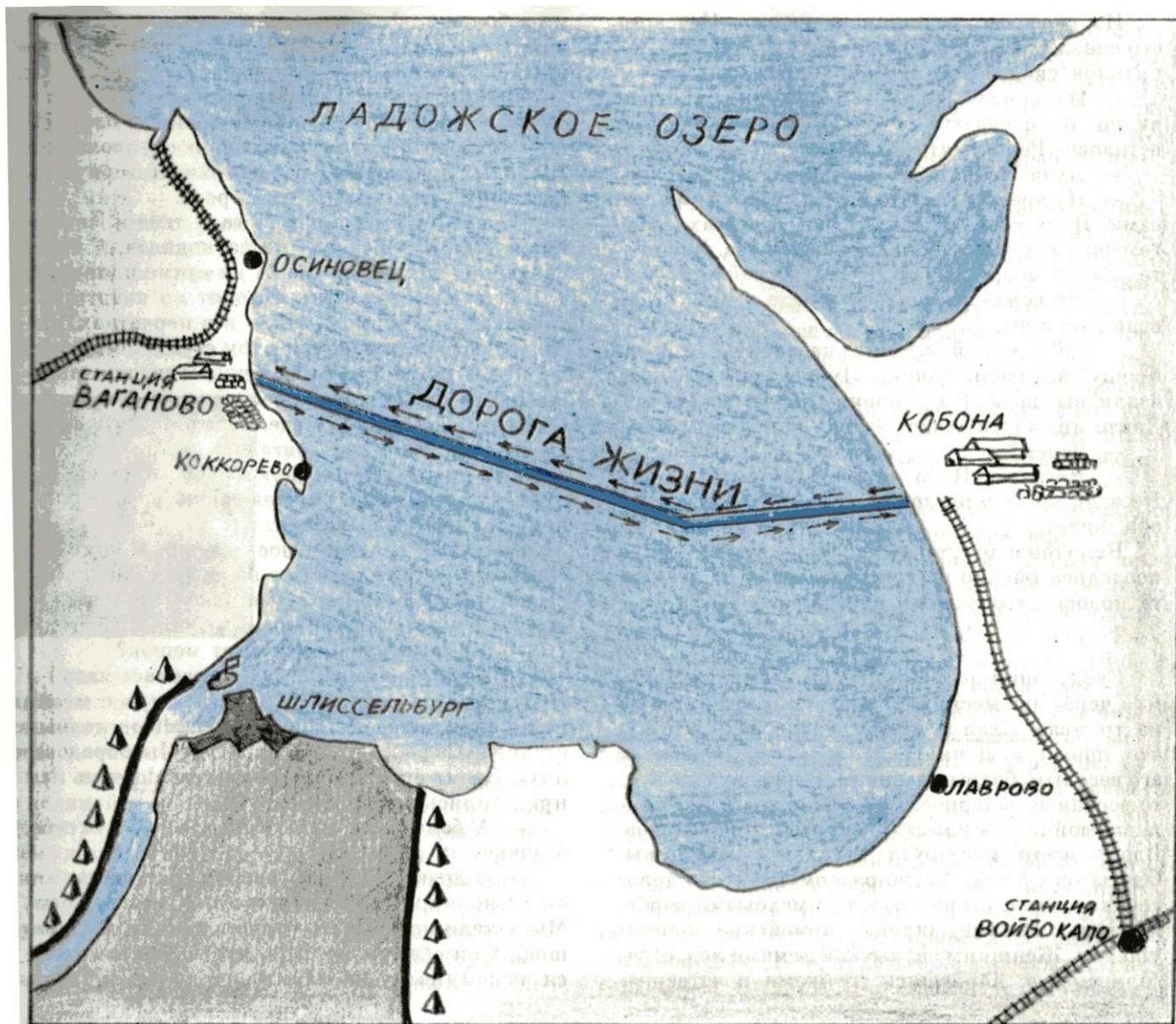
Прохожий молча пошел за ним. Внизу он бочком прошмыгнул мимо Капитонова в приоткрытую дверь подъезда и побежал.

Когда Капитонов вышел на улицу, он увидел спину своего недавнего собеседника. Бежал тот с трудом, еле-еле, но бежал. Перед самым углом прохожий оглянулся. Через мгновение он скрылся за поворотом. Капитонов пожал плечами и пошел своей дорогой к Невскому. Теперь ему было недалеко идти. Литейный проспект просматривался отсюда, от угла Невского, насквозь, до самого Литейного моста. Капитонов еще не мог различить свой дом там, впереди, с левой стороны. Но он уже как бы видел его, он ощущал его в строю других домов проспекта. Во всяком случае, он уже знал теперь, что его дом цел. Тем острее охватило его беспокойство за своих близких. Как они там? Живы ли? Мать ведь очень плоха. Может быть, ее уже нет, а сестра не решается написать об этом?

1942

25 ЯНВАРЯ. Из-за отсутствия электроэнергии не вышел номер «Ленинградской правды».

Совнарком принял решение о восстановлении Волховской ГЭС. Но часть территории, по которой проходит линия электропередач, захвачена врагом. Надо прокладывать новую линию...

6 ФЕВРАЛЯ. Опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героев Советского Союза снайперам Ленинградского фронта. Говоря о них, командующий фронтом Л. А. Говоров писал: «Десять Героев Советского Союза — десять истребителей — Вежливцев, Голиченков, Калинин, Козлов, Лоскутов, Пчелинцев, Синявин, Смолячков, Фомин и Яковлев уничтожили 2000 гитлеровцев».

На середине заметенного снегом Невского его снова кто-то осторожно тронул за рукав. Капитонов увидел того же прохожего.

Извините! Ради бога, извините. Мозги, видно, тоже худеют от голода. Помутилось вот в голове. Решил, что вы хотите меня забрать.

Куда забрать? — не понял Капитонов.

— Ну арестовать, что ли. За спекуляцию часами. Я же говорю: помутилось в мозгах... Потом очнулся. Одумался. Еле догнал вас. Извините. Как я мог подумать?! Сам не пойму.

Не за что извиняться. Идите домой. Ждет ведь вас дочь.

— Сейчас пойду. Мне недалеко... Только прошу вас, очень прошу... Лучше всего, если бы взяли вы часы. Но я понял: вы не возьмете... Дайте мне адрес вашей матери. Мне он нужен...

— Зачем?

Не знаю. Пока не знаю, зачем именно... Но если не дадите, пойду за вами — узнаю, где она живет.

Капитонов расстегнул полевую сумку, вынул последнее письмо из дома и оторвал от конверта полоску с обратным адресом.

Следующий раз Капитонова отпустили домой через два месяца. Теперь он ехал по городу на трамвае. Ехал и не мог нарадоваться тому, что пошел в Ленинграде трамвай. Радовался его веселым, бодрым звонкам. В них звучало что-то весеннее, задорное. Да ведь не зря и раздавались звонки. На улицах было много пешеходов. Вдоль всего маршрута трудились женщины. Одеты они были все по-разному — кто в телогрейках, кто в зимних пальто с меховыми воротниками... Платки, шляпы, армейские шапки-ушанки. Женщины скальвали ломami лед, сгребали снег и, впрягшись тройками и четверка-

ми в большие фанерные щиты, стаскивали сколотый лед и снег к берегам рек и каналов. Слышались громкие голоса и смех.

Трамвай несколько раз останавливался из-за артобстрелов. Пассажиры вбегали в ближайшие подворотни и подъезды. С воем пролетали снаряды. Враг тоже знал, что жизнь вернулась на улицы осажденного им города.

И дома, в их комнате, стало теперь совсем иначе. Маскировочная штора поднята. С окна сняты подушки и одеяла. А на кухне идет вода.

Мать и сестра, хоть и ходят по квартире в ватниках, в теплых платках и в перчатках, выглядят совсем не так, как в том страшном феврале. Тогда он застал их полуживыми, почерневшими, замотанными в бесчисленные одежки. Они говорили только о еде, не верили, что сумеют выжить. Мать передвигалась по комнате, держась за стены, за холодную трубу «буржуйки», протянутую к окну, за уцелевшую мебель... Теперь все это было позади.

Окидывая взглядом посветлевшую комнату, Капитонов вдруг заметил на буфете знакомый серый мешок с красной вышивкой. Он взял его в руки и прочитал. «Валя К. 4 «а». 1936 год».

Мама, откуда здесь этот мешок?

— То есть как откуда? — удивилась мать. — Я думала, ты знаешь... Приходил тут с месяц назад один человек. Принес этот мешок полный отрубей. Сказал, что это от тебя. Мы обрадовались. Время еще было такое тяжелое! Очень нам пригодились тогда эти отруби.

— А больше он ничего не говорил? О себе, о дочке?

— О дочке? Нет, не говорил. Я поняла, что он одинокий... Насчет мешка этого разговор был. Мы хотели пересыпать отруби и отдать ему мешок. А он сказал: не надо, пусть, мол, останется вашему сыну на память.

1942

7 ФЕВРАЛЯ. Из Владивостока в Ленинград приехала делегация представителей трудящихся Приморского края, привезла 40 вагонов подарков.

Капитонов взял в руки мешок, расправил его и молча смотрел на красные ровные буквы вышивки...

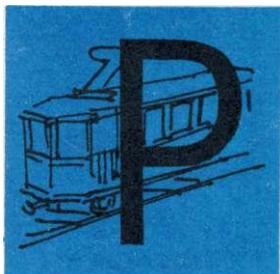
— Обещал, что еще к нам придет, если чем-нибудь разживется, — добавила сестра. — Но больше не приходил.

— Как его зовут-то? Что за человек? — спросила мать. — Мы тогда его и не спросили...

— И я не спросил, — ответил Капитонов. — Какой-то человек... Ленинградец... Встретились однажды на улице...

Николай Тихонов

В Е С Н А

раньше в Ленинграде говорили, смеясь, в марте: вот дворники весну делают. И правда, выходили дворники в белых передниках, с метлами, с лопатами, счищали с панели снег, кололи лед на дворе и у дома, собирали снег в кучи и топили его снеготаялками.

Раньше «снег» и «лед» были какими-то легкими словами, радостными, красивыми. «Бег санок вдоль Невы широкой, девичьи лица ярче роз» — так писал Пушкин о невской зиме.

А теперь пришел март, и город оказался в ледяной и снежной блокаде. До второго этажа достигали сугробы, снег забился в подвалы, лед лежал на улицах толстый, как броня. Ветер нес снежную пыль, и облака ее кружили по улицам. Теперь и лед, и снег были врагами, которых нужно было одолеть во что бы то ни стало.

А снега были целые бастионы, ледяные окопы окаймляли улицы, и казалось, никакое солн-

це не растопит их. А если они начнут таять, то город будет затоплен потоками грязной, мутной воды и улицы его превратятся в ущелья, по которым будут катиться шумные реки. В город придет эпидемия, и ко всем мучениям осады прибавятся заразные болезни, лихорадки, простуды.

И тогда на очистку города вышли все ленинградцы. Сначала казалось, что не хватит рук, не хватит сил, чтобы истребить это снежное царство. Голова кружилась от слабости, ноги подкашивались, рукам было неважно поднимать тяжелые деревянные лопаты, полные снега. Но постепенно под весенним теплым ветерком, под солнечными мартовскими лучами чуть окрасились щеки, люди ожили, даже шутки появились кое-где. Молодой смех нет-нет да и прорвется у девочек в зеленых ватниках, с противогазами через плечо. Дело пошло.

Если взглянуть вдоль широких и прямых ленинградских улиц, то увидишь, как чернеет непрерывная толпа на километры и дружная кипит работа. Кто возит снег на санках в железных ящиках, кто сваливает снег в грузовики, кто сгребает его с грузовиков в каналы и в Неву. Растут холмы снега над замерзшими еще каналами, и уже показалась мостовая, показались тротуарные плиты. Еще быстрее заработали ленинградцы. День и ночь с утра до вечера длилась битва с зимой. Зимы выгоняли с чердаков, из подвалов, из-под ворот. Скоро только в развалинах лежал, как на скалах, снег, а вокруг уже серели камни, торцы и асфальт.

Это работали не гиганты, а самые обыкновенные люди, и лица их хранили следы пережитой небывалой зимы. Запавшие глаза с острым блеском, выдавшиеся скулы, морщины на лицах самых молодых. Дети, похожие на взрослых, серьезные, без смеха, с туманными, задумчивыми

11 ФЕВРАЛЯ. В третий раз увеличены нормы выдачи хлеба! Рабочим — по 500 граммов в день, служащим — по 400, детям и иждивенцам — по 300 граммов.

Советские летчики день и ночь охраняли Дорогу жизни.

Снежный домик.

Регулировщица.

Ледовая трасса ночью.

Тауки по Дороге жизни идут в Ленинград.

Зенитчики наготове.

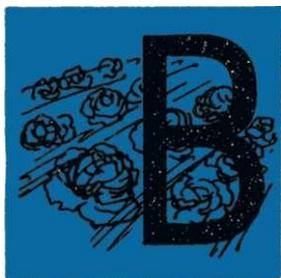
глазами: тонкорукие, с восковыми пальцами женщины, отдыхавшие после двух-трех ударов лома: мужчины со свинцовой кожей, похожие на полярников после необычной зимовки, — все смешались в этих толпах. Чистили и дома. В свете весеннего утра квартиры были мрачные, со стенами потрескавшимися от сырости, закопченными от дыма печек-временок.

И вдруг по расчищенному Невскому проспекту пошел первый вагон трамвая. Люди бросили работы и смотрели, как дети на игрушку, на бежавший по рельсам вагон. Раздались аплодисменты десятков тысяч. Это ленинградцы оацией встречали первый воскресший вагон.

А вожатая вела вагон и стряхивала слезы, которые набегали на глаза. Но это были слезы радости, и она вела вагон и плакала и не скрывала этих слез.

Николай Тихонов

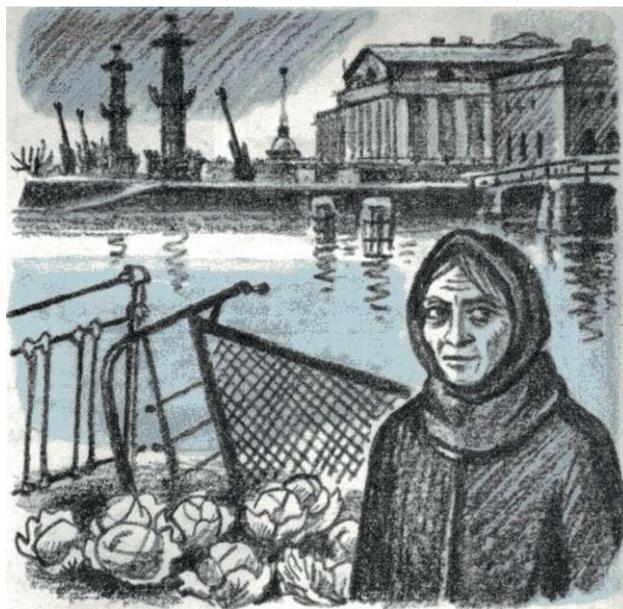
**ТАМ,
ГДЕ БЫЛИ ЦВЕТЫ**

сюду в городе, где был клочок свободной земли, выросли огороды. На иной такой огородик хоть любуйся, хоть плачь. Любуйся, с каким прилежанием люди создавали крошечные грядки, а хоть плачь — от мысли, какая горькая необходимость

заставила людей это сделать.

Часто я ходил мимо одного такого огородика. Выл он огорожен аккуратными железными кроватями, взятыми из соседнего, разбитого бомбой дома. Работали в нем старушка, девочка и при-

ходила еще помощница, девушка в военном, может, из МПВО или из сандружинниц. Воду носили с Невы.

И когда старушка распрямляла плечи, после того как она полола сорняки, она смотрела по сторонам и, наверно, удивлялась, что всю жизнь прожила тут, на Мытнинской набережной, а такое видела впервые.

Там, где кругло выступал Васильевский остров, за давно не подстригавшимися деревьями, видела она блиндажи, как на переднем крае, у блиндажей — пушки, задранные к небу, отколотые бомбой граниты набережной. И по газонам в садике ходили часовые. Старушка смотрела в другую сторону и видела черные, обожженные пожаром развалины домов.

1942

20 ФЕВРАЛЯ. На город упало 435 снарядов.

24 ФЕВРАЛЯ. Еще 224 снаряда обрушилось на город.

Место здесь открытое и во время отражения воздушных атак небезопасное. Кругом свирепо падали осколки зенитных снарядов. А во время артиллерийских обстрелов тут и совсем было страшновато.

Спрятаться некуда, снаряды частенько поднимали тут свои черные фонтаны, и каждый раз после такого случая я с некоторой тревогой подходил к этому месту: а вдруг уже огород пуст и старушка моя где-нибудь в больнице? Но когда я видел эту согнувшуюся в своем огороде бабушку, всегда опрятно одетую, с темным платком на голове, мне становилось как-то радостно и за ее труд, и за ее уверенность в жизни и бодрость.

Осенью, когда уже огородники собирали плоды трудов своих, я после долгого промежутка снова увидел знакомую старушку и разговорился с ней. Загорелая, ловкая, она маленькими морщинистыми руками срезала кочны капусты.

— Смотрите, — развернула она листья одного кочна, — капуста-то моя с начинкой!

Она улыбнулась и вынула из-под листьев безобразный осколок кирпично-черного цвета, вонзившийся в капусту.

— Боевая у вас, гражданка, капуста, — сказал я.

— Под огнем растила, батюшка, — ответила старушка. — Моя капуста войну видела. Под огнем поливала, щи вкуснее будут. А сколько тут снарядов падало, и не сосчитать! Другой раз лежишь головой в грядках, а они, осколки-то эти, свистят, как будто все в тебя норовят. Жарко тут бывало, вон и дома подтвердят...

Я взглянул на дома и тут впервые увидел, в каком они виде.

Как-то я раньше не обращал внимания. Все стены были иссечены осколками, крыши проби-

ты, кронштейны подъездов валялись, скрученные взрывом, перед домами. Кирпич точно истекал розовой кровью, столько было у него рассеченных ран.

— Что же вы такое место выбрали?

— Да какое выберешь? У нас тут вокруг все одинаковы. Я так думаю: мой осколок меня найдет. Значит все это были не мои — жива осталась. Ведь не вечно немец стрелять будет.

— Скоро ему конец, не за горами, — сказал я.

~ Ну вот, и я так думаю. А когда здесь снова цветы будут, я буду приходить сюда и вспоминать. Есть что вспомнить...

Николай Тихонов

ВАСИЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ

ни прибегают на завод на роликах. По асфальту опустелой улицы мчатся их дружные стайки. Со стороны может показаться, что они — ребятишки и больше им нечего делать, как бегать по улице, смеясь и играя.

Но вот они подбегают к воротам старого завода и оставляют свои дощечки на колесах. Это уже рабочие, это уже специалисты.

Когда приехали на один завод делегации с фронта поблагодарить за прекрасное оружие, сделанное для Красной Армии, то командиры, увидев за станками ребят, воскликнули:

— Ну и рабочий класс пошел нынче!

5 МАРТА. Из деревни Нивки, из глубины партизанского края, отправился в Ленинград обоз с продовольствием — 3,5 тысячи пудов продуктов, а также 127 тысяч рублей — в фонд обороны Родины.

7 МАРТА. По улицам города прошел первый после блокадной зимы трамвай.

А вы не смейтесь, — сказал мастер. -
Посмотрите, что они тут наизготавливали.

И повел приехавших в другое помещение,
где принимали сделанные автоматы, винтовки,
пулеметы и другое оружие.

Все было сработано чисто, крепко, по-
военному.

Девочки с тоненькими косичками, аккурат-
ненькие, как птички, и мальчики с серьезными
лицами стали большими помощниками взрос-
лых, защитниками Ленинграда.

Иные из них стали мастерами, и все их ува-
жают и называют уже не Вася, а Василий Ва-
сильевич.

Василий Васильевич не уступит старому спе-
циалисту. Посмотрите на него, когда он прове-

ряет прицельную линию пулемета. Здесь нельзя
ошибиться. Плохо рассчитал — и прицел будет
негодный. Пулемет не сможет стрелять правиль-
но, — значит, и немца из такого пулемета убить
нельзя. Да и не допустят с таким изъязом пу-
лемет в Красную Армию.

Вот почему такой строгий вид у Василия
Васильевича, когда перед ним, зажатый в тиски,
в точно рассчитанном положении лежит пуле-
метный прицел.

Я не знал лично Василия Васильевича, но
я видел много других мальчиков и девочек. Их
звали почетным именем: ремесленник.

До войны оно звучало обыкновенно, но во вре-
мя ленинградской осады это слово стало наряду
со словами «сапер», «артиллерист», «моряк»,
«железнодорожник». Маленькие ремесленники
были очень сознательные работники. Они пони-
мали, в каком городе они работали, они понима-
ли, что их отцы и матери гордятся своими сы-
новьями и дочками, помогающими в обороне
Ленинграда.

Конечно, они не походили на взрослых ра-
бочих.

Когда кончалась смена, они высыпали во
двор, заваленный старым железом, горами
шлака, кучами разбитого кирпича. Но была на
дворе весна. Солнце грело их замазанные смаз-
кой лица, воробьи прыгали у больших серых
луж, деревья скромно начинали зеленеть. Ве-
сенний ветерок приносил запах каких-то дале-
ких садов.

И в них просыпалось снова детство, и они
начинали громко кричать, как маленькие вор-
обьи, толкаться, бегать взапуски, тузить друг
друга, хохотать и смотреть широко раскрытыми
глазами, как в город приходит весна.

Их глаза снова смеялись, голос становился
звонким, движения — свободными. И тут уже и

1942

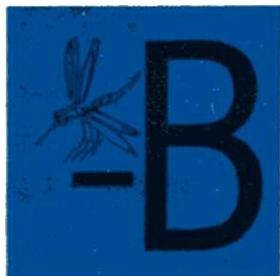
8 МАРТА. В городе проводятся сразу два воскресника. Один — по очистке улиц от снега, второй — по разборке и доставке писем.

10 МАРТА. За 45 минут гитлеровцы выпустили по городу более 300 снарядов. Убито и ранено 63 человека.

Василий Васильевич мог снова легко и просто превратиться в Васю и в Ваську и, забыв свой авторитет, поставить ногу на дощечку с колесиками и промчаться по асфальту не хуже самого маленького своего товарища. Но он мог и не сделать этого, потому что на груди была медаль на зеленой ленточке — медаль за оборону Ленинграда, и он солидно отмахивался от приятелей и шел, довольный своей работой, напевая такую же песню, какую нюют красноармейцы, уходя на фронт.

Л. Котовщикова

В годы блокады
жила в Ленинграде

КОМАРИК

се стали тревожадные, — задумчиво сказала Верочка. Выло ей одиннадцать лет, худенькая, как спичка, и совсем прозрачная.

— А конечно, — согласилась старушка. — Мы ровно коровы. Или козы. Только коровушки что попало жевать не

станут. А у нас всяка травка в ход пошла, все подчистую готовы в рот спровадить.

Брели люди по обочине дороги, вдоль тротуаров, то и дело нагибаясь. А то и просто пригнувшись передвигались. Срывали все, что зеленело, и съедали медленно, чтобы продлить удовольствие.

У каждого третьего-четвертого прохожего в руках ветки хвои. Из хвои изготавливают настой — лучшее средство от цинги.

Блокадной зимой порой не верилось, что когда-нибудь наступит весна. Но она пришла, сияю-

щая, яркая. Солнце слепило глаза, улыбалось синее небо.

Верочка и старушка сидели на досках под стенкой дома. Доски, отодранные от забора, еще не успели стопить в «буржуйке».

По всему городу сидели люди на солнышке. На ступеньках, на развалинах, на бочках с песком, приготовленных для тушения «зажигалок». На Невском проспекте сидели, на Литейном — словно в глубокой провинции на завалинках. И у нас, на окраине Выборгской стороны, тоже сидели на чем придется. Почти сплошь женщины. Старые или молодые, не всегда разберешь, — те же истощенные лица. И дети. Вывозили их — вывозили из города, сперва на поездах, потом Дорогой жизни, по льду на машинах. А все же остались в городе — вон сколько выползло на солнышко.

Стояла и я под стенкой дома, зажмурившись от яркого света, подставив лицо мягкому, нежному ветерку. Множество звуков входило в мои уши: отдаленная музыка, глухая стрельба, пение красноармейцев, строем идущих по проспекту, робкий свисток паровоза, верещанье сороки — надо же, объявилась в нашем дворе. Но все это — фон.

Ребячьи голоса — вот к чему я прислушивалась с наслаждением.

Еще совсем недавно закутанными, безмолвно унылыми и отрешенными старичками сидели они у печурок-«буржоек». А сейчас...

Шестилетняя Анютка — тонкий голосок бодр и уверен — спрашивает трехлетнего малыша:

— Ты знаешь, что скоро будет Первое мая?

Малыш изумлен:

— Да-а? У нас?

— И у нас. У тех, у кого календари есть, — важно объяснила Анютка.

19 МАРТА. Принято постановление о развитии в городе индивидуального огородничества. Под огороды пойдут пустыри, сады, дворовые участки, газоны.

21 МАРТА. В Ленинград прибыли посланцы Киргизии, привезли щедрый дар — 48 вагонов продовольствия.

— Ну что ты болтаешь! — возмутилась Верочка. — При чем тут календари? Вообще у всех. И не скоро, а недели через две. не раньше.

— Конечно, — кивнула девчужка. — Ведь у других могут же они на календари посмотреть.

— Интересно, — сказала Алла, года на два помладше Верочки, такая же спичка-тростиночка, но все-таки чуть потолще, — интересно: где сейчас те звери?

— Какие звери? — в один голос спросили Верочка и мальчуган — ровесник Аллы, весь увязанный платками, только нос торчит и два больших глаза мерцают.

— Ну те, которых из зоосада раздали по домам.

— Что-о? — не хуже сороки заверещал мальчик. — Зверей по домам?

— Никогда я такого вздора не слышала, — сказала Верочка. — Взяла бы домой тигра? Или бегемота? На свою кровать положила бы, да? А главное, чем бы ты их стала кормить?

— Тогда еще не было голода, — упрямо сказала Алла. — Их от бомбежек спасали. Из Ботанического сада растения и то сотрудники брали к себе домой. Чтобы не померзли, которые редкие. Мама мне говорила. Они же живые, растения. А звери еще живее.

— Точно, звери живее, — согласился мальчик. — Но домой крокодила... он бы тобой и без голода пообедал. Нет, ты все-таки дура!

— Сам умник! Ничего не понимаешь, так и молчи.

Мальчик рукой оттянул платок у рта, высунул язык, подразнился. Потом отошел на несколько шагов, обернулся и проговорил:

— Да их просто на Большую землю вывезли. Зверей-то! Вот! — И пошел прочь, пошатываясь.

Анютка сказала строго:

— Ты, Алла, этого Вовку не ругай. У пег: все умерли потому что. И мама, и братишки. А папа на фронте... Погиб, наверно. Писем-то нету. Ты из другого двора, вот и не знаешь Алла нахмурилась:

— Писем никому нету. Почта же не работает. Все почтальоны на фронт ушли. А которые тоже... Но почему же он не в детском доме, этот мальчик?

— А он с бабушкой живет.

— С ба-абушкой? А говоришь — все!

— А остальные-то все, мама его и братишки, двое, один старше Вовки, другой младше... где они? Нету.

— Ишь там-то раскричались, в углу двора, — промолвила старушка.

В углу двора росли вербы — сплошь в атласных барашках, а стволы — блестяще-коричневые. Сбившись в кучку под вербами, ребята кричали в восторге:

— Комарик прилетел! Комарик!

Да, они уже кричали. Не говорили чуть слышно, а кричали. Какое счастье!

Завыла сирена. Захлопали зенитки. Бабаханье стало слышнее, приблизилось.

На крыльцо вышла женщина:

— Дети! Домой!

С наступлением весенних ясных дней бомбежки и артобстрелы, притихшие зимой, снова участились. Чтобы уберечь детей от шальных осколков, их загоняли в дома.

На призывы никто из ребят и головы не повернул.

Что там стрельба, зенитки, развалины, выбитые оконные стекла — все это привычно. А вот маленькое крылатое создание — чудо!

И в самом деле, откуда он взялся, где выжил, этот комаришка? Мух в Ленинграде не было:

1942

27 МАРТА. Все свободное население мобилизовано на очистку Ленинграда.

30 МАРТА. В Рыбцком перед боями состоялось первое выступление танцевального ансамбля Дворца пионеров под руководством А. Е. Обранта.

они не перенесли блокады. Личинки и отдельные мушиные экземпляры обычно сохраняются в комнатах — в щелях, под обоями. Но в комнатах блокадной зимой до четырнадцати градусов мороза...

— Комарик! Комарик! — распевали дети. Старушка на досках промолвила:

— Детей гоним, а сами? Стоим, сидим, как все равно статуи неподвижные. Самим, того и гляди, бомба в рот влетит. — Помолчала и добавила: — Ничего, авось не подавимся. В крайнем случае проглотим.

Верочка хихикнула. Засмеялись Анютка и Алла — Анютка звонко, Алла приглушенно.

В небе таяли легкие облачка. И уносились на Большую землю, где помнили и думали — мы это твердо знали! — о каждом из нас.

Л. Пантелеев

В годы блокады
жил в Ленинграде

МАРИНКА

Маринкой мы познакомились незадолго до войны на парадной лестнице. Я открывал французским ключом дверь, а она в это время возвращалась с прогулки, проходила мимо, вся раскрасневшаяся, утомленная и разгоряченная игрой. Куклу свою она

тащила за руку, и кукла ее, безжизненно повиснув, также выражала крайнюю степень усталости и утомления.

Я поклонился и сказал:

— Здравствуйте, красавица.

Девочка посмотрела на меня, ничего не ответила, засопела и стала медленно и неуклюже пятиться по лестнице вверх, одной рукой придерживаясь за перила, а другой волооча за собой несчастную куклу. На площадке она сделала передышку, еще раз испуганно посмотрела на меня сверху вниз, облегченно вздохнула, повернулась и, стуча каблучками, побежала наверх.

После этого я много раз видел ее из окна во дворе или на улице среди других детей. То тут, то там мелькал ее красный сарафанчик и звенел звонкий, иногда даже чересчур звонкий и капризный голосок.

Она была и в самом деле очень красива: черноволосая, курчавая, большеглазая, — еще немощко, и можно было бы сказать про нее: вылитая кукла.

Но от полного сходства с фарфоровой куклой ее спасали живые глаза и живой, неподдельный, играющий на щеках румянец: такой румянец не наведешь никакой краской, про такие лица обычно говорят: «Кровь с молоком».

Война помогла нам познакомиться ближе. Осенью, когда начались бомбежки, в моей квартире открылось что-то вроде филиала бомбоубежища. В настоящем убежище было недостаточно удобно и просторно, а я жил в первом этаже, и, хотя гарантировать своим гостям полную безопасность я, конечно, не мог, площади у меня было достаточно, и вот по вечерам у меня стало собираться обширное общество — главным образом дети с мамами, бабушками и дедушками.

Тут мы и закрепили наше знакомство с Маринкой. Я узнал, что ей шесть лет, что живет она с мамой и с бабушкой, что папа ее на войне, что читать она не умеет, но зато знает наизусть много стихов, что у нее шесть кукол и один

4 АПРЕЛЯ. На город упали сотни фугасных бомб и 200 снарядов. Погибло 116 человек, 311 получили ранения. Серьезные повреждения получил стоящий на Неве крейсер «Киров». Сбито 18 фашистских самолетов.

мишка, что шоколад она предпочитает другим лакомствам, а «булочки за сорок» (то есть сорокакопеечные венские булки) простой французской...

Правда, все это я узнал не сразу и не все от самой Маринки, а больше от ее бабушки, которая, как и все бабушки на свете, души не чаяла в единственной внучке и делала все, чтобы избаловать ее и испортить. Однако девочка была сделана из крепкого материала и порче не поддавалась, хотя в характере ее уже сказывалось и то, что она «единственная», и то, что она проводит очень много времени со взрослыми. Застенчивость и развязность, ребенок и резонер сочетались в ней очень сложно, а иногда и комично. То она молчит, дичится, жметя к бабушке, а то вдруг наберется храбрости и затараторит так, что не остановишь. При этом даже в тех случаях, когда она обращалась ко мне, она смотрела на бабушку, как бы ища у нее защиты, помощи и одобрения.

Между прочим, от бабушки я узнал, что Маринка ко всему прочему еще и артистка — поет и танцует.

Я попросил ее спеть. Она отвернулась и зомотала головой.

— Ну, если не хочешь петь, может быть, спляшешь?

Нет, и плясать не хочет.

— Ну, пожалуйста, — сказал я. — Ну, чего ты боишься?

— Я не боюсь, я стесняюсь, — сказала она, посмотрев на бабушку, и, так же не глядя на меня, храбро добавила: — Я ничего не боюсь. Я только немцев боюсь.

Я стал выяснять, с чего же это она вдруг боится немцев. Оказалось, что о немцах она имеет очень смутное представление. Немцы для нее в то время были еще чем-то вроде трубочистов

или волков, которые рыщут в лесу и обижают маленьких и наивных красных шапочек. То, что происходит вокруг: грохот канонады за стеной, внезапный отъезд отца, исчезновение шоколада и «булочек за сорок», даже самое пребывание ночью в чужой квартире, — все это в то время еще очень плохо связывалось в ее сознании с понятием «немец». И страх был не настоящий, а тот, знакомый каждому из нас, детский страх, который вызывают в ребенке сказочные чудовища — всякие бабы-яги, вурдалаки и бармалеи...

Я, помню, спросил у Маринки, что бы она стала делать, если бы в комнату вдруг вошел немец.

— Я бы его стулом, — сказала она.

— А если стул сломается?

— Тогда я его зонтиком. А если зонтик сломается, я его лампой. А если лампа разобьется, я его галошей...

Она перечислила, кажется, все вещи, какие попались ей на глаза.

Это была увлекательная словесная игра, в которой немцу уделялась очень скромная и пассивная роль — мишени.

Было это в августе или в сентябре 1941 года.

Потом обстоятельства нас разлучили, и следующая наша встреча с Маринкой произошла уже в январе нового, 1942 года.

Много перемен произошло за это время. Давно уже перестали собираться в моей квартире ночные гости. Да и казенные, общественные убежища тоже к этому времени опустели. Город уже давно превратился в передовую линию фронта, смерть стала здесь явлением обычным и привычным, и все меньше находилось охотников прятаться от нее под сводами кочегарок и подвалов.

Полярная ночь и полярная стужа стояли в

1942

15 АПРЕЛЯ. На линии вышли 116 трамваев маршрутов № 3, 7, 9, 10, 12.

21 АПРЕЛЯ. Командующим ленинградской группой войск назначен генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров. С августа он — командующий войсками Ленинградского фронта.

ленинградских квартирах. Сквозь заколоченные фанерой окна не проникал дневной свет, но ветер и мороз оказались ловчее, они всегда находили для себя лазейки.

На подоконниках лежал снег, он не таял **лаже** в те часы, когда в комнате удавалось затопить «буржуйку».

Маринка уже два месяца лежала в постели.

Убогая фитюлька нещадно коптила, я не сразу разглядел, где что. Сгорбленная старушка, в которой я с трудом узнал Маринкину бабушку, трясущимися руками схватила меня за руку, заплакала, потащила в угол, где на огромной кровати, под грудой одеял и одежды, теплилась маленькая Маринкина жизнь.

— Мариночка, ты посмотри, кто пришел к нам. Деточка, ты открой глазки, посмотри...

Маринка открыла глаза, узнала меня, хотела улыбнуться, но не вышло: не хватило силенок.

— Дядя... — сказала она.

Я сел у ее изголовья. Говорить я не мог. Я смотрел на ее смертельно бледное личико, на тоненькие, как ветки, ручки, лежавшие поверх одеяла, на заострившийся носик, на огромные ввалившиеся глаза — и не мог поверить, что это все, что осталось от Маринки, от девочки, про которую говорили: «Кровь с молоком», от этой жизнерадостной, пышущей здоровьем резвушка.

Казалось, ничего детского не осталось в чертах ее лица.

Угрюмо смотрела она куда-то в сторону — туда, где на закоптелых, некогда голубых обоях колыхалась витиеватая тень от дымящей копилки.

Я принес ей подарок — жалкий и убогий гостинец: кусок конопляной дуранды, завернутый, красоты ради, в тонкую папиросную

бумагу. Больно было смотреть, как просияла она, с каким жадным хрустом впились ее мышинные зубки в каменную твердь этого лошадиного лакомства.

Воспитанная по всем правилам девочка, она даже забыла сказать мне «спасибо»; только расправившись наполовину с дурандой, она вспомнила о бабушке, предложила и ей кусочек. А подобрав последние крошки и облизав бумагу, она вспомнила и обо мне — молча посмотрела на меня и холодной ручкой дотронулась до моей руки.

Бабушка, — сказала она. Голос у нее был хриплый, простуженный. — Бабушка, правда, как жалко, что, когда мы немножко больше кушали, я не сплясала дяде?

Бабушка не ответила.

— А теперь что, не можешь? — спросил я. Она покачала головой:

— Нет.

Бабушка опустила на стул, заплакала.

— Боже мой, — сказала она. — Когда это все кончится только?!

Тут произошло нечто неожиданное. Маринка резко повернулась, подняла голову над подушкой и со слезами в голосе закричала:

— Ах, бабушка, замолчи, ты мне надоела! «Когда это кончится?!» Вот всех немцев перебьют, тогда и кончится...

Силенки изменили ей. Она снова упала на подушку.

Бабушка продолжала плакать. Я помолчал и спросил:

— А ты немцев все еще боишься, Маринка?

— Нет, не боюсь, — сказала она.

Пытаясь возобновить наш старый шуточный разговор, я сказал ей:

— А что ты станешь делать, если, скажем, немец вдруг войдет в твою комнату?

23 АПРЕЛЯ. В сторону Ленинграда по Дороге жизни сегодня прошли последние машины, ехал последний груз — лук. В 5 километрах от восточного берега лук перегрузили на повозки, а за километр до западного берега его уже несли на плечах — 64 тонны лука!..

Остановился городской транспорт.
Зима 1941/42 года.

Норма выдачи хлеба.

Копилка.

За водой на Неву.

Трагические будни блокады.

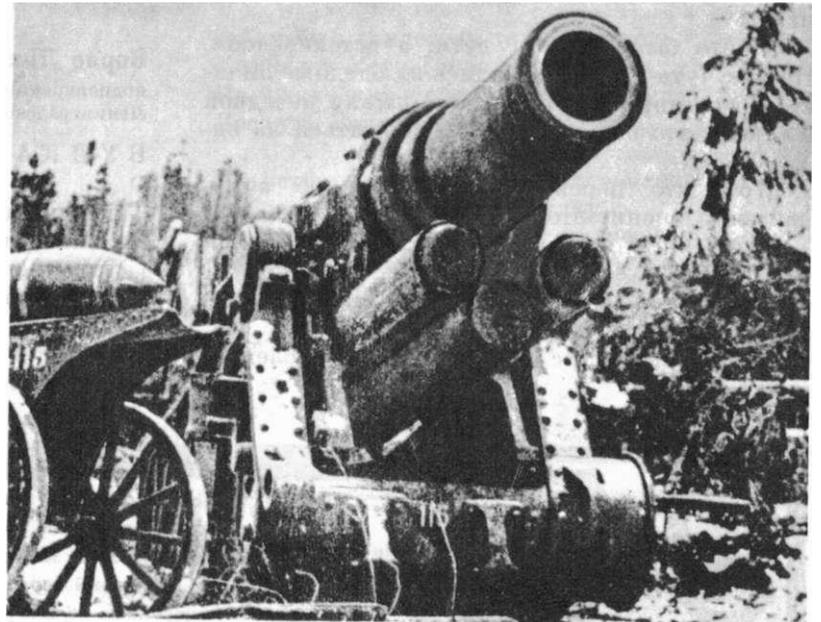
Утром у булочной.

Хлебная доска.

Отсюда «берта» била...

НОРМА ВЫДАЧИ			
ХЛЕБА			
на Декабрь			
Рабочие и УТР	Служащие	Иждивенцы	Дети
250 гр.	125 гр.	125 гр.	125 гр.

Она задумалась.

Глубокие, недетские морщинки сбежались к ее переносице. Казалось, она трезво рассчитывает свои силы: стула ей теперь не поднять, до лампы не дотянуться, полена во всем доме днем с огнем не найдешь.

Наконец она ответила мне. Я не расслышал. Я только видел, как блеснули при этом ее маленькие крепкие зубки.

— Что? — переспросил я.

— Я его укушу, — сказала Маринка. И зубы ее еще раз блеснули, и сказано это было так, что, честное слово, я не позавидовал бы тому немцу, который отважился бы войти в эту холодную и закоптевшую, как вигвам, комнату.

Я погладил Маринкину руку и сказал:

— Он не придет, Маринка...

Много могил мы вырубili за эту зиму в промерзшей ленинградской земле. Многих и многих недосчитались мы по весне.

А Маринка выжила.

Я видел ее весной сорок второго года. Во дворе на солнышке играла она с подругами... Это была очень скромная, тихая и благопристойная игра.

И это были еще не дети, а детские тени. Но уже чуть-чуть румянились их бледные личики, и некоторые из них уже прыгали на одной ножке, а это очень трудно — держаться на одной ноге.

Тот, кто пережил ленинградскую зиму, поймет и оценит это.

Увидев меня. Маринка бросилась мне навстречу.

— Дядя, — сказала она, обнимая меня, — какой вы седой, какой вы старый...

Мы поговорили с ней, поделились последними новостями.

Оба мы по-настоящему радовались, что видим друг друга — какими ни на есть, худыми и бледными, но живыми. Ведь не всякому выпала эта радость.

Когда мы уже простились, Маринка снова окликнула меня.

— Дядя, — сказала она, смущенно улыбаясь, — знаете что, хотите, я вам спляшу?

— Ого! — сказал я. — Ты уже можешь плясать?

— Да! Немножко могу. Но только не здесь. Пойдемте знаете куда? На задний двор, около помойки...

— Нет, Мариночка, не надо, — сказал я. — Побереги силенки — они тебе еще пригодятся. А спляшешь ты мне знаешь когда? Когда мы доживем с тобой до победы, когда разобьем фашистов.

— А это скоро?

Я сказал:

— Да, скоро.

И, сказав это, я почувствовал, что беру на себя очень большое обязательство. Это была уже не игра — это была присяга.

Борис Лихарев,

подполковник, член Политуправления
Ленинградского фронта

Б У Л К А

Так начинался день на Пулковской,
На знаменитой высоте.
С утра фашист дразнил нас булкой,
Ее вздымая на шесте.

Она, роскошная, большая,
Была отлично нам видна,

1942

27 АПРЕЛЯ. Ледоход отрезал защитников Невского «пяточка» от основных войск. Враг бросил против защитников «пяточка» 3 тысячи солдат и офицеров. 400 защитников «пяточка» дрались до последнего патрона. На правый берег Невы вплавь через ледоход сумел добраться с донесением только майор А. М. Соколов.

И на переднем нашем крае
Тут наступала тишина.

И лишь сердца стучали гулко.
Ты не забудешь, милый друг,
Как на шесте качалась булка,
Стоял безмолвен политрук.

Затем мой тезка, минометчик,
Сглотнув голодную слюну,
Ее сшибал ударом точным,
Истратив мину лишь одну.

И шли мы завтракать в землянку,
Стряхнув с колен окопный снег.
Там хлеба черного буханка
На восемнадцать человек.

На четверых черпак баланды —
Вот все, что полагалось нам.
Не дожидались мы команды,
Чтоб расходиться по местам

И вновь примерзнуть к пулеметам
По всем постам сторожевым,
По ложементам, и но дзотам,
И точкам нашим огневым.

За нами было горе, голод...
О, как нам ярость сердце жгла!
За нами был наш гордый город,
За нами жизнь его была.

Леонид Хаустов,
курсант стрелково-пулеметных курсов
Ленинградский фронт

19 АВГУСТА 1942 ГОДА

В Рыбацком по берегу девочка шла
Тропой, что к воде протянулась,
А рядом, в волнах, бескозырка плыла,
И девочка ей улыбнулась.

Одна бескозырка, другая... И тих
Был воздух.

Заря опустилась.
На Охте старушка заметила их
И медленно перекрестилась.

И плыли они мимо строгих громад,
Гранитных твердынь Ленинграда,
Как будто бы их провожал Ленинград
Суrowым молчаньем блокады.

И там, где кончается морем земля,
Где волны особенно зыбки,
Матросы увидели их с корабля
И сняли в тоске бескозырки.

...А я был свидетель того, как вода
Кипела в Усть-Тосно, как с хода
На вражеский берег рванулись суда
Десанта Балтийского флота.

Их встретили пушки и били внахлест,
И брали десантников в вилку,
И падал в холодную воду матрос,
Оставив волне бескозырку...

1 МАЯ. Демонстрации не было. Состоялся первомайский радиомитинг.

3 МАЯ. Возобновились занятия в 137 школах города.

СТРОКИ

ПО ЖЕЛТЕВШИХ

СТРАНИЦ

...Март. Как радостно забилося у меня сердце, когда однажды, спускаясь к Неве за водой, я услышала, как девушка, идущая мимо, тихонечко напевала знакомый мотив давно забытой песни. Казалась ли мне когда-нибудь прекрасной весна? Как раньше я приветствовала ее появление в первых солнечных бликах на стенах, в первых робких иглах травы под стаявшим снегом, в ранних бледных фиалках!.. Теперь я вижу ее наступление в уборке улиц и дворов, в улыбке прохожего... в объявлении, что вновь открывается баня, в звоне первого трамвая, отозвавшегося в моем сердце звонче и во сто раз прекраснее, чем все вальсы Штрауса.

(Из дневника З. Ворожейкиной,
ученицы 33-й школы)

1 мая 1942 года.

День яркий, солнечный. Всюду красные флаги. Свежий морской «ленинградский» ветер играт их полотнищами.

Сегодня в школе мы собирали родителей наших будущих учеников, чтобы объяснить им, почему занятия возобновляются в конце года и какой распорядок будет в школе.

С утра шла стрельба из тяжелых орудий, и мы боялись, что обстрел помешает нам провести собрание. Немцы стреляли систематически, через каждые пятнадцать минут.

— Сейчас снаряд попал в сад напротив, — говорит женщина, вбежавшая в школьный вестибюль.

Страшный грохот и звон разбитых стекол. Снаряд упал около школы на проспекте Майорова. В зале нет ни одного уцелевшего стекла, даже фанера вылетела из рам.

Весь пол засыпан кирпичами и строительным мусором.

— Хорошо, что мы еще не начали здесь собрание, — говорит Валентина Васильевна, — придется перенести скамейки в проходной зал. Сомневаюсь, чтобы родители пришли под таким обстрелом...

К 13 часам зал был полон. Ленинградцы привыкли к обстрелам, а начало занятий в школе и обещанное горячее питание для детей живо интересует родителей.

(Из дневника учительницы 239-й школы
К. Ползиковой-Рубец)

...После тяжелой холодной зимы в условиях блокады появились наконец первые лучи солнца, зазеленела трава. Школьники сменили парты на совхозное поле.

14 июля 1942 года началась новая, огородная жизнь, жизнь плодотворного труда. Первое время мне показалось, что она однообразна: один день похож на другой. Но вскоре я начала замечать, что растения, за которыми я ухаживаю, меняются день ото дня, час от часу, минута за минутой.

Теперь уже не было этого однообразия. Жизнь растений увлекла меня. Мне казалось, что я ращу маленьких человечков. Вот они еле видны, слабенькие, зеленые, а вот уже окрепли их тоненькие ножки и гордо поднимаются зелененькие головки.

Наконец мои человечки выросли. И, глядя на них, я вдруг поняла, что моя давняя мечта исполнилась. Радостно забилося сердце, гордо поднялась голова.

1942

6 МАЯ. На стадионе «Динамо» состоялся футбольный матч. Играли динамовцы и армейцы. Матч транслировался на передовые позиции. Со счетом 7 : 3 выиграли динамовцы.

7 МАЯ. На город обрушилось 219 снарядов. Убито и ранено 120 человек.

Я представила себе две дороги.

Одна дорога ведет на фронт, другая — в мой город. И по этим дорогам бегут один за другим зеленые овощи-человечки...

*(Из сочинения ученицы 47-й школы
Инны Битюговой)*

НАГРАДА

ЗА ОТЛИЧНУЮ РАБОТУ

На днях ученикам 47-й школы за отличную работу по выращиванию овощей было вручено переходящее Красное знамя горono.

Под звуки марша вышли ребята на торжественную линейку. Начальник лагеря товарищ Инкова принимает рапорт о работе за истекший день.

— 388 процентов нормы, — рапортует вторая комсомольская бригада.

— 350 процентов, — рапортует первая бригада.

— 204 процента — по всей школе...

(Газета «Смена», 11 сентября 1942 года)

ПРИКАЗ № 13

Штаб дружины постановляет: каждому пионеру сдать не менее 5 килограммов листа (дуб, клен, липа).

Ответственные — начальники штабов отрядов.

*Штаб дружины 194-й школы.
28 ноября 1942 года.*

Вольт Суслов

МУЗЫКА С АРТИЛЛЕРИЙСКИМ СОПРОВОЖДЕНИЕМ

Самолет пересекал линию фронта. Не бомбардировщик, не истребитель — маленький транспортный самолет. Летчик Литвинов внимательно поглядывал то на землю (не попасть бы под огонь немецких зениток!), то в просторы неба (не прозевать бы «мессершмитта»!). Самолет летел в осажденный Ленинград. Вместе с медикаментами для госпиталей пересекали на нем линию фронта четыре толстые тетради. Благополучно приземлившись и сдав медикаменты, Литвинов положил в свою полевую сумку тетради и поспешил в город. А на следующий день в «Ленинградской правде» появилась коротенькая информация: «В Ленинград доставлена на самолете партитура Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. Публичное исполнение ее состоится в Большом зале филармонии».

Совсем мирная информация. Как до войны. Вот только дата выхода газеты напоминала, что шел июль 1942 года, что уже более 300 дней город над Невой находился в кольце блокады.

Ленинградцы знали о новой симфонии композитора Шостаковича. 29 марта 1942 года ее передавали по радио из Москвы. В здании радиокомитета собрались все музыканты оркестра и дирижер Карл Ильич Элиасберг — вместе слушали и вместе решили: непременно исполнить симфонию в Ленинграде! Ведь называлась-то она «Ленинградская»! И родилась здесь, в оса-

8 МАЯ. Возобновил работу читальный зал Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

9 МАЯ. На Среднем проспекте Васильевского острова убиты при артобстреле 12 девочек и мальчиков детсада фабрики имени Урицкого. Они вышли на прогулку, и в это время — снаряд...

денном городе. Дмитрий Дмитриевич Шостакович писал в «Правде»: «Почти вся симфония сочинена мною в моем родном Ленинграде. Город подвергался бомбардировкам с воздуха, по городу была вражеская артиллерия. Все ленинградцы дружно сплотились и вместе со славными воинами Красной Армии поклялись дать отпор зарвавшемуся врагу. В эти дни я работал над симфонией, работал много, напряженно и быстро...»

Когда началась работа над симфонией, определить сложно. Правда, сам композитор на первых черновых листах поставил дату: «15/VI 1941», но ведь она говорит только о том, когда на нотных строчках появились первые знаки. А когда возник замысел? Когда стали складываться первые музыкальные образы? Наверное, все-таки раньше. В первые дни войны. Тогда Шостакович стремился попасть на фронт. В Ленинградском партийном архиве и сейчас хранится его заявление с просьбой направить добровольцем в ряды действующей армии. В Красную Армию попасть не удалось. Но едва начали формироваться полки народного ополчения, композитор вступает в их ряды, с лопатой в руках роет траншеи на окраинах города, в полной пожарной форме дежурит на посту № 5, охраняя здание консерватории от вражеских «зажигалок». Но крыша родной консерватории все-таки не фронт... И он идет в штаб дивизии народного ополчения, ждет, когда его припишут к какой-либо роте. И получает назначение заведовать музыкальной частью театра народного ополчения.

Конечно, и Ленинград, и вся страна старались сберечь своего талантливого композитора. Но война есть война. А фронт вплотную приблизился к родному городу, замкнулось кольцо блокады.

Над Ленинградом тревожно выли сирены. Стучал по радио метроном. Иногда по улицам проходили танки. Била дальнобойная артиллерия Балтийского флота. Может быть, из всех этих звуков и слагались первые образы будущей симфонии?..

Работа двигалась быстро. Правда, иногда ее приходилось прерывать: нужно было идти на дежурство. Дмитрий Дмитриевич, по его же словам, забираясь на крышу, «таскал туда партитуру — не мог от нее оторваться». И среди нотных знаков появились совсем не музыкальные буквы: «в. т.», что означало «воздушная тревога». А было их тогда много, воздушных тревог. С сентября по ноябрь они объявлялись 251 раз. Случалось, и по нескольку раз в день. 23 сентября, к примеру, сирены выли И раз, 4 октября — 10 раз... Все больше пожаров пылало в городе. Все меньше становился хлебный паек.

17 сентября 1941 года Шостаковича пригласили в радиокomitee. Диктор объявил: «Слушай, родная страна! Говорит город Ленина! Говорит Ленинград!» — и передал слово композитору.

Волнуясь, подошел Шостакович к микрофону. «Я говорю с вами из Ленинграда, в то время как у самых ворот его идут жестокие бои с врагом, рвущимся в город, и до площадей доносятся орудийные раскаты... Два часа назад я закончил две первые части музыкального произведения...»

Были уже наброски и третьей части, когда пришел категорический приказ из Смольного: эвакуироваться!

Маленький транспортный самолетик прощмыгнул над линией фронта и увез Шостаковича в Москву.

А завершена работа над симфонией была уже

1942

10 МАЯ. В Ленинград приехали делегации Узбекистана и Свердловской области, привезли защитникам города много подарков.

17 МАЯ. Вновь начал работать Ленинградский Дворец пионеров.

в городе Куйбышеве, где и прозвучала Седьмая Ленинградская впервые.

Ленинградцы не только слышали ее по радио, но и много читали о ней в газетах. «Седьмая симфония, — писал Алексей Толстой, — возникла из совести русского народа, принявшего без колебаний бой с черными силами. Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого мирового искусства, понятного на всех широтах и меридианах, потому что она рассказывает правду о человеке в небывалую минуту его бедствий и испытаний».

И вот теплым июльским днем 1942 года тетради с партитурой симфонии прилетели к месту своего рождения — на берега Невы. «Посвящается городу Ленинграду», — прочитал Карл Ильич Элиасберг на обложке первой тетради.

Нотные строчки захватили дирижера и одновременно испугали: где взять такой огромный оркестр? 8 валторн, 6 труб, 6 тромбонов! Людей, которые играли бы на этих инструментах, просто нет... А на партитуре рукою Шостаковича написано: «Участие этих инструментов в исполнении симфонии обязательно». И «обязательно» жирно подчеркнуто. Да и только ли духовые инструменты!.. Чтобы исполнить симфонию, требовалось около 80 музыкантов! А в оркестре радиокомитета их было всего 15 человек...

Давно ли, всего лишь в марте просматривали списки оркестрантов. 27 фамилий в тех списках были обведены черным карандашом: эти артисты не пережили блокадной зимы. Примерно столько же фамилий было обведено красным: этих людей нужно было искать по госпиталям и стационарам...

Конечно, есть еще музыканты — в окопах, в траншеях, опоясывающих Ленинград, лежащие у пулеметов, дежурящие возле орудий...

Начальник политического управления Ленинградского фронта, генерал Д. И. Холостов, выслушав просьбу дирижера, грустно пошутил:

— Бросим воевать, пойдем играть! — Но тут же по-деловому спросил: — Где находятся ваши музыканты?

— Часть рядом, — ответил Карл Ильич, — в комендантском оркестре. Другие в передовых частях.

— В каких именно?

Этого дирижер не знал и пообещал выяснить. В радиокомитете он собрал нисьма, пришедшие с фронта, списал номера полевых почт. По этим номерам найти воевавших музыкантов было уже несложно.

Вскоре в здание на Малой Садовой стали прибывать рядовые бойцы, сержанты, офицеры. В документах у всех значилось: «Командируется в оркестр Элиасберга».

Репетиции начались. Утром и вечером продолжались они по 5—6 часов, заканчиваясь порой поздно ночью. Артистам были выданы специальные пропуска, в которых указывалось, что их владелец имеет право хождения по ночному Ленинграду. А дирижеру сотрудники ГАИ даже подарили велосипед, и на Невском проспекте можно было увидеть высокого, предельно исхудавшего человека, старательно крутящего недали велосипеда, — он спешил на репетицию, или в Смольный, или в политуправление фронта.

В перерывах между репетициями дирижер успевал уладить многие дела оркестра. Весело мелькали спицы, тоненько позвякивал висящий на руле котелок.

За ходом репетиций город следил внимательно. 10 июля 1942 года в одной из радиопередач поэтесса Ольга Берггольц радостно сообщила:

22 МАЯ. На Ладожском озере открылась летняя навигация. Из Кобоны на западный берег вышел пароход «Гидротехник» с 40 тоннами муки на борту.

За полчаса до начала концерта командующий Ленинградским фронтом Леонид Александрович Говоров вышел к своей автомашине, но не сел в нее, а замер, напряженно вслушиваясь в далекий гул.

Еще раз взглянул на часы и заметил стоящим рядом артиллерийским генералам:

— Наша «симфония» уже началась.

Немецкие пушки молчали. На головы вражеских артиллеристов обрушился такой шквал огня и металла, что было уже не до стрельбы: спрятаться бы куда-нибудь! В землю зарыться!

А зал филармонии заполняли слушатели. Приехали руководители Ленинградской партийной организации: А. А. Кузнецов, Я. Ф. Капустин, А. И. Маханов, Г. Ф. Бадаев... Рядом с Л. А. Говоровым сел генерал Д. И. Холостов. Приготовились слушать музыку писатели Николай Тихонов, Вера Инбер, Всеволод Вишневский, Людмила Попова...

Карл Ильич Элиасберг взмахнул дирижерской палочкой.

Позже он вспоминал: «Не мне судить об успехе того памятного концерта. Скажу только, что с таким воодушевлением мы не играли еще никогда.

И в том нет ничего удивительного: величественная тема Родины, на которую находит злобующая тень нашествия, патетический реквием в честь павших героев — все это было близко, дорого каждому оркестранту, каждому, кто слушал нас в тот вечер. И когда переполненный зал взорвался аплодисментами, мне показалось, что я снова в мирном Ленинграде, что самая жестокая из всех войн, когда-либо бушевавших на планете, уже позади, что силы разума, добра и человечности победили».

А солдат Николай Савков, исполнитель другой, «огненной симфонии», после ее окончания написал стихи:

...И когда в знак начала
Дирижерская палочка поднялась,
Над краем передним, как гром, величаво
Другая симфония началась, —
Симфония наших гвардейских пушек,
Чтоб враг по городу бить не стал,
Чтоб город Седьмую симфонию слушал...
...И в зале — шквал,
И по фронту — шквал...
...А когда разошлись по квартирам люди,
Полны высоких и гордых чувств
Бойцы опустили стволы орудий,
Защитив от обстрела площадь Искусств.

За все 80 минут, пока звучала Седьмая Ленинградская симфония Дмитрия Шостаковича, ни один вражеский снаряд не взорвался в Ленинграде. Ни один стервятник с черными крестами на крыльях не прорвался в ленинградское небо.

Взволнованному, усталому дирижеру жали руки, поздравляли. Он плохо разбирал, что именно ему говорят, и потому только потом уже понял все значение фразы, которую сказал ему, пожимая руку, Леонид Александрович Говоров:

— Мы для вас тоже сегодня поработали...

Поэт Николай Тихонов, вернувшись с концерта, записал в своем дневнике: «Симфонию Шостаковича... играли не так, может быть, грандиозно, как в Москве или Нью-Йорке, но в ленинградском исполнении было свое — ленинградское, то, что сливало музыкальную бурю с боевой бурей, носящейся над городом. Она родилась в этом городе, и, может быть, только в нем она и могла родиться. В этом ее особая сила».

1942

22 ИЮНЯ. Исполнился год с начала войны. В городе был артиллерийский обстрел, воздушная тревога. 75 человек ранено, 20 убито...

39 ШКОЛ ЛЕНИНГРАДА РАБОТАЛИ БЕЗ ПЕРЕРЫВА В САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ БЛОКАДНЫЕ ДНИ

Вот эти школы ¹:

- 25-я средняя школа — на Седьмой линии Васильевского острова, в доме № 52.
- 27-я средняя школа — на Восьмой линии Васильевского острова, в доме № 17.
- 33-я средняя школа — на Двенадцатой линии Васильевского острова, в доме № 13.
- 47-я средняя школа — на улице Плуталова, в доме № 24.
- 50-я средняя школа — на Пионерской улице, в доме № 25.
- 85-я средняя школа — на Петроградской набережной, в доме № 2/4.
- 90-я средняя школа — на Зверинской улице, в доме № 35/37.
- 98-я неполная средняя школа — на улице Елизарова, в доме № 3.
- 105-я средняя школа — в Бабурином переулке, в доме № 5.
- 110-я средняя школа — на Костромском проспекте, в доме № 50/52.
- 114-я средняя школа — на Большой Озерной улице, в доме № 32.
- 122-я средняя школа — на улице Раевского, в доме № 32.
- 132-я средняя школа — на Покровской улице, в доме № 14.
- 148-я средняя школа — на улице Панфилова, в доме № 31.
- 155-я средняя школа — на Греческом проспекте, в доме № 21.
- 166-я средняя школа — в Прудковском переулке, в доме № 1/8.
- 205-я средняя школа — в Кузнечном переулке, в доме № 20.
- 206-я средняя школа — на набережной реки Фонтанки, в доме № 62.
- 207-я средняя школа — на улице Маяковского, в доме № 1.
- 216-я средняя школа — на набережной реки Фонтанки, в доме № 48.

¹ Названия улиц, нумерация школ и домов — довоенные.

10 ИЮЛЯ. Указом Президиума Верховного Совета СССР пожарная охрана Ленинграда награждена орденом Ленина.

21 ИЮЛЯ. Части 42-й армии выбили оккупантов из сильно укрепленного опорного пункта Старо-Паново.

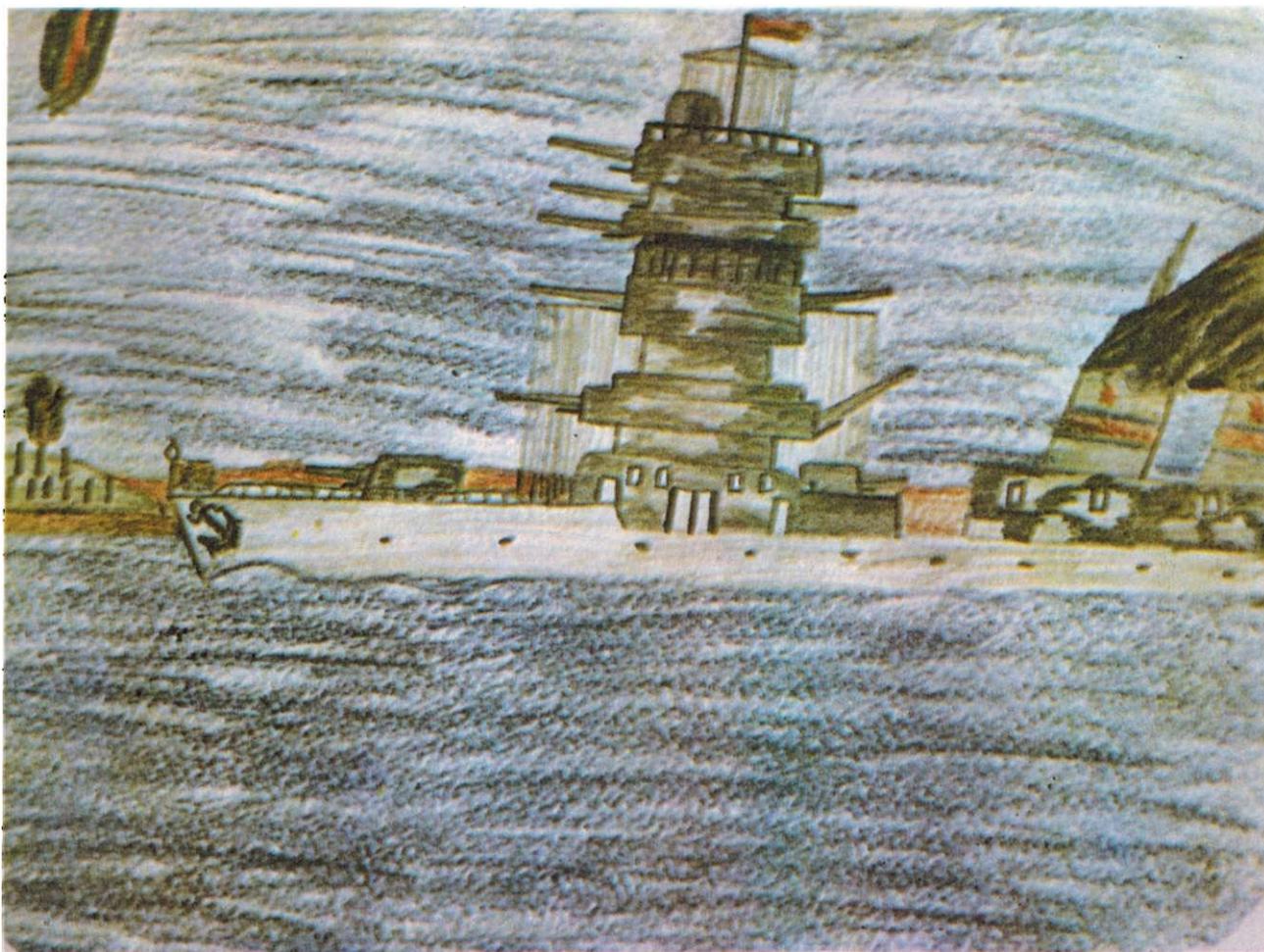
- 221-я средняя школа — на улице Плеханова, в доме № 7.
222-я средняя школа — на улице Софьи Перовской, в доме № 5.
236-я средняя школа — на набережной реки Мойки, в доме № 108.
239-я средняя школа — на проспекте Рошаля, в доме № 12.
249-я средняя школа — на улице Союза Печатников, в доме № 26а.
251-я средняя школа — на проспекте Майорова, в доме № 40.
252-я средняя школа — на Крюковом канале, в доме № 15.
272-я средняя школа — на 1-й Красноармейской улице, в доме № 3/5.
280-я средняя школа — на Лермонтовском проспекте, в доме № 52.
316-я средняя школа — на Предтеченской улице, в доме № 30.
317-я средняя школа — на Мало-Детскосельской улице, в доме № 34.
319-я средняя школа — в Чернышовом переулке, в доме № И.
321-я средняя школа — на Социалистической улице, в доме № 7.
329-я неполная средняя школа — на Смоленской улице, в доме № 20.
331-я средняя школа — на улице Бабушкина, в доме № 7.
333-я средняя школа — на Слободской улице, в доме № 3/5.
338-я средняя школа — на Правом берегу Невы, в доме № 178/182.
356-я средняя школа — на Заставской улице, в доме № 9.
367-я средняя школа — на Тамбовской улице, в доме № 17.

**ВО МНОГИХ ИЗ ЭТИХ ШКОЛ
СОСТОЯЛСЯ
ВЫПУСК ДЕСЯТИКЛАССНИКОВ.**

1942

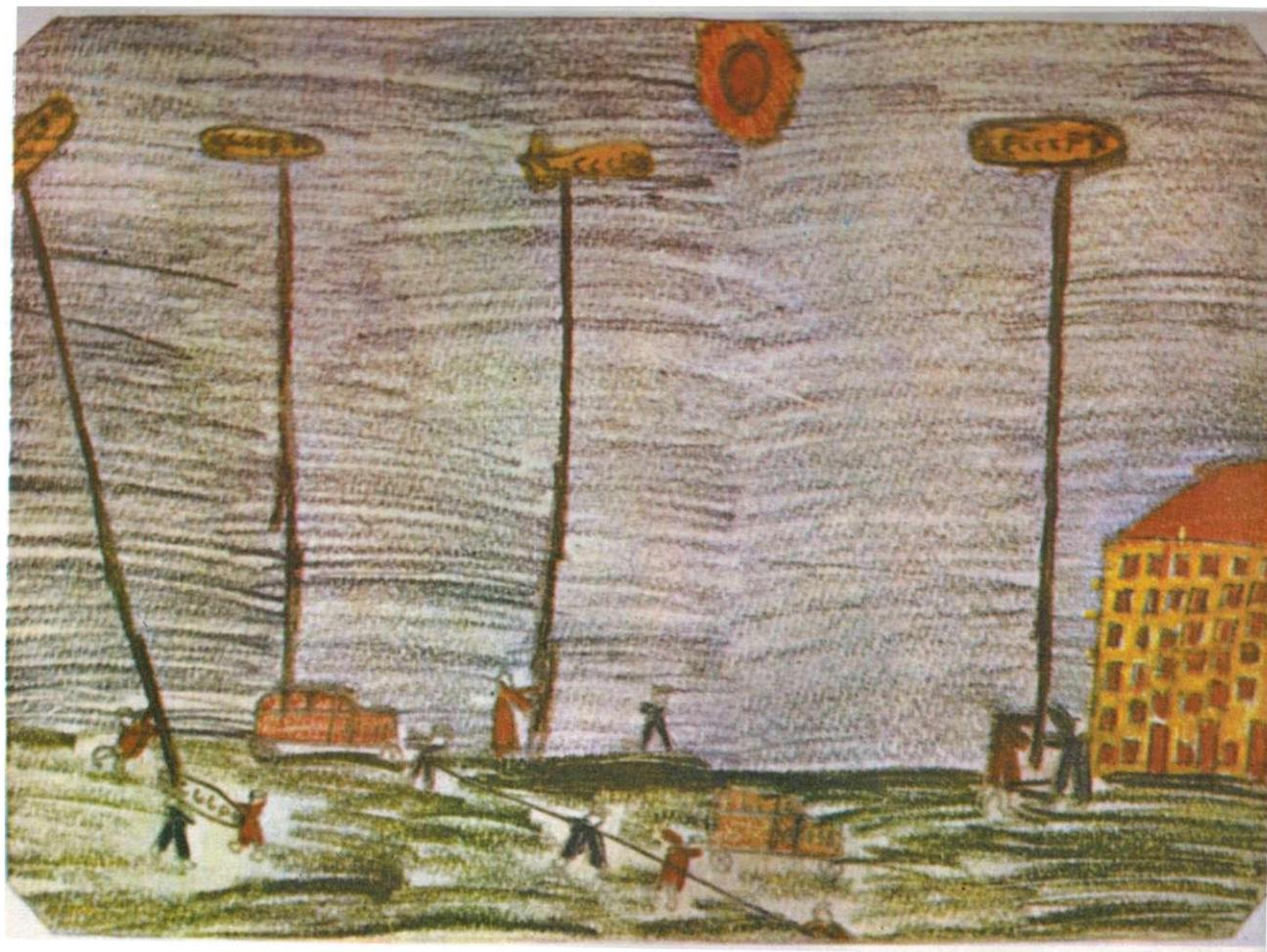
23 ИЮЛЯ. Наши войска овладели еще одним укрепленным пунктом врага в районе Пугролово.

3 АВГУСТА. Бойцы 268-й стрелковой дивизии выбили врага из Ям-Ижоры.

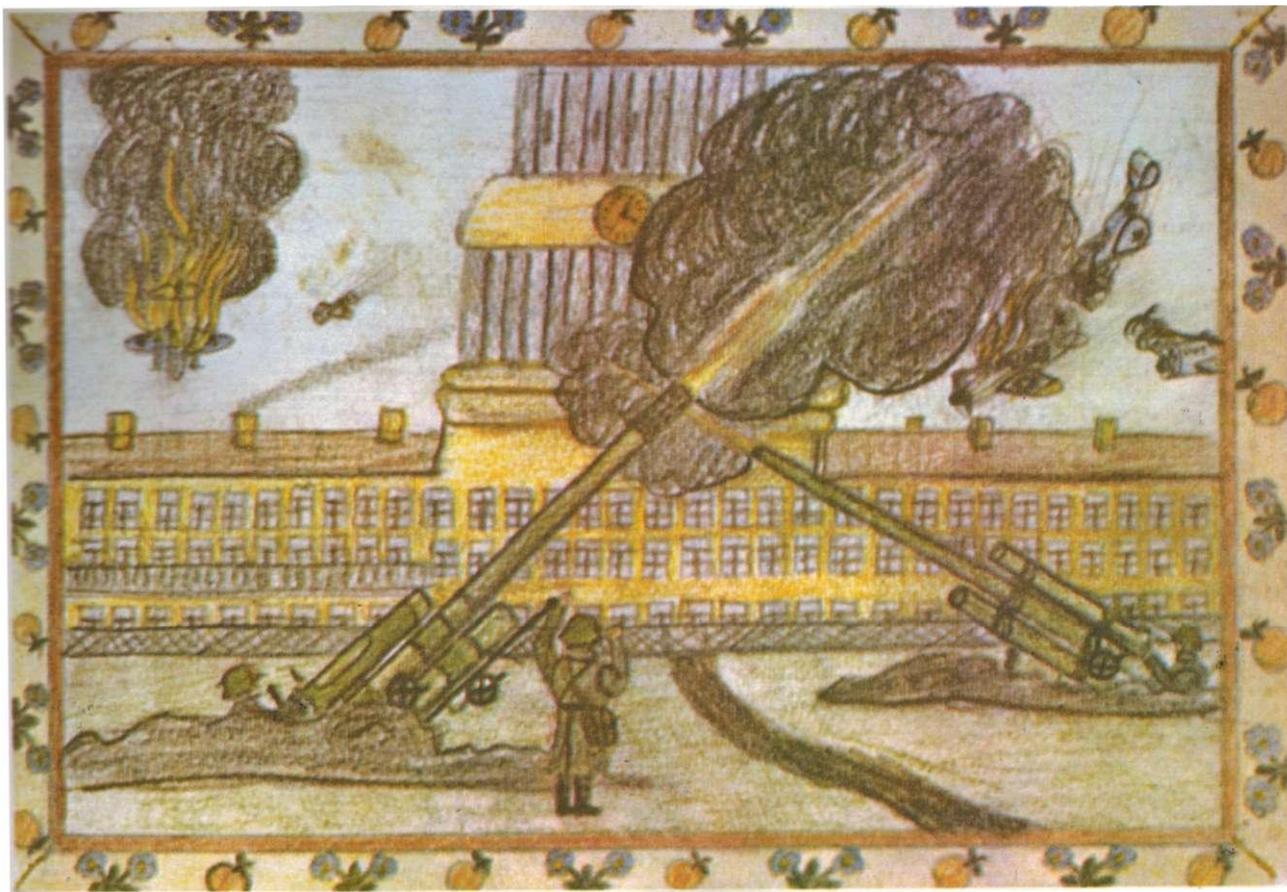
Юра Павлов, 6 лет

«Когда я вырасту, буду капитаном. Я буду ехать по морю, вражеские корабли топить, а когда вернусь из плавания, подъеду к вашему дому и привезу вам батоны, и шоколаду, и круглые булочки».

Слава Лисицын, 6 лет

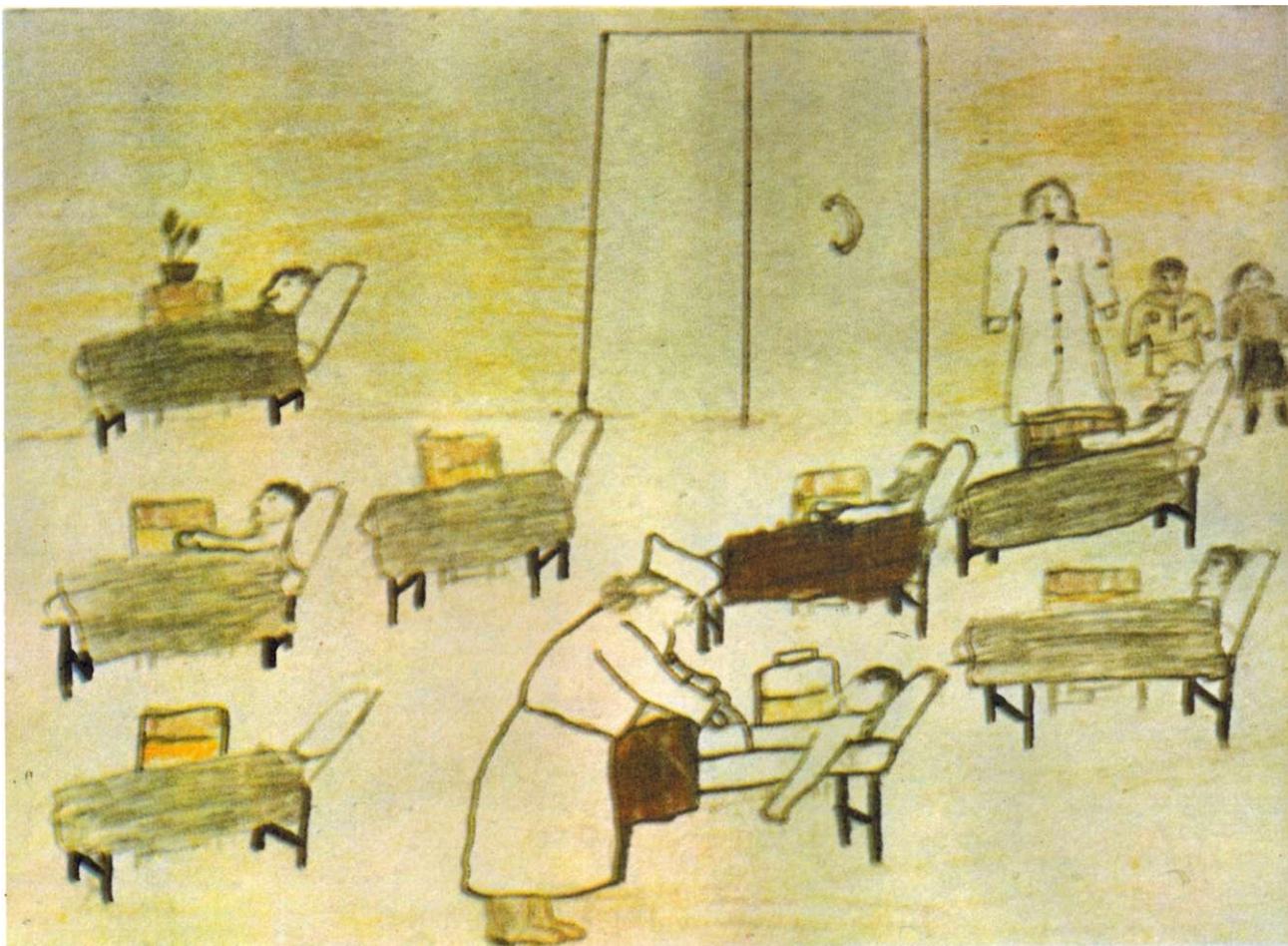
«В воздух подымались аэростаты».

Вова Лях, 9 лет

*«Всех людей не убить врагу,
Все дома не разбить врагу,
А ему конец!»*

Эрик, 7 лет

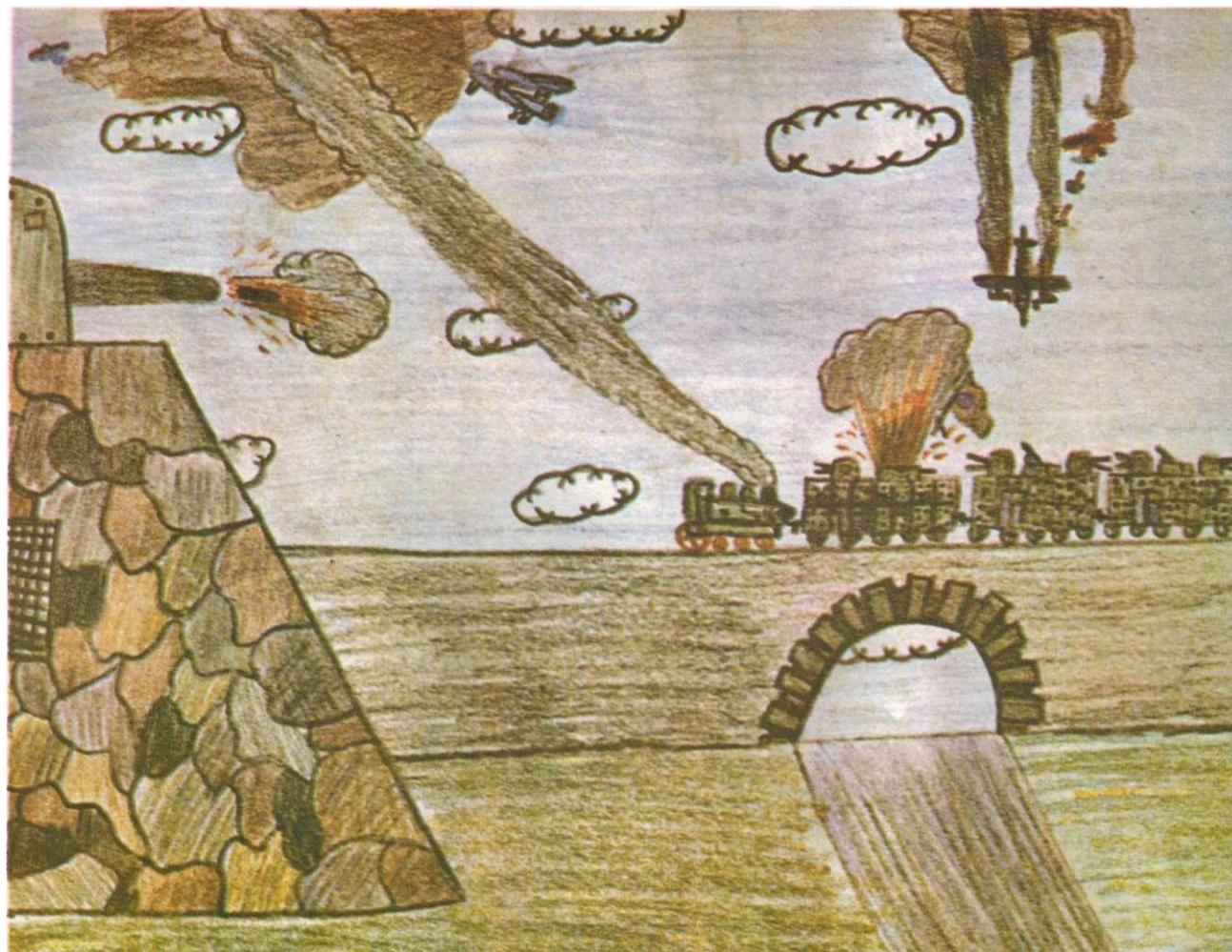

«Мы в госпиталь пришли, а там на кроватях лежат раненые. Кто спит, кто лежит. Когда мы вошли в дверь, они все похлопали, что мы пришли. Мы стали по очереди стихотворения рассказывать. Потом Витю поставили на стол, чтобы всем раненым было видно его, и он рассказал «Снегиря». Раненые сказали: «Ну потанцуйте нам, чтоб было весело». И мы стали танцевать».

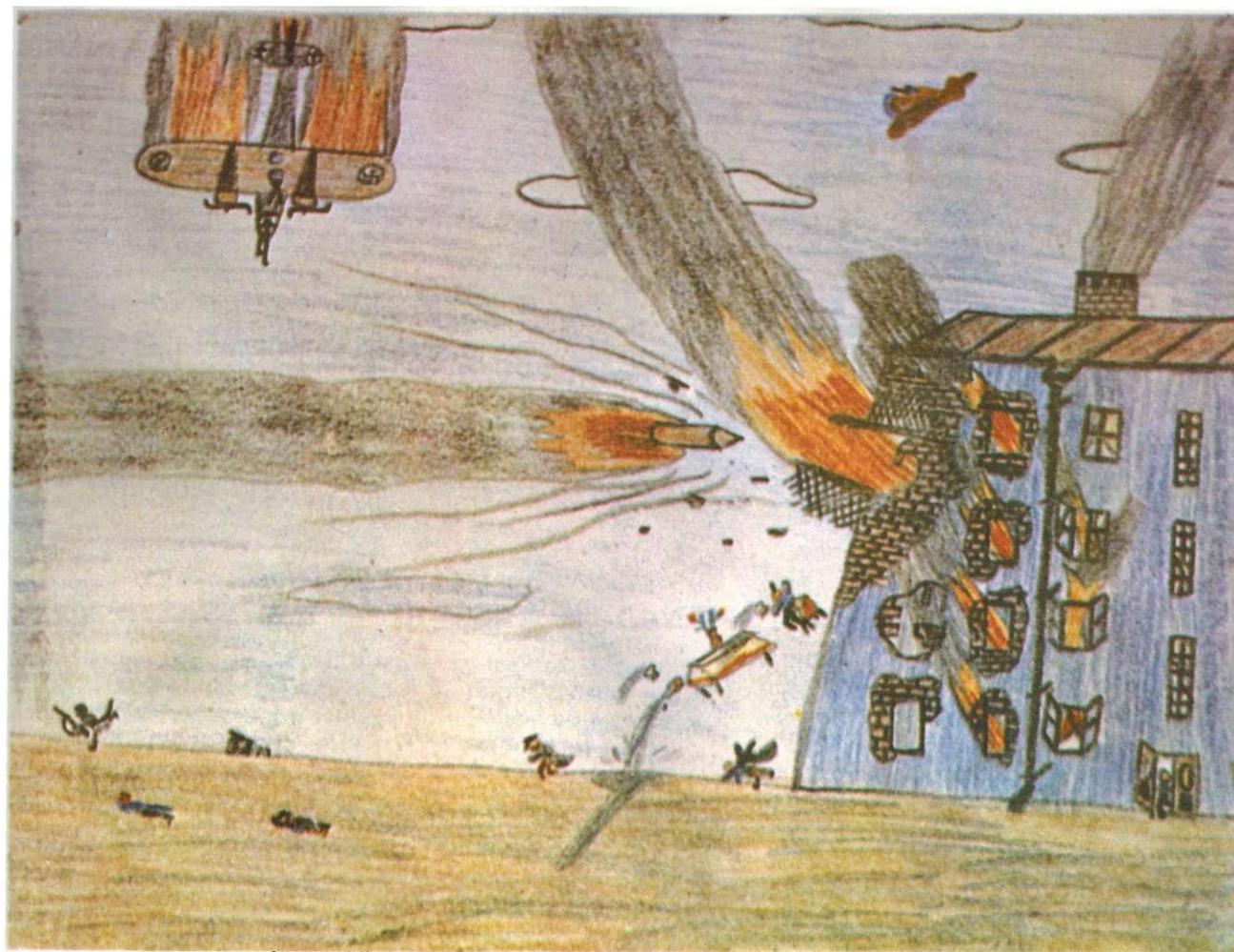
Вова Паршаев, 7 лет

«Наступила зима, стало холодно...»

Лорик Федосеев

«Это Шлиссельбургская крепость во время боя».

Лорик Федосеев

«Прямое попадание в дом».

Толя Золотых, 8 лет

«Ведет языка».

А. Мете,
в годы блокады
школьник

ПЕРВОКЛАССНИКИ В ШКОЛУ

1942 году в школах Ленинграда снова начались занятия, но только поздней осенью, в октябре. Мне было 9 лет, и я первый раз пришел в первый класс.

Наша 138-я школа находилась на улице Михайлова. Эта улица часто подвергалась об-

стрелу, потому что рядом были Финляндский вокзал и завод, который работал для фронта.

Учительница Анна Алексеевна Клокова строго-настроено запретила нам, своим первоклассникам, приходить в школу во время обстрела или воздушной тревоги. Да разве кто из нас боялся тогда бомбежки?

Только отошел я как-то от дома, началась воздушная тревога. Я решил перехитрить всех дежурных МПВО и милиционеров. Шмыгнул в проходную дома № 3 по Финскому переулку, а вышел с другой стороны на улицу Комсомола.

Грели взрывы у Военно-медицинской академии, я пробежал два дома и встретил в подворотне одноклассника Игоря Данилова. Вдвоем мы выбрались к Финляндскому вокзалу и побежали. Сыпались струйки сухого песка из мешков, укрывших памятник В. И. Ленину. На пустой привокзальной площади остались только вещи тех, кто должен был эвакуироваться из города.

Радио отстукивало частые удары, свистел милиционер в каске-тарелке, а мы притаились за чьими-то вещами. Бомба разорвалась где-то за школой. Вдруг из-за кучи мешков и тюков вы-

снулась закутанная в тряпки голова. Это же Цыганок! Самый младший ученик в школе. Он так обрадовался нашему приходу, что не мог выговорить слово «эвакуация». Он говорил «акуаемся» — значит «эвакуируемся». Мать его пошла за кипятком на вокзал и застряла там из-за обстрела.

Мы дождались, пока его мать вернется, и пошли в школу. Там уже собралось много ребят — всех привел голод. А ведь бомбили совсем недалеко — Арсенальную набережную, улицы и заводы в районе Кондратьевского проспекта.

После завтрака нас повели в заводское бомбоубежище. Оказалось, там горит электрический свет. Вот радость! Тогда в городе еще жили при коптилках и самодельных свечах.

Юра Маланов сразу же занял светлый угол, достал тетрадку и принялся рисовать. Сначала Юра рисовал танки. Если они выходили очень плохими, то он помечал их фашистскими крестами и свастиками. Хорошие и правильные танки были обязательно наши. Они побеждали. Такие же были у Юры самолеты и корабли.

Земля содрогнулась, все здание как бы подпрыгнуло. Свет погас. Все вскочили, но тут же повалились друг на друга. Девочки кричали одна громче другой. Чтобы их успокоить, отвлек нас, Анна Алексеевна предложила петь песни. Мы запели «В бой за Родину» и в самом деле мало-помалу успокоились.

Открылась дверь, и с фонарем вошла к нам в отсек директор Надежда Андреевна Малинина. Она нас похвалила за то, что мы не трусим, посидела немного и, согнувшись, пошла в свете своего фонаря дальше. Ее все уважали. Где бы ни появлялась Надежда Андреевна, сразу воцарялись образцовый порядок и дисциплина. Она знала в лицо каждого. Ее видели в школе с утра и до позднего вечера.

9 АВГУСТА. В Большом зале Ленинградской филармонии впервые в Ленинграде исполнена Седьмая симфония, написанная Дмитрием Шостаковичем в осажденном городе. Дирижер — К. Элиасберг.

10 АВГУСТА. В Ленинград прибыла делегация трудящихся Таджикистана, сопровождавшая эшелон с продовольственными подарками.

СБОР БУТЫЛОК

В начале зимы 1942/43 года нам, первоклассникам 138-й школы, объявили: фронту нужны бутылки. Все отчетливо сознавали, что значит в военном деле обычная бутылка. Каждый мальчишка готов был с такой бутылкой идти в атаку на вражеский танк, чтобы собственной рукой поджечь ненавистного фашиста. Бутылки с горючей смесью — то же самое, что гранаты, применяемые против танков, для поджога вражеской техники, складов, мостов.

Вскоре в проходе в первом этаже школы громоздились громадные корзины, ящики и корыта с пустыми бутылками. Грузовичок-полуторка увез на завод полкузова наших бутылок, чтобы потом снабдить бойцов и партизан необходимым оружием.

И мы радовались, что хоть немного, да помогли фронту.

ЗА ВОДОЙ

Рано утром с кувшином в одной руке и маленьким бидончиком в другой я спешу на Неву к Литейному мосту. А еще надо в школу успеть! Прорубей много, и у каждой очереди. Черпают воду кто чем.

Иной дистрофик на саночках привезет несколько кастрюль да полчаса наполняет их. Я и сам такой же точно.

Был у меня и другой маршрут: на Финляндский вокзал. Из всех ленинградских вокзалов он один работал всю войну. Здесь шум не смолкал ни днем, ни ночью. Отсюда эвакуировали на Большую землю ленинградцев, отправляли в тыл раненых. Сюда везли грузы с Ладожского озера и дрова для всего города.

Было на вокзале одно особенно оживленное место: маленький домик с краном в стене. Кипяток!

В очереди за кипятком я впервые познакомился с моими одноклассниками, с ними потом встретился в школе.

Кипяток — это живая вода тех лет. Не было дров, воды, а тут — драгоценный кипяток. Для всех! Норму отпуска соблюдали сообща. Много наливать никто особенно не решался, поэтому кипящая вода доставалась всем.

За чаем сходить — значит кипятку с вокзала принести. И ходили за ним издалека, даже чехлы ватные делали, чтобы не остыла дорогая водичка по пути.

УРОКИ В ПОДВАЛЕ

Приближался Новый год и конец второй четверти. Анна Алексеевна раздавала табели. Дошла очередь и до меня. На листке в клеточку я прочел: дисциплина — «отлично», письмо — «хорошо», арифметика — «посредственно».

Сидели мы в бомбоубежище, которое находилось напротив 138-й школы, в подвале заводского здания. Стены вздрагивали от непрерывной канонады.

Чернила на столе у Анны Алексеевны давно уже замерзли и разорвали чернильницу.

Во время урока класс зашумел. Так и есть, опять Маланов рисует. Шапка-ушанка у него развязана, а варежки лежат на парте. Он рисует и смеется, да еще рассказывает. Учительница его не ругала за это. Она спросила:

— Ну, что у тебя, Юра? — и пошла посмотреть.

Все тетради у него разрисованы, а все нарисованное — истинная правда: горят немецкие

1942

12 АВГУСТА. В Кронштадт возвратилась подводная лодка С-7 под командованием капитана 3 ранга С. П. Лисина. Пробыв 40 суток в море, подводники потопили 5 вражеских транспортов.

самолеты, взрываются танки с крестами и свастикой, фашистские солдаты лежат в разных позах, а наша морская пехота атакует. Ух, здорово! Юра даже называл фамилии бойцов, только его поправили:

— Выдумываешь! Шефы не так говорили.

Над школой шефствовали моряки с «энского» корабля. Они иногда заходили к нам в 1-й класс, но никогда нас не приглашали на корабль.

Все корабли в войну назывались «энскими», но «свой» мы знали: он охранял Литейный мост от вражеских самолетов...

ГОЛОДНАЯ УЧЕБА

К дистрофии прибавилась еще и цинга. От нее стали давать по полстакана мутного зеленого хвойного настоя. Пили не все, но находились любители, выпивавшие за троих. Анна Алексеевна замечала тех, кто не пил, а на уроках сидел и зубы свои раскачивал. В столовой она насильно вливала им в рот противцинготный настой.

Ученика 5-го класса Клюева с трудом поднимали по лестнице на третий этаж. Нашей учительнице тоже стали помогать, когда она шла по лестнице. И из других классов учительницы друг друга держали под руки. Голод брал свое.

Я очень ослаб, стал пропускать занятия и наконец оказался в больнице для детей. Болезнь у всех была одна: дистрофия. Не помню, на какой стадии у меня ее признали, но увидел я в больнице таких дистрофиков, что и не снилось. Кожа, натянутая на скелет, а человек живет и еще в игрушки играет.

Из записки матери я узнал, что в нашу школу попала бомба. Это было в феврале 1943 года.

Леон Гроховский,

в годы блокады школьник

В ТЫЛУ

И НА ФРОНТЕ

несколько дней подряд перечитываю отцовские письма с фронта и наши (мои и мамыны) письма, адресованные ему. Читаю отцовский фронтовой дневник и свой — блокадный...

Сегодня, когда я пишу эти строки, прошло ровно 40 лет с того

времени. Может быть, кому-то эти письма и записи покажутся наивными, чересчур прямолинейными и однообразными, но впечатление это неправильное, неверное... Отец предстает передо мной в своих торопливых записях, в этих ежедневных нескольких строчках, живым человеком, которого я мало знал, вернее, не успел узнать, потому что был мал — мне было в то время 10 лет. То, что открывают мне его письма и записи, удивляет меня и вызывает сожаление, что жизнь его оборвалась так рано, что не пришлось нам пожить рядом дольше, лучше узнать друг друга, порадоваться... Он был полон кипучей энергии, настойчивости, жажды совершенствования, самоутверждения. Он не гнушался никакой работой там, на фронте, и был полон искренней веры в нашу победу. А еще в письмах — его любовь к нам, забота, то, как он меня любит...

А мы с мамой пережили блокаду — живы. И Мечниковская больница стоит все на том же месте. Иногда, бывая там, я прохожу мимо окон той нашей блокадной комнаты на первом этаже, где сейчас расположена библиотека. Передо мной вновь оживают незабываемые картины

13 АВГУСТА. Юный партизан Леня Голиков, находясь в засаде, уничтожил автомашину, которая везла гитлеровского генерала. Генерал фашистской армии убит, портфель с ценными бумагами, военными планами доставлен нашему командованию.

Зенитные батареи на Исаакиевской площади.

Урок в школе. Зима 1941/42 года.

той жизни. Жизни, исполненной страданий. но и высокого духа, морального подъема, какого мне, наверное, более не испытать!..

Первое письмо от отца пришло в конце февраля 1942 года.

Добрый день, мои горячо любимые... Спешу сообщить вам, что я жив и здоров и пока что нахожусь в Ленинграде, и даже очень недалеко от вас... Начинаем входить в жизнь военных курсантов. Очень прошу меня навестить в выходной день... от вас из Мечниковской до нас, т. е. до Политехнического института, очень недалеко...

Курсант П. Гроховский.

В том же конверте отдельное письмецо, адресованное мне:

Мой родной сыночек! Прошу тебя, не забывай, что у тебя пропал целый учебный год. Поэтому, прошу тебя, выделяй время каждый день для самоподготовки. Тебе необходимо делать по математике упражнения, больше читай и занимайся по русскому языку. Я тоже, мой родной мальчик, приступаю к учебе и думаю, что закончу успешно и тогда сразу уеду на фронт бить проклятое гитлеровское отродье.

Видимо, долго (около месяца) от него не было никаких вестей. Что с ним? Жив ли мой папа? Ведь ушел он от нас ослабевший от голода, с отечными от дистрофии, распухшими ногами, неуверенно ступая по невшскому льду. И вот это письмо. Дошел-таки, выбрался на другой берег Невы. А дальше? Как удалось ему поговорить, убедить, что он может, сумеет преодолеть в себе это начавшееся в нем умирание? Что найдет силы послужить своей Родине, защитить ее. Где он был все это время? Целый месяц! Как,

каким образом стал курсантом на этих курсах переподготовки офицерского состава?

А вот первое письмо отца с фронта. 9 мая 1942 года. 12 часов 50 минут.

Родные Зоя и Левик, спешу сообщить вам. что сегодня день, который никогда не забыть в жизни. Кончились дни военной учебы, настали дни, когда я как сын своего народа вступаю в ряды действующей армии на одном из участков Лен.Фронта. Сейчас двигаемся в штаб своей армии, а там дальше поедем на передовые позиции фронта. Помни, что я не пожалею сил и, если понадобится, жизни в борьбе против немецких оккупантов... Жди, родная, нас, советских воинов, с победой. Бить будем не щадя, чтобы наша советская земля была освобождена от фашистских бандитов... Крепко целую вас.

Павел Гроховский.

Очень замерзли руки, поэтому плохо пишу.

Вот первая страничка фронтового дневника моего отца.

4.5.42 сдал госэкзамен по окончании учебы стрелково-пулеметной школы Лен. Фронта. 9.5.42 г. приказом военного совета назначен в Невскую оперативную группу, т. е. на один из самых ответственных и опасных участков Лен. Фронта. Зачислен в 86-ю стрелковую дивизию, в 330-й стрелковый полк. В этот батальон попало нас, бывших курсантов, несколько человек.

10.05.42. Самочувствие хорошее, после вчерашнего перехода сегодня удалось немножко передохнуть. Настроение хорошее. Сажу в землянке, кругом сосна, песок — замечательная наша русская земля. На днях немцы порядком получили. Кругом артперестрелка — ни малейшего чувства страха. На днях вступаю в бой и также

1942

14 АВГУСТА. За один день снайперами и разведчиками фронта уничтожено до 400 гитлеровцев.

19 АВГУСТА. Части 55-й армии начали наступление в районе Усть-Тосно. Захвачен плацдарм на восточном берегу реки Тосно.

без малейшего страха буду драться с ненавистным мне врагом.

12.05.42. Ночь и день перестрелка. Все это входит в обыкновенную привычку. Занят целыми днями на сооружении оборонительных укреплений своего подразделения... Одна мечта: скорее бы на передний край обороны, а там и в контрнаступление...

16.05.42. Время так летит, что не хватает суток для полного выполнения намеченных работ. Все внимание сосредоточено на личном составе вверенного мне стрелкового взвода.

22.05.42. Получил приказ следовать к новому месту расположения батальона, к передовой линии фронта. Очень доволен...

А вот и первое наше письмо отцу на фронт. 20 мая 1942 года. Мама пишет:

Родной ты наш! Наконец мы получили два твоих письма сразу, а то я тосковала: где же ты? Ну хорошо, теперь переписываться будем почаще, чтоб не скучать о тебе. 9-го-то мы совсем забыли, что 10-го двенадцатая годовщина нашей свадьбы, я ушла так поспешно, служба заставила, не проводила как следует, ну что ж делать, будем надеяться, что уничтожишь врага, разделимся с ним и ты вернешься с победой домой!.. Но не время сейчас предаваться грусти, время военное, боевое, надо работать, работать и помогать, чем можем, вам...

Целую тебя крепко. Пиши. Зоя. Жду писем.

На обороте листа приписано моей рукой:

Здравствуй, папа, смотри не простудись, когда будешь учить свое подразделение. Бей больше проклятых немцев один и вместе со своим подразделением. Я теперь каждый день соби-

раю крапиву, получаютя кислые щи вкусные. До свидания, жду писем, целую.

Лева, твой сын.

Ниже нарисована винтовка со штыком и сабля и подписано крупными буквами: «Бей немцев и саблей, и винтовкой».

А теперь несколько слов о части, в которую после окончания курсов попал мой отец. Сформированная из добровольцев Дзержинского (главным образом) района Ленинграда, 82-я стрелковая дивизия, в состав которой входил 330-й стрелковый полк, участвовала в наступательной операции в районе Невской Дубровки, целью которой был прорыв блокады Ленинграда, в связи с чем осенью 1941 года она была включена в состав Невской оперативной группы. По приказу командования вечером 19 октября 1941 года 330-й стрелковый полк скрытно форсировал Неву и занял свое место в боевых порядках других частей, находившихся на левом берегу Невы, занятом немецкими войсками, и уже в течение месяца оборонявших узкую полосу берега, получившую название Невского «пяточка». Здесь шли упорные кровопролитные бои. Теперь в начале декабря 1941 года полк, потерявший значительную часть личного состава убитыми и ранеными, был выведен в резерв на пополнение. Однако уже 24 декабря 330-й стрелковый полк вернулся на «пяточек». В январе, феврале и марте 1942 года не было дня, чтобы немцы не предпринимали активных боевых действий в зоне расположения полка. К 11 марта 1942 года на Невском «пяточке» остался только 330-й стрелковый полк, прикрывший отход наших войск с левобережного плацдарма. В период с 24 по 29 апреля, воспользовавшись начавшимся ледоходом Невы, прервавшим связь полка с правым берегом, где

31 АВГУСТА. За самоотверженную работу на огородах ученикам 47-й школы вручено Красное знамя. Все заработанные деньги ребята решили перечислить на строительство танка.

находились остальные части дивизии, гитлеровцы предприняли решительный штурм позиций полка. В боях с превосходящими силами противника основная часть защитников «пяточка» погибла.

Через несколько дней после описываемых событий мой отец, младший лейтенант Павел Гроховский, прибыл на пополнение в 330-й стрелковый полк.

Где пыльный тот блиндаж
и рыхлый тот окоп,
Где мой отец в своей пилотке потной,
Слегка надвинутой, заласканной на лоб,
Жил жизнью некогда пехотной?..
Пусть мне не разглядеть сквозь солнечные блики
Тот свет, рассеянный в пороховом дыму,
Как он дышал и ел, как слушал птичьих крики,
И что они пророчили ему...

О чем он думал здесь, командуя, и бреясь,
И смазывая ствол, заласканный ТТ,
Портянки просушив и теплым спиртом греясь,
На выбритой в бою недавнем высоте?

Быть может, затекла рука от автомата.
И, выскребая грязь из-под ногтей ножом,
Он нехотя жевал горбушки ломоть мятých
И погружался в сон в траве за блиндажом...

Я рядом быть хочу! В искривленном пространстве,
Где пребывает та, прошедшая война,
Пускай предстанет мне в смертельном том убранстве
Тридцать четвертая его весна!..

25.7.42 года.

Здравствуй, дорогой папочка, как ты живешь? Как твоё здоровье? Открытку мы твою получили, которую ты писал в день своего двухмесячного пребывания на фронте. Поздравляем тебя с поступлением в кандидаты нашей дорогой

партии, мама тоже вступила и уже имеет задания от парторганизации. Ты спрашиваешь, почему я не учусь в школе, — потому что в школе проходят старое (т. е. 3-й класс), мне же нужно учиться в четвертом. За лето я обработал свой огород, все посадил и уже кушаю свежие овощи, например, редиску и брюкву. Растет у нас все хорошо, только с прополкой я опоздал, так как только недавно научился полоть, но теперь возьмусь и все выполю до 1 августа... Папа, мы скучаем о тебе и беспокоимся, что ты долго не писал, целый месяц. Раз утром по аллее в больнице я услышал плач и рыдания. В шестом павильоне плакала молодая санитарка. Ей прислали известие, что ее отца 60 лет, мать 53 лет и сестру и брата 18 лет и братишку, моего сверстника, расстреляли и перед расстрелом мучили. Отомсти за всех них. Бей проклятых немцев! Крепко целую. Лева. Жду ответа!

Все лето войска Невской оперативной группы, в которую входил и 330-й стрелковый полк, напряженно готовились к наступательным боям по прорыву блокады. Точное время начала наступательных операций не было известно, и поэтому все эти месяцы (май, июнь, июль и особенно август) были до предела заполнены подготовительной боевой учебой и работой. Именно об этом и рассказывают письма отца, которые он писал нам с фронта. К концу августа напряжение достигает предела, ощутимо близким становится тот момент, когда полк пойдет вновь в наступление.

Назначен заместителем командира 4-й роты... работы еще стало больше, но энергии у меня хватает, несмотря на то, что сна очень мало. Спать будем больше после войны (из письма от 9 июля 1942 года).

1942

1 СЕНТЯБРЯ. Подводная лодка Л-3 под командованием капитана 2 ранга П. Д. Гриценко атаковала большой конвой врага. За один поход ею потоплено 7 транспортов, эскадренный миноносец и подводная лодка.
За парты сели более 14 тысяч школьников.

...Спешу с ответом, по всей вероятности, ты получишь это письмо, но меня уже здесь не будет... Обо мне не думай и не беспокойся. Я призван защищать родину и долг свой выполняю до конца, не дрогну, не отступлю и не позволю отступить своим бойцам без приказа. Я уверен, что тебе за меня краснеть не придется (из письма от 17 августа 1942 года).

В самом конце августа 1942 года началось наступление войск Волховского фронта, прорвавшего оборону противника. Может быть, именно 330-й полк (батальон отца?) участвовал в этой операции, но каких-либо подтверждений мне пока получить не удалось. Только в конце сентября левобережный плацдарм был вновь захвачен нашими войсками. В этих боях принимал участие и 330-й стрелковый полк.

В последних числах сентября или в самом начале октября отец был эвакуирован в госпиталь, находившийся на территории больницы Мечникова.

25 ноября 1942 года после экстренной, но запоздавшей операции отец умер.

25 декабря 1942 года. Здравствуйте, товарищи бойцы и командиры 6-й роты. Примите мой новогодний привет. Я сын вашего командира Павла Гроховского, он умер. В больнице перед смертью он очень скучал по своей части, а особенно по своему другу Сергею Колесову и Косте Вьюшину. Последние слова его были: «Принесите им боеприпасы скорее, вы же видите, что я занят». Он даже перед смертью бредил своей частью. Он умер 25.11.42 г. Говорят, что он сильно мучился. Похоронили мы его с честью, как командира. Когда он был живой, я ему дал

слово, что во 2-ю четверть буду круглым отличником, но не сдержал слова. Но теперь я даю и ему и вам клятву, что в 3-ю и 4-ю) четверти буду отличником. А вы отомстите немцам за его смерть, ему 34 года. Вы же вместе со своей ротой уничтожьте 200 фрицев. Пишите, пожалуйста.

Это мое письмо, написанное ровно через месяц после смерти отца и адресованное командиру роты С. Колесову, в роту не попало и вернулось обратно в больницу Мечникова «за выбитием в/ч», как следует из приклеенной к открытке бумажки со штампом.

Очевидно, 330-й стрелковый полк, выполняя задание командования, перешел на другой участок фронта...

Вот дверь откроется, и выйдет мой отец!
Он там смешно под полубокс подстрижен.
Вот-вот...

О, дверь, откройся наконец!
Я жду его.

Я замер, неподвижен.

Бульжники купаются в траве.
Торчат ромашки около колена,
Мне хочется ходить на голове...
Но... мой отец?

Он выйдет непременно.

Вот-вот.

О, дверь, откройся наконец!
Я жду его.

Я замер, неподвижен...

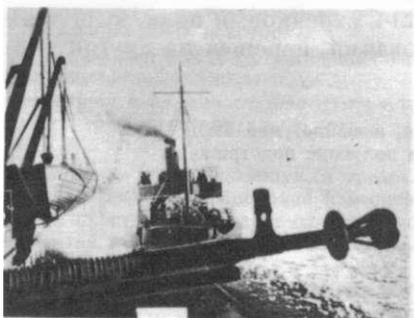
Вот дверь откроется, и выйдет мой отец.
Он все еще под полубокс подстрижен...

Мы за руки возьмемся и пойдем.
Нам весело шагать по переулку!
Вот хлопнет дверь.

И улыбнется дом.

И мы продолжим давнюю прогулку...

6 СЕНТЯБРЯ. Состоялся воскресник, посвященный Международному юношескому дню. 15 тысяч юношей и девушек чистили дымоходы, складывали печи, отопляли водопроводные и канализационные стоянки, вставляли стекла (а чаще — фанеру) в оконные рамы.

В тыл.

Ладога ранней весной.

Продукты ленинградцам.

На очистке города. Март 1942 года

Огороды в садах и парках Ленинграда. Июнь 1942 года.

Алесь Адамович,
в годы войны
юный партизан Белоруссии
Даниил Гранин,
капитан,
командир танковой роты
Ленинградский фронт

БРАТЯ МЕНЬШИЕ

(ИЗ «БЛОКАДНОЙ
КНИГИ»)

удьба животных блокадного Ленинграда — это тоже часть трагедии города. Человеческая трагедия. А иначе не объяснишь, почему не один и не два, а едва ли не каждый десятый блокадник помнит, рассказывает о гибели от бомбы слона

в зоопарке. Многие, очень многие помнят блокадный Ленинград через вот это состояние: особенно неуютно, жутко человеку и он ближе к гибели, исчезновению от того, что исчезли коты, собаки, даже птицы!..

Ф. А. Прусова вписала в свой дневник услышанное по радио из стихотворения Веры Инбер — то, что она сама видит, переживает: «Ни лая, ни мяуканья, ни писка пичужки».

А вот у Г. А. Князева:

Я все записываю, что попадает в мой кругозор. Но вот давно уже в мой кругозор не попадает ни одной собаки, ни одной кошки, ни одного голубя... Даже воробьев не вижу, хотя для них пища на улицах имеется. Первых съели. Воробьи, должно быть, померзли от сильных морозов. Правда, одну живую собаку я знаю, это у Лосевой. Она держит ее в комнате, никуда не выводит. Потерявши мужа, она привязалась к своему псу, как к другу.

Нам передали рукопись Ирины Корженевской, и, хотя автор рукописи — вполне сложившийся писатель и то, что мы процитируем, уже вполне литература (а в нашей книге это скорее недостаток, чем достоинство), мы в виде исключения приведем несколько отрывков:

...Хлебный магазин, где я получала паек, находился на углу напротив. Там, как и везде, окна заложены мешками, и продажа идет при свете копилки. Недавно я заметила, что у входа в магазин сидит овчарка. Шкура и скелет. Она сидит и смотрит на входящих и выходящих, и глаза у нее горят и просят. Но кто может с ней поделиться? Все проходят, не глядя, а она все сидит и сидит. Смотрит на каждого, и на меня в том числе. Однажды я видела, как она шла к своему посту. Она шла на трех лапах. Передняя левая болит. Может быть, вывихнула? Где же ее хозяева? Умерли или выпустили ее, чтобы сама кормилась?

Собачка деликатна. Просит без унижения. Взгляд ее говорит: «Я умираю от голода. Может быть, вы дадите хоть крошку?»

Я приласкала эту собаку и приподняла губу, чтобы взглянуть на зубы. Совсем молодая овчарка. И я поднялась к себе на четвертый этаж. Отпираю дверь, и — глядь — овчарка пришла за мной. Как раз я накануне нашла зеленый хлеб. Придется с ней поделиться. Я дала ей окаменелый кусок, и собака жадно его грызла. Потом я обмыла бутылку и напоила ее теплой водой. Собака ничего не просила, была благодарна, свернулась калачиком и уснула. А ведь не может быть, чтобы она не понимала, что людям сейчас очень трудно...

Сколько времени жила у меня та собака,

¹ Хлеб, покрытый плесенью.

1942

23 СЕНТЯБРЯ. Вступила в строй линия электропередачи Волховская ГЭС — Ленинград, проложенная по дну Ладожского озера.

22 ОКТЯБРЯ. Разгромлен десант противника, пытавшийся перерезать ладожскую коммуникацию и захватить остров Сухо.

я не могу вспомнить. Помню только, что я уходила, а она оставалась. Она не виляла, когда я возвращалась. Может быть, ей было трудно вилять, а может быть, овчарки вообще не виляют. Я была рада, что у меня дома есть кто-то живой и он ждет меня. Иногда я разговаривала с ней, но большей частью мы молча смотрели друг на друга. Я назвала эту собаку Проспером. Проспер значит «Благополучный». Глядя на лихо-радочно горящие глаза Проспера, я думала, что может прийти момент, когда кто-то из нас обезумеет от голода и бросится на своего лучшего друга, чтобы съесть его. Но, пока я в здравом уме, я не могу убить существо, попросившее у меня приюта. Собака же настолько слаба, что, пожалуй, не в состоянии броситься на меня. Кроме того, овчарки благодарны и помнят и обиду, и ласку. Я начала ощущать, как слабею. Я плохо спала, видела съестное во сне. Поминутно просыпалась и слушала, как тикает в репродукторе.

Выключить радио было нельзя — оно предупреждало о налетах. Но ночные налеты случались редко, а днем и вечером немец бомбил всегда в одно и то же время.

Зеленый хлеб кончился, и я возобновила разведку в квартире. Нужно было найти и топливо. Табуретки были уже сожжены, сожжен и мой кухонный столик. Теперь я обратила взоры на большущий кухонный стол ветеринара. Его хватит надолго, но разрубить мне так будет трудно, а прежде всего нужно освободить его.

Я выдвинула верхний ящик. Там лежали кухонные ножи, деревянные ложки, каталка для теста... Засунув руку подалее, я нащупала что-то необычное... Это оказался чистый белый узелок, величиной с кулак... В нем было что-то сыпучее... Может быть, горох? Я развязала узелок и увидела кукурузные зерна. Вот сюрприз! Но откуда в Ленинграде кукуруза? До войны как-то продавали кукурузную крупу, похожую на манную. Из нее можно было варить «мамалыгу»... Но цельных зерен кукурузы в Ленинграде, пожалуй, не сыщешь... И зачем они здесь, где не должно быть съестного, да еще засунуты в самый дальний угол и завязаны наподобие

синьки?.. А ведь если их сварить, они разбухнут вдвое, и я смогу протянуть еще два-три дня.

...Я съела несколько зерен и дала горсточку Просперу, а утром я разделила кукурузу на две части. Одну отдала Просперу, а другую положила в кулак и после лекций отнесла тебе Оле.

...Проспер не выдержал. Зеленый хлеб кончился. Кукурузу он съел... И вот дня через два после этого, когда я уходила в институт, он встал и вышел вместе со мной.

— Я не стану тебя удерживать, — сказала я ему. — Но право же, у меня тебе все-таки лучше... Я наверняка не убью тебя, и в моей комнате немного теплей, чем на улице... Мне будет без тебя грустно...

Все-таки он ушел.

Я видела, как, пошатываясь, он поплелся к помойке. Наивный пес!

Внизу, под нами, в квартире покойного президента, упорно борются за жизнь четыре женщины — три его дочери и внучка, — фиксирует Г. А. Князев. — До сих пор жив и их кот, которого они вытаскивали спасать в каждую тревогу.

На днях к ним зашел знакомый студент. Увидел кота и умолял отдать его ему. Пристал прямо: «Отдайте, отдайте». Еле-еле от него отвязались. И глаза у него загорелись. Бедные женщины даже испугались. Теперь обеспокоены тем, что он проберется к ним и украдет их кота.

О любящее женское сердце! Лишила судьба естественного материнства студентку Нехорошеву, и она носитя, как с ребенком, с котом, Лосева носитя со своей собакой. Вот два экземпляра этих пород на моем радиусе. Все остальные давно съедены!

Вот так же «носила» с живым существом и еще одна женщина, Маргарита Федоровна Неверова, а потом произошла трагедия. Да, трагедия, если и спустя три с лишним десятилетия воспоминание об этом мучит, саднит душу.

...Я вышла из дома. Пошли мы с моей собачонкой, вот такой маленькой, за хлебом. Вышли. Лежит старичок. Вот у него уже так молитвенно три пальца сложены, и он так, замерзший, лежал в валенках.

Когда мы пришли в булочную, хлеба не было, моя собачоночка вдруг меня носом тык-тык-тык в валенок. Я наклонилась.

— Ты что?

Оказывается, она нашла кусочек хлеба. Мне отдает его. Причем, я, знаете, как ворон, вскочила, хлеб зажала.

А она на меня смотрит: «Дашь ты мне или не дашь?» Я говорю:

— Дам, миленький, дам!

А я из этого хлеба такую похлебку наварила, что вы даже не представляете, как мы с ней угощались!

А обратно мы шли — этот старичок уже лежал без валенок. Ну, оно конечно, ему на том свете валенки ни к чему, — я понимаю...

Перед войной было очень много птиц в комнате там всяких...

— Канареек?

— Нет, канареек не было, только лесные были. В общем, у нас было восемнадцать аквариумов шестиведерных с рыбами разными экзотическими (это было хобби мужа), а я двадцать четыре птицы завела, сто восемьдесят горшков с цветами у нас было...

— А сколько у вас комнат было?

— У мужа — три, а у нас — одна была. У нас было шесть собак. Потом, правда, пять роздали, потому что такие собаки были породи-

1942

7 НОЯБРЯ. В Театре музыкальной комедии — премьера! Впервые показана музыкальная комедия «Раскинулось море широко». Пьесу написали В. Вишневский, А. Крон и В. Азаров, музыку — Н. Минх, Л. Курц и В. Витлин.

стые. Оставили вот только нашего маленького фокстерьерчика Зорю, Потом ее наш сосед сожрал,

— Украл у да?

— Нет, хуже, чем украл, за горло меня схватил и... Вот когда дом начали ломать, надо было вещи мне куда-то переносить, ая— сами понимаете — не могу. Вот только единственно на детских саночках возила книги сюда. Так вот за то, что он помог мне перевезти крупные вещи, он взял буфет, оттоманку, шкафы... Я уже сейчас даже не помню, что... и на закуску — собаку, чтобы я ему скормила. Л собака-то была маленькая, там и есть-то нечего было. Она была настолько голодная, что у нее вообще ничего не было. Ну вот, вы понимаете, это собака, которая с колен у меня не уходила, а особенно в блокаду: все-таки какое-то тепло от меня исходило...

— И все-таки отдали вы собачку?

— Вот я долго сопротивлялась, потом говорю ей: «Зорик, ну все равно, ну пойдём». И так загадала... (А он уже и оттоманку перевез к себе, все перевез...) Я ему говорю: «Сеня, ну возьми еще что-нибудь... возьми икону. Только не бери собаку. Пусть она умрет смертью. Все равно уж она... Есть ведь ей нечего».

И вот характерный случай. Пришли... Я загадала... Если она встанет и пойдет, — я ее заберу. Черт с ним, пусть у него вещи останутся, пусть все там валится... (И я бы не держалась за вещи, если бы я знала, что муж не вернется. Господи, сколько мне надо!.. Я к вещам до сих пор равнодушна.)

Л вот, представьте себе, она пришла, села. Я встала, пошла к дверям, — она даже не повернула головы. Я дошла до порога... Она отвернулась от меня (вот так) и не шевельнулась! Я вы-

шла за двери — ну вот на один марш я спустилась — и сразу вернулась. Говорю: «Сеня, отдай собаку! Бери, что хочешь, или... не надо... пусть, не помогай мне ничего...» — «А я, — говорит, — ее уже убил...»

Вот вы знаете, вот это первый раз за войну я редела. Я не плакала... Я мужа провожала, а не плакала. Я как-то окаменела... А тут я...

А что, если потому отвернулась собачка, что поняла: предала ее хозяйка?

А может, просто жертвовала собой — ради хозяйки, раз ей это нужно?..

Сколько лет прошло, а мучит это Маргариту Федоровну — по натуре женщину жизнелюбивую и ко многому относящуюся иронично.

У нас записан рассказ работника Эрмитажа Ольги Эрнестовны Михайловой — о том, как девушка отравилась, увидев, как ее мать потрошила домашнего любимца — кота. Вот что для человека оставалось мерой нравственного и безнравственного в условиях, когда, казалось, мера эта могла резко снизиться. И снижалась — для других людей. Романтик и в то же время трезвый историк Г. А. Князев записывает:

...Даже в лоне семьи некоторые не доверяют друг другу и держат, например, хлеб при себе в запортом портфеле. Подглядывают друг за другом. Грызутся, как голодные собаки, из-за куска.

Как скоро может скатиться человек с вершин культуры до своего первобытного звериного состояния!

Если это правда, то и другое тоже правда: в тех же условиях другие люди сумели сохранить себя, не допустить себя до «звериного состояния». По-разному преодолевали условия,

13 НОЯБРЯ. Из боевого похода вернулась подводная лодка Щ-303 под командованием капитан-лейтенанта И. В. Травкина. Ею потоплено 5 транспортов и сторожевой корабль противника.

4 ДЕКАБРЯ. В 7 районах открылись детские столовые усиленного питания.

самих себя. Некоторые потом все-таки не выдерживали. Но и не выдерживали тоже по-разному...

...Поэтому я глубоко убеждена, — говорит О. Э. Михайлова, — что кто был приличный, кто был порядочный, тот и остался порядочным. Кто был непорядочный, в том, безусловно, все черты человеческие, отрицательные, они, наверно, развивались. Это точно.

Тут очень много, что можно сказать, и разные чувства обуревают тебя, когда ты вспоминаешь. Обуревают и чувства тяжелые, и чувства радостные, потому что в это тяжелое время все-таки встречались с такими удивительными людьми. Как я сказала, в то время люди были как бы голенькими, их сразу можно было почувствовать, увидеть. Все раскрывалось. И вот это было счастье общаться с прекрасными людьми.

И вот еще такой случай с моей подругой детства, которая жила в нашем доме. Она покончила жизнь самоубийством.

— Не выдержала?

— Она сама пошла в Публичную библиотеку, прочла там какие-то книжки, составила яд. Не буду называть ее фамилию. Она дочь когда-то известного ученого (он умер до войны). Почему она это сделала? Потому что осталась с матерью. А у них был кот большой. И мать съела кота собственного, которого они обожали, любили его, до войны все было для него. Вы знаете, как иногда животные становятся такими маленькими божками в семье!

Когда она увидела, что ее мать съела кота, она подумала, что уже все кончено, в жизни все кончено, что принципы, которые раньше были, какие-то нормы у них в семье, они рухнули, и даже сама любимая мать это сделала, самый

близкий ей человек. Вот такие вещи были. Она тоже была доведена до дистрофии, но вот силы, моральные устои у нее все же оказались сильнее, чем у матери.

Очевидно, она понимала, что это уже деградация внутренняя идет, идет все дальше, дальше и дальше. В общем, для нее была трагедия увидеть мать в этом свете.

— А мать знала, почему она покончила с собой?

— Я не знаю, но думаю, что мать, несмотря на то что она оплакивала свою дочку, до конца этого не понимала. У некоторых людей совершался маразм на почве дистрофии, если у них были какие-то предпосылки, как я говорю, в худшую сторону от природы. Вот тут эта дистрофия и на почве дистрофии другое, будем его условно называть — маразмом. Я думаю, что мать не понимала. Ее вот дочь точно понимала. Я с ней виделась уже после того, как мать съела кота. Она мне это рассказывала с ужасом: «Ты понимаешь! Мать съела кота. Максима съела! Содрала кожу и съела, и все собственными руками. И предлагала мне!!!»

И по тому, как она мне это рассказывала, для меня было ясно, что это тупик был.

По-разному люди видели, ощущали надвигающийся тупик. И по-разному вели себя: не в силах были удержаться и приближались к нему или же спасались от него — тоже по-разному.

Да, та девушка не выдержала. Но по-человечески не выдержала, а не по-животному.

Князев ее, пожалуй, понял бы. Хотя у него запас прочности большой. Больше аргументов в пользу борьбы до последней возможности, больше веры в себя, в человека.

1942

22 ДЕКАБРЯ. Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За оборону Ленинграда».

23 ДЕКАБРЯ. По Ладоге прошли первые автомашины новой зимней дороги.

Не только спасали животных, но и спасались сами через животных, детям детство их возвращали. Ведь Ленинград-то был после сорок второго года лишен какой-либо живности. Ни кошек не было, ни собак, ни птиц — ничего. Сохранился только один уголок в городе, не чудом сохранился, а любовью нескольких человек. Об этом удивительные вещи рассказала нам Мария Мечиславовна Брудинская.

— Мне надо было прежде всего подготовить животных, животные не подготовлены совершенно. Надо было как бы дрессировать, чтобы они производили какое-то впечатление. Прежде всего нужно было текст какой-то выработать, чтобы рассказывать ребятам. Клетки сама я делала для животных, чтобы можно было ехать.

Была у нас маленькая полупони, такая лошадка маленькая — Мальчик. И Тимошка — не сторож, а конюх, но хороший по душе человек, который соглашался с нами ездить. Ведь все надо было грузить. И вот мы стали возить этих животных. (То, что вы видели на рисунках, на фотографиях, — это роскошь, это уже в самом конце, когда у нас была машина.)

Вот мы устанавливали эти клетки, привязывали их. И там мы втроем — Тимоша, я и вот Тамара Семеновна — ехали в те точки (как я называла), куда я получила договора. Вот приезжали.

Нас встречали очень хорошо. Но не думайте, что мы ждали какой-то побрякушки в смысле еды. Нет, там все было учтено, так что ничего не обламывалось, грубо говоря, нам.

— Это сорок третий год?

— Да, в сорок третьем году. Выбирали большую комнату, расставляли этих животных. Дети шумели, потому что для них это было...

— Они не видели ни собак, ни кошек?

— Да, да, да. Глаза озорные. Они сидели, смотрели. Ну, я маленькую такую вступительную лекцию читала им, а потом, значит, показывали: собачки танцуют, лисичку можно потрогать (она не кусалась). Чем ее кормить — они не знали, суют ей конфетку-крошечку, которую им дали.

Ну, вот у нас эта обезьянка Инка, — она была довольно свирепая, так что к ней вообще трудно было подступиться.

Ну, вот потом, когда все это представление кончалось, мы опять все укладывали. И вот один раз мы ехали по Невскому и в страшный обстрел попали. И вы знаете? Не о себе тут думаешь, а как спасти животных. Мы проскочили во двор (по-моему, здания Публичной библиотеки). Мы встали под арку. Я как раз наклонилась к этой клетке, где сидела обезьяна Инка, а она, злодейка, вместо благодарности, почувствовав, что что-то темно, что-то необычно (они ведь очень реагируют на все это), и она начала меня щипать и драть халат, который на мне был. Ну, уж тут приходится терпеть!

Все-таки выбрались и уехали. Это кончилось благополучно. А раз мы вдвоем ехали к Рукавишниковой (так ее фамилия). И только мы поднялись — вот памятник Суворову, а это, значит, Троицкий мост¹ — и о чем-то разговаривали, и вдруг какой-то шум — мчалась пожарная машина и не заметила эту несчастную тележку, а там у нас утки были, там у нас были курицы, цыплята какие-то — трах!

И мы оказались все на земле. Она сломала у нас оглоблю.

— А вы на пони ехали?

— Да. Ехали одни. Я левой рукой всегда правлю. Мальчик испугался, потянул меня вперед. Я только ушиблась, но не растерялась, взяла его, он дрожал. Настолько был сильный удар, что у него слетела даже подкова с задней ноги. Привязали его к первой попавшейся скобе и начали собирать. И можете себе представить: вот эта самая тележка, и эти кудахчут, шум. Народа мало, бежит кто-то, но он же не может нам помочь. А ведь это же как собственность, это как ценность, за нее ты отвечаешь.

Вот я собрала все в кучу (Рукавишникова мне кое-как помогла). Надо было оттащить от дороги куда-то в сторону. Я оттуда, с Троицкого этого моста, тащилась с этим Мальчиком в зоосад, чтобы дать знать, что мы вот хоть и потре-

¹ Ныне Кировский мост.

пались, но целы. И оттуда уже за нами приехала телега большая, которая подвозила корм для животных.

И все это хозяйство забрали.

— Скажите, а дети младшего возраста животных не знали?

— Не знали. Откуда они могли знать? Там же малыши. И школьники почти не знали, уже забыли. Собак ведь не было совсем — их съели, — ни голубей, ни собак, ничего живого.

— Скажите, а вот как зоопарк уцелел, выжил в сорок первом, сорок втором году?

— Запасы были. Ведь у нас же там Удельнинский парк. Косили сено. Слон в сорок первом погиб. Бомбежка была, и его ранило. Очень потом жалели и ругали (это уже когда я поступила туда), ругали, что не сохранили мяса — могли его засолить или еще как, а его закопали, и так колоссальное количество мяса пропало. А вообще, несмотря на голод, несмотря на обстрелы, в зоологическом саду животные не погибли. Нет, нет. Вот заболел и умер тигренок. Большинство животных отсюда было вывезено, не помню точно, кажется, в Саратов. А часть осталась. Не могли вывезти слона и не могли вывезти огромную бегемотиху Красилицу.

— Она выжила?

— Выжила. Она умерла собственной смертью уже мафусаиловых лет.

— Не покушались потом на ее мясо?

— Нет. Бывало, по-моему, не на мясо, а на корм для нее покушались.

— Но она же травоядная?

— Но тогда и трава шла. Вы знаете, что я вам хочу сказать: она больше всех нам доставляла мучений. Она ведь не может жить без воды — у нее трещины на коже делают. Там, сзади зоопарка, есть такой канал, и нам приходилось просто на саночках возить воду без конца. Это был тяжелый для нас наряд, прямо, знаете, по очереди нас заставляли это делать. И вот,

несколько раз в день, ее обливали, смазывали (если не съедали) всякими животными жирами.

А так, понимаете, этот зоопарк был на балансе на продовольственном в городском Совете, так что обезьянам выделили витамины (как там доставали — я просто не знаю).

Ну что еще я вам скажу? Потом мы организовали катание детей на пони. Там оставались два пони. Сбруи не было — кое-какая, рваная. И я сама шорником была: шила седельники всевозможные, хомут обтягивала, все это делала.

Тележка наряжена была. И вот Тимоша, наш знаменитый Тимоша — мы его все страшно любили... Тимоша — это старичок, который нам помогал.

И вот он возил этих ребяташек, и, конечно, это страшная радость.

Тяжелое впечатление, конечно, производили посещения раненых в лазаретах. Это ужасно прямо было. Ведь они, понимаете, прикованы иногда к кровати, и все-таки улыбались. А эта улыбка так дорога была! Не нужно было ничего, лишь бы только он улыбнулся.

— На вашу обезьянку?

— Конечно, уже старались, выворачивались, чтобы как-нибудь идти к ним на встречу.

Много детей стекалось к нам. Знаете, что принимали мы только тех, которые хорошо учились, чем-либо отличались, помогали старшим или что-нибудь еще. И они охотно шли. очень охотно. А работа тоже была такая, что они должны были убирать зоосад, помогать в кормежке, а главным образом наблюдать данное животное, записывать. Мы выезжали с ними в Удельнинский парк, наблюдали перелет птиц или животных мелких этих.

Вы знаете, холодища эта, щели, промерзший потолок, иней. И ребята — юннаты — и мы все-таки что-то такое делаем. Не думаем о каком-то хлебе, а о хлебе духовном...

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

19 января 1943 года

На днях наши войска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против немецко-фашистских войск, блокировавших город Ленинград.

Наши войска имели задачей разрушить оборону противника и этим прорвать блокаду города Ленинграда.

Следует при этом иметь в виду то обстоятельство, что за многие месяцы блокады Ленинграда немцы превратили свои позиции на подступах к городу в мощный укрепленный район, с разветвленной системой долговременных бетонированных и других сооружений, с большим количеством противотанковых и противопехотных препятствий.

Наступление наших войск проходило с двух сторон: с западного берега реки Нева, юго-западнее Шлиссельбурга и с востока из района южнее Ладожского озера.

Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Нева, наши войска в течение 7 дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли: город Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липка, рабочие поселки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная.

Таким образом после 7-дневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда.

В ходе наступления наших войск разгромлены 227-я, 96-я, 170-я, 61-я пехотные дивизии немцев, 374-й пехотный полк 207-й пехотной дивизии, 85-й пехотный полк 5-й горно-стрелковой дивизии, 223-й мотоотряд и частично 1-я пехотная дивизия.

По неполным данным, нашими войсками взяты в плен 1261 солдат и офицеров.

За время боев разрушено нашей артиллерией и минометами укрепленных узлов и блиндажей — 470, прочно оборудованных наблюдательных пунктов — 25 и уничтожено и подавлено 172 артиллерийские и минометные батареи противника.

Взяты следующие трофеи: орудий — 222, минометов — 178, пулеметов — 512, винтовок — 5020, шестиствольных минометов — 4, танков — 26, бронемашин — 9, ручных гранат — 17 300, раций — 72, патронов — 2 миллиона 200 тысяч, снарядов — 22 тысячи, мин — 36 тысяч, автомашин — 150, лошадей — 1050, повозок — 880, разных складов — 40.

На поле боя оставлено более 13 тысяч трупов немецких солдат и офицеров.

Прорыв оборонительной линии противника осуществлен частью сил Ленинградского фронта под командованием генерал-полковника Говорова Л. А. и частью сил Волховского фронта под командованием генерала армии Мерецкова К. Е.

Координацию действий обоих фронтов осуществляли представители ставки Верховного Главнокомандования маршалы Советского Союза товарищи Жуков Г. К. и Ворошилов К. Е.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта товарища Романовского В. З. и генерал-майора товарища Духанова М. П.

1943

6 ЯНВАРЯ. На стадионе «Динамо» проведен военно-спортивный праздник. 3 тысячи школьников соревновались в ходьбе на лыжах, переползании по-пластунски, преодолении барьеров, перевозке пулеметов, транспортировке раненых. Первое место заняла команда Смольнинского района.

Александр Прокофьев

ПЕХОТА

Сметая все, штурмуя доты,
Где глушь непроходимая,
Идет советская пехота,
Идет непобедимая.

И там, где пули землю роют,
И там, где в молниях гора, —
Везде летит, гремит родное
И перекатное — «Ура!».

И смерть врагам! Им гнить в болотах,
Ведь за страну родимую
Идет советская пехота,
Идет непобедимая.

Когда-нибудь, должно быть скоро,
Настанет миг, народ вздохнет,
Настанет день такой, с которым
На всей земле гроза замрет.

Тогда с желанною охотой
К труду, навек любимому,
Пройдет советская пехота,
Пройдет непобедимая.

Во все дома войдет победа,
Ко всем сердцам она прильнет,
И вот на час какой к соседу
Бывалый воин завернет.

И, выпив стопку для затравки,
Как стограммовку, без манер
На стул присядет иль на лавку
Орденосный кавалер.

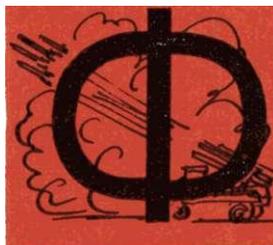
И так, нисколько не в обиду
Юнцам, что в избу собрались,
Он скажет:

«Мы видали виды,
Мы под Синявином дрались!»

1943 год

Михаил Дудин

ЧЕРЕЗ НЕВУ НА БЕРЛИН

ашистам так и не удалось переправиться на правый берег. Нева оставалась нашей от Ладоги до Балтики, от Орешка до Кронштадта.

Мы едем по поселку Марьино, где наш полк 30 лет назад форсировал Неву и на шестой день боев в районе 5-го поселка соединился с бойцами Волховского фронта. Мы — это Иван Павлович Павлов — пскович, командир пулеметного взвода во время прорыва блокады, сибиряк Василий Иванович Буштаренко — командир транспортной роты нашего полка и я — бывший разведчик полковой батареи и журналист фронтовой газеты. И шофер Юра, который занят своим делом и развязывать язык не намерен, он только дакает или некает и кивает головой, если кто-нибудь из нас обращается к нему.

Мы минуем проспект села Рыбацкого, и перед Усть-Ижорой нам открывается Ново-Саратовская колония на правом берегу Невы. Знакомое место. После эвакуации Гангута наша 8-я особая бригада стояла тут. И мы отыскиваем и узнаем дома, в которых тогда квартировали.

Воздушная тревога продолжалась более 4 часов. На город упали 2 фугаски и 66 зажигательных бомб. Одна из фугасок угодила в Дворцовый мост.

— Вон в том доме, правее белого Дома культуры, размещался наш взвод. И немец-колонист со своей семьей (его эвакуировать, видимо, не успели) тоже жил в этом доме, — говорит Ваня Павлов. — И мы даже подкармливали его ребятшек малость, хотя и сами-то получали всего сто пятьдесят граммов хлеба на сутки.

— Вот отсюда наша дивизия и двинулась на исходный рубеж во время прорыва блокады. Правда, тогда снегу было много и мороз дай бог был! Не то что нынешняя зима, — вспоминает Вуштаренко.

А машина выворачивает направо, и Нева внизу блестит стальным блеском, и январское солнце золотит голые ветки придорожных ветел.

Мы, не сговариваясь, поворачиваем головы налево и смотрим на жуткие оплавленные развалины. Мы знаем, что тут был командный пункт нашей дивизии и нашего полка. И мы отсюда начали наше первое наступление на Ленинградском фронте. Мы хотели вырваться тогда к железной дороге и застряли в болоте. Это был наш первый бой осенью сорок второго.

За Ивановскими порогами, перед Невской Дубровкой, начинают появляться признаки запоздалой зимы — белый налет изморози на пожелтой траве и прочный лед на окраинах, который уже осваивают мастера подледного лова.

Мы заворачиваем на Невскую Дубровку, вылезаем из машины и бредем около воды по голому берегу мимо догнивающих в высоком откосе накатов, мимо еще не успевшей истлеть колючей проволоки, перешагивая через минные ящики и коробки противоголов. Сколько здесь костей, в этой до сих пор искореженной и обезображенной земле! Здесь погибали самые храбрые, на этом проклятом клочке земли длиной в два с половиной километра и шириной в шестьсот метров. Здесь земля так насыщена

металлом, осколками, что на ней и расти ничто не хочет.

Здесь останавливаются автобусы с туристами, и, наверное, экскурсоводы рассказывают приезжим о том, какой ценой удалось удержать эту омытую кровью героев священную землю.

Мы, как мальчишки, выковыриваем из напльва речного песка рваные осколки железа и кладем их в карманы, словно это так нам необходимо. Потом мы едем дальше. Машина минует невысокий соснячок. И в соснячке видны серебряные заборчики, кресты, колонки с подкрашенными красными звездами. Могилы...

— Густонаселенная земля, — говорит кто-то из нас.

— Пойдите! — вскрикивает Буштаренко. — Мы же приехали.

И машина, свернув на обочину, разворачивается и съезжает у соснячка на проселок. Мы выходим на берег и смотрим на Неву, покрытую чистым торосистым льдом, поблескивающим на солнце, смотрим на правобережный голый лесок, оглядываемся вокруг и, перескакивая через заплывшие траншеи, спускаемся мимо старого командного пункта, превращенного сообразительным хозяином новой деревни, выросшей на воронках, в погреб, по крутому откосу к берегу, который оседлал наш полк 30 лет назад.

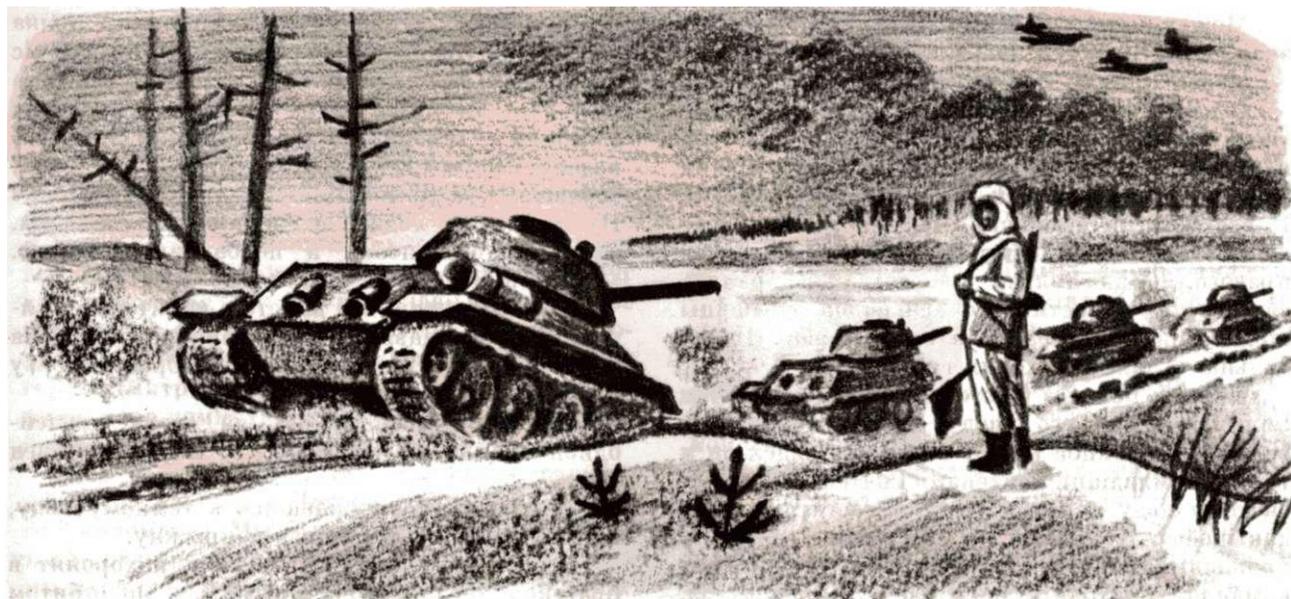
«Через Неву и на Берлин! Вот наша задача!» Кто первым сказал это тогда? Комиссар дивизии Иван Ерофеевич Говгаленко или командир нашего полка Александр Иванович Шерстнев, парикмахер-пулеметчик Дима Вайсман или повар и разведчик Федя Бархатов? Я уже не помню. Я знаю, и наверняка, только одно: этим жила вся наша дивизия, потому что другого пути у нас не было и быть не могло.

— Мы с утра до вечера пропадали на Не-

1943

12 ЯНВАРЯ. Началась операция по прорыву блокады Ленинграда.

В 9 часов 30 минут более 4,5 тысячи орудий и минометов двух фронтов и Краснознаменной Балтики открыли огонь по врагу. 2 часа 20 минут бушевал огненный смерч. В 11 часов 50 минут на невольский лед вышли цепи дивизий первого эшелона. Знамя Киров-

ве, — вспоминает Ваня Павлов. — Там, под Ново-Саратовской колонией, мы сотни раз при полной выкладке перебирались по торосистому льду на правый берег и выскакивали на крутой обрыв. Мы научились, не останавливаясь, перебегать Неву за девять минут. А она там чуть пошире, нежели у Марьина.

Мы идем по мерзлому берегу, три очень пожилых человека. Идем, подняв воротники, потому что с Ладоги дует в лицо настоящий зимний ветер. Мы идем, и каждый вспоминает про себя то утро. Стальную окалину зимней зари над редкими посеченными деревьями. И тишину. Сосредоточенную тишину перед боем.

Через Неву и на Берлин!

Казалось, от первого выстрела осел снег, и

на противоположном берегу взметнулся бурей столб земли. И следом за ним, нарастая с каждой минутой, входил в силу артиллерийский шквал. Постепенно деловито включались в работу все калибры артиллерии. И когда после 2-часовой подготовки вал грохочущего огня стал откатываться в глубину левобережья, вот тогда на разрытый, обожженный берег, на разнесенный в щепки лес и двинулась наша пехота. Она пошла, разгоряченная и оглохшая от грохота, по скользкому льду, и в первых цепях, как всегда, саперы. Срывающимся голосом, стараясь перекричать грохот, капитан Салтан, бежавший впереди солдат, орал во всю глотку:

— Вперед! Там, на немецкой проволоке, каждому орден висит!

ского завода нес к левому берегу реки красноармеец Семенов. Ледяное поле Невы было преодолено за 6—8 минут. Взломав передний край обороны противника, ленинградцы к исходу дня продвинулись на 3—4 километра. Навстречу им шли воины Волховского фронта.

Может быть, его и не слышали, но каждый знал, куда и зачем ведет и зовет его комбат. Через Неву и на Берлин!

В каких-нибудь метрах десяти — пятнадцати от берега пуля пробила ему щеку и вылетела в раскрытый рот. Кровь хлынула на воротник и на белый полушубок. Трудно стало дышать. И все-таки он выскочил, вскарабкался вместе со всеми на левый берег. А здесь он куда круче правого. (Как только мы тогда забирались сюда — уму непостижимо!) Он видел, что бойцы пошли вперед через поле и перелесок. И все дальше и дальше уходил грохот боя.

Прошло полчаса (этого уже не видел капитан Салтан), и по его следу другие командиры вели своих бойцов на тот берег. Не видел он и того, как младший лейтенант Гнатенко по торосистому льду помогал расчету тащить пушку, как шофер Козак вел на ту сторону грузовик, прокладывая первую трассу, как саперы под командой Анатолия Репни расчищали подъезд, как разведчик Федор Бархатов с Борисом Яковлевым уже пробовали немецкие автоматы: хорошо ли они очищают блиндажи от немцев?

Дима Науменко уже шел навстречу наступающим, сопровождая первую группу пленных через Неву в тыл, а батальон Салтана овладел продовольственными складами немецкой дивизии, и батареицы, захватив немецкую конюшню, впрягали коней в постромки орудийных лафетов, и батарея старшего лейтенанта Козлова выскочила на крутой взгорок, развернулась и открыла огонь. А Харис Усманов, связной командира батареи Козлова, ругал себя по-русски за то, что не заметил, как выглянувший из блиндажа немец дал по командиру очередь и ранил его. Но Харис догнал немца...

Шел бой. И видимо, от горячего дыхания боя день потеплел. Солнце скрылось в дыму и тумане,

и пошел легкий снег. И командир полка Александр Иванович Шерстнев переправился с командным пунктом на левый берег, а вслед за ним наш любимый батько Николай Павлович Симоняк — генерал Наступление, как потом его назовут немцы, — тоже перебрался на левобережье. Его помощник Савелий Михайлович Путилов уже ходил по цепям наступающих, оценивая обстановку и подбадривая бойцов.

Через Неву и на Берлин!

Прошли сутки, и я вместе с капитаном Салтаном, возвращавшимся из санчасти, шел на левый берег, а рядом с нами по бревенчатому настилу переправлялись танки.

Мы шли, оглядываясь на своих друзей-однополчан, уже вмерзших в шершавый лед Невы.

Они лежали, прижавшись к темному льду, как будто приготовившись к прыжку.

Их подберут только завтра и похоронят в братской могиле около медсанбата на отбитом левом берегу, там, где сейчас растет невысокий соснячок, откуда начинается новая деревня Марьино, построенная на воронках и траншеях.

Они никогда не узнают, как наша дивизия вышла к Петровскому каналу и соединилась с моряками и лыжниками особой бригады Якова Потехина, лихого командира, бывшего журналиста.

Они никогда не узнают о том, как в сумерках январского дня наши бойцы встретятся с волховчанами, как потом разлетится вдребезги кольцо блокады и над Ленинградом вспыхнет павлиний хвост первого салюта. Они не увидят его. Но они, умирая на невском льду, знали, что мы дойдем до Берлина. «Через Неву и на Берлин!» Знали, как знал это Дмитрий Молодцов, прикрывший собой амбразуру, выполнивший в трудную минуту закон солдатского брат-

1943

13 ЯНВАРЯ. Рядовой 270-го стрелкового полка Дмитрий Молодцов закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота — за полтора месяца до подвига Александра Матросова. Рота выполнила боевую задачу.

ства: «Сам погибай, а товарища выручай». Он лежит вместе со всеми, и молодые сосны осыпают над ним желтые иглы в сухой желтый песок.

Я нагибаюсь и беру горсть песка, и он бежит из моего кулака тонкой струйкой.

Так и эти 30 лет протекли вроде бы незаметно, как песок из кулака. И рано или поздно там, в кулаке, не останется ни одной песчинки. Мы думаем об этом все трое и, понимая друг друга, молчим. Потому что знаем, что великое испытание, доставшееся на долю нашего поколения, было не напрасным, и у могильной плиты героя Дмитрия Молодцова, нашего однополчанина, надо помнить о всех 20 миллионах наших братьев и сестер по нашей Победе.

Без этого нет жизни. Нет связи времен.

Потом мы едем в Петрокрепость. До нее всего 3 километра. Мы въезжаем в нее как победители, разгоряченные боем, точно так же, как мы входили сюда в том январе, когда она еще называлась Шлиссельбургом.

Обратную дорогу мы молчим.

Молчим каждый о своем.

Мы проезжаем мимо новых поселков и заводов. Мимо памятников мужеству и народной печали. Мимо детских садов и школ, мимо необозримой картины мирной жизни.

Мы едем по левому берегу Невы. Через Мгу и Ижору.

Мы отстояли этот город.

Мы едем, и у нас светло и на душе, и перед глазами. И шофер Юра удивляется этой, может быть непонятной для него, нашей молчаливости.

И мы очень любим жизнь. Очень любим. Всей чистотой юношеской влюбленности, всей скорбью военного опыта. Мы молчим. Потому что давно научились понимать ответственность слова.

Вольт Сулов,

рядовой
Ленинградский фронт

М О С Т

Если вы спросите у старого солдата, что такое война, скорее всего он ответит так: «Война — это работа. Очень опасная и очень тяжелая работа». Танк в бой вести — работа, бесконечные окопы рыть — работа, часами в снегу со снайперской винтов-

кой лежать — работа, по Ладожскому льду на грузной полуторке в блокированный Ленинград пробираться — еще какая работа!

О легендарной Дороге жизни немало уже написано воспоминаний, рассказов, стихов. Но не каждый знает, что рядом с нею, плечом к плечу, была еще и Дорога Победы.

Началась она с победы чисто воинской: 18 января 1943 года нашими войсками был освобожден город Шлиссельбург. Кольцо вражеской блокады было прорвано. И хотя гитлеровцы стояли еще рядом, во вражеских клещах была пробита брешь, появился узкий коридор. В тот же день Государственный комитет обороны принял решение: построить в полосе прорыва железнодорожную колею.

В кабинет начальника инженерного управления Ленинградского фронта генерала Бычевского ворвался вихрем Иван Георгиевич Зубков:

— Слушай, начальник, давай скорее саперов! Берег разминировать надо. Мне приказано за десять суток построить железнодорожный мост через Неву. Ты понимаешь, что это означает?

18 ЯНВАРЯ. В 9 часов 30 минут на восточной окраине Рабочего поселка № 1 встретились бойцы 1-го батальона 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта и бойцы 1-го батальона 1240-го полка 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта.

Блокада Ленинграда была прорвана.

Борис Владимирович Бычевский, разумеется, понимал. Понимал и то, что задание это дано Зубкову не случайно. Знакомы они были давно, и метростроевцев генерал ценил высоко. Метростроевцы возводили оборонительные рубежи под Лугой и на Карельском перешейке... Они-то уж точно знали, что война — очень трудная работа. И вот новое задание: построить мост через Неву!

...Зубков долго ходил по разминированной кромке берега, примеривался, прикидывал. Работа предстоит огромная, срок — предельно маленький. Нужно просить подмогу. Ленинград прислал все что мог: отряд в 2 тысячи исхудавших, изможденных женщин. Немало над их головами свистело снарядов, потому и здесь не испугались постоянных обстрелов.

Глубина реки в месте будущего моста достигала 8 метров. Берега не подарок: один — низкий, другой — высокий. Дно реки тоже тяжелое: то на валун свая натывается, то как пойдет в мягкий грунт — успевай только наращивать! Ко всему прочему Нева в своем начале что норовистый конь: скорость течения на глубине достигает 2 метров в секунду! Летит вода — скашивает сваи.

Грохотали над рекою разрывы вражеских снарядов. Яростно огрызаясь, отвечали им наши артиллерийские батареи. И ухали, ухали тяжелые удары копровых «баб», забивавших сваи.

У каждого вида работ есть свои нормы. У копровщиков, например, за один рабочий день полагается забивать 20 свай. Это норма мирного времени. Строя мост через Неву, копровщики забивали по 85 свай в сутки!

Толовыми шашками саперы пробивали «окна» в ледовом панцире реки. Взрыв! — и окно готово. Тут же бойцы копровых команд тащат к нему 20-метровую сваю. На вбитые в дно сваи

укладываются поперечины, на них — продольные брусья, снова поперечины, и лишь на втором слое продольных брусьев укреплялись шпалы и рельсы.

Борясь с подледным течением, мост, а точнее, свайно-ледовая переправа выгнулась дугой. Дуга делала ее более прочной. Невысок получился мост — едва надо льдом приподнимается — и такой узкий, что, если бы встретились на нем человек и поезд, — не разойтись! Некуда было бы человеку податься. Но все-таки мост был готов. Построен раньше намеченного срока, несмотря ни на что!

Ленинградский фронт и осажденный город получили новую железную дорогу. Начиналась она от станции Шлиссельбург, преодолевала 1300 метров переправы, ныряла в глубоководную выемку на правом берегу реки, круто взбиралась по подъему и уже по открытому полю спешила к Ленинграду.

В другом направлении от Шлиссельбурга железная дорога шла мимо редкой дубовой рощицы к станции Левобережная (три нитки пути, одна землянка для дежурного и две — для стрелочников), дальше — мимо торфяных болот по открытому полю, а всего в нескольких километрах от переднего края фашистских войск — к станции Липка. За разъездом Междуречье у новой станции Поляны эта дорога выходила на старую линию Ленинград — Волховстрой, и отсюда уже шпалы бежали на Большую землю.

2 февраля 1943 года военные строители отряда Зубкова рапортовали Военному совету о досрочном завершении стройки.

...Машинист Александр Михайлов чуть нажал на реверс, и маленький паровозик № 617 потащил к переправе несколько платформ. Мост скрипнул, но устоял. Медленно, со скоростью пешехода, вел свой состав Михайлов. Все время

1943

В 14 часов солдат М. Г. Губанов укрепил красный флаг над полуразрушенной колокольней в Шлиссельбурге. Город был освобожден.

поглядывал: не дает ли мост осадку, нет ли под колесами перекося? А то ведь лететь ему на лед вверх колесами!

Прошел! Ветер к паровозу «ура» принес. Долгое, протяжное! Это кричали строители. Сами себе. Своему труду.

Михайлов чуть прибавил пару и заспешил через Шлиссельбург. Первое испытание мост выдержал. При втором испытании в будку паровоза поднялся и Иван Георгиевич Зубков. Спросил, прищурившись:

— Не боишься?

— На войне бояться не положено, — ответил Михайлов.

На этот раз на платформах, прицепленных к паровозу, стояли тяжелые танки КВ.

...Много праздников знал Ленинград. Этот был особым. Неповторимым. Полтора года пустовали ленинградские вокзалы. Полтора года никуда не уходили из города поезда. И ниоткуда не прибывали к его платформам. Враг перерезал все его стальные дороги. И вот пасмурным утром 7 февраля 1943 года в 10 часов 09 минут к платформе истерзанного снарядами Финляндского вокзала подходил первый поезд с Большой земли. Паровоз Эу-70864 тянул два стареньких пассажирских вагона и двадцать два вагона с удовольствием.

Не из пригорода прибыл состав — с Урала! На груди паровоза пылал кумачом плакат: «Привет героическим защитникам Ленинграда!» Прямо под лозунгом на передней площадке паровоза стояли люди, махали руками, шапками. А навстречу неслось многоголосое «ура». Потом загрели трубы духового оркестра. Торжественные звуки гимна зазвучали над платформой. И все встречающие сняли шапки, стояли, не скрывая слез радости. Ведь приход этого поезда был самым лучшим доказательством того,

что блокада прорвана, что Ленинград снова соединен со своей страной!

А паровоз уже рвет красную ленту, протянутую над путями. Из его кабины глядит, улыбаясь, молодой машинист Иван Пирожков. В дверях стоят его помощник Виктор Дятлов и кочегар Иван Антонов. Все трое — победители соревнования за право провести первый состав в Ленинград. Над платформой ветер колышет красные флаги, ленты с лозунгами. Начинается митинг.

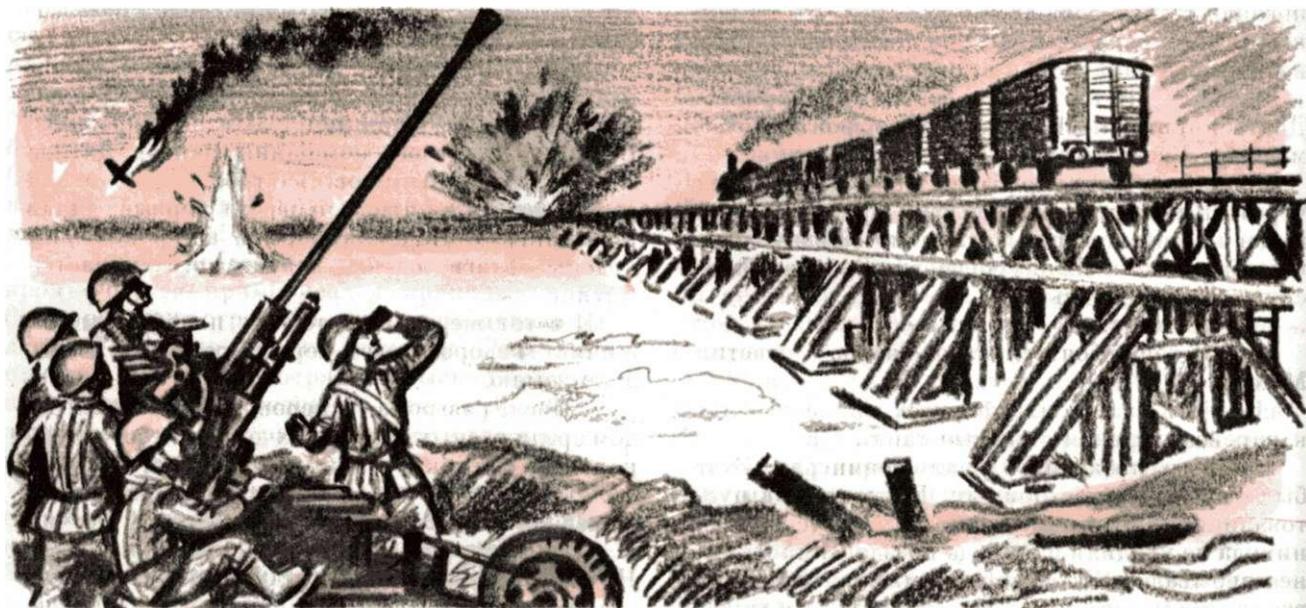
И в тот же день от той же платформы машинист Федоров повел первый состав на Большую землю.

...После разгрома гитлеровцев под Ленинградом среди разных вражеских документов был обнаружен снимок, сделанный с фашистского самолета. Видимо, самолет этот летал над новой железной дорогой, откуда гитлеровский летчик и сфотографировал железнодорожную колею. На обороте снимка он хвастливо написал: «Нет, это не лунный пейзаж с тысячью кратеров. Это работа нашей артиллерии и авиации».

Да, действительно, живого места не было на этом кусочке нашей земли! Сотни, тысячи воронок! Справа и слева от путей. Все изрыто, искорежено. Но — вот она, колея! Идет среди этих «кратеров», и только! Уж так ее старались разрушить гитлеровцы, а не вышло! Статистики потом подсчитали, что в 1943 году на Дороге Победы, как называли этот путь, было более 1200 разрушений пути, разбито около 4 тысяч рельсов, 3 тысяч шпал, 534 переводных бруса, 52 стрелки, десятки паровозов, сотни вагонов.

Конечно, доставалось и мосту. Бомбили его, обстреливали нещадно. Но поврежденные участки быстро заменялись новыми, и поезда шли и шли над белым полем реки. Мост нес свою тяжелую солдатскую службу.

21 ЯНВАРЯ. На клочке освобожденной от врага территории по южному берегу Ладожского озера началось строительство железной дороги от Шлиссельбурга до станции Поляна.

С каждым днем становилось тревожнее. Неотвратимо надвигалась новая опасность — весна, ледоход.

Тронувшийся лед мог легко срезать тоненькую ниточку моста.

Это предвидели. Сразу же после завершения строительства первой переправы Военный совет фронта дал приказ построить через Нему второй мост ниже по течению реки. Сваи укрепили стенкой. Между нею и сваями насыпали камней. Такие опоры могли выдержать ледоход более стойко. Новый 852-метровый мост также был построен раньше срока, и 18 марта 1943 года по нему прошел первый поезд.

А весна приближалась.

Улучив момент в перерыве движения поез-

дов, Зубков обошел мост. В землянке сказал строителям:

Вы знаете, что такое Ладога? Море! Три тысячи квадратных километров сплошного льда. К тому же не тоненького. Танки этот лед свободно выдерживает, паровозы. Конечно, не все эти «льдинки» двинутся на нас, кое что и солнце растопит. Но и нам предстоит поработать. Надо быть готовыми.

Гитлеровцы тоже ждали ледохода. Надеялись, что он им поможет. Солнце пригревало уже вовсю, но ледовый панцирь на озере держался еще крепко. И тогда гитлеровцы послали на Ладогу тяжелые бомбардировщики. Загрохотали над озером взрывы. Разбежались трещины по ледовому полю.

1943

27 ЯНВАРЯ. Фашисты выпустили по Ленинграду 533 снаряда.

2 ФЕВРАЛЯ. По дороге Шлиссельбург — Поляна прошел первый пробный поезд.

Строители Зубкова были готовы к ледовой битве. Заранее завезли они к мосту толовые шашки — простую и надежную взрывчатку. В помощь саперам-подрывникам из Ленинграда снова прибыло несколько тысяч женщин. Они пришли к мосту с баграми, с пешнями или просто с крепкими длинными шестами. Цепью встали они по нижнему устою моста. Между ними, на равных расстояниях, стояли и 200 саперов-подрывников.

Дует, дует с Ладоги злой ветер, несет в лица серую колючую пыль. Вышибает слезы из глаз. Коченеют руки и ноги. Но уйти нельзя: вот-вот тронется лед!..

И он тронулся. Разбежалась перед мостом черная паутина трещин. Толкаясь, тесня друг друга, льдины поползли к мосту. Первые, мелкие, легко проскользнули под низкими пролетами моста между сваями. Но дальше шли громадины.

Первыми в бой вступили саперы. Вспыхивают на ветру специальные, долго не гаснущие спички, поджигаются толовые шашки. И летят на лед. Взрыв — и белая громадина дробится на куски. Теперь только бы зацепить эти куски баграми и осторожно протолкнуть под мост. Ко второму мосту плывут уже безопасные мелкие льдинки. Но здесь, на первом, ни на минуту не прекращается бой. Взрывы толовых шашек тонут в грохоте взрывов вражеских снарядов. Гитлеровцам все видно. Они понимают, что эти упрямые русские хотят отстоять свой мост. Их там на мосту — тысячи! И значит, их можно легко перебить!.. Одно мешает: русская артиллерия. Она тоже бьет и бьет по вражеским батареям. В небе над переправой постоянно дежурят красные истребители: не подпускают к ней

бомбардировщиков с черными крестами на крыльях.

Идет бой за мост. Рвутся, шипя, толовые шашки. Рвутся над головами вражеские снаряды. И никуда не уйдешь. Даже не ляжешь, не прижмешься к земле, как это можно сделать на берегу. Осколки вырывают бойцов из сомкнутых рядов. И сейчас же на их места становятся новые. Не час, не два идет бой. Сутки за сутками. День сменяется ночью, а лед все напирает. Между льдинами вздымаются к небу фонтаны воды. Вот еще грохнулся один снаряд. Брызгами залил стоящих с баграми женщин. Другой попал в льдину. И тогда в людей летят мелкие колючие осколки льда.

Льдины не устают штурмовать мост. Кое-где под их напором он дал перекосы. Если бы взглянуть на мост сверху, то он сейчас не на дугу похож, а на зигзаги какие-то.

Саперы бросаются выпрямлять мост. Нельзя отдать переправу! Фашистам удалось повредить второй мост, и теперь, пока его поправят, вся нагрузка падает на этот — первый. Нельзя остановить движения поездов! По всей длине эстакады на двух продольно уложенных досках стоят женщины и гонят, гонят лед иод настилы. Л чуть выше над ними по искривленному мосту идут составы. Медленно, но идут. Один, второй, третий... Всю ночь двигаются эшелон за эшелон.

6 суток длился этот бой. И ленинградцы победили.

Железнодорожники потом подсчитают: с 7 февраля 1943 года до 27 января 1944 года — дня полного снятия блокады Ленинграда — по шлиссельбургским мостам прошло 4729 поездов. Сквозь бой. Сквозь смерть. По Дороге Победы.

7 ФЕВРАЛЯ. К перрону Финляндского вокзала подошел первый поезд с Большой земли. Его вели машинист И. Пироженко, его помощник В. Дятлов, кочегар И. Антонов, начальник поезда — В. Виротайнен.

Глеб Пагирев,
командир роты
Ленинградский фронт

ПОД ШЛИССЕЛЬБУРГОМ

Изрыли снарядами немцы лесок,
Повыбили за две недели.
Но думалось:

«Ладно! Сочтемся, дай срок.
Мы тоже недаром сидели».

И вот в предрассветной густой синеве
Пехота броском небывалым
Рванулась вперед — через лед по Неве,
По минным полям и завалам.

Орудия били с прибрежных высот,
Вода поднималась столбами,
И раненый молча ложился на лед,
Ко льду припадая губами.

Вставая и падая в снег на бегу,
Взвалив на себя пулеметы,
Мы лезли на берег, тонули в снегу
И грудь бросались на дзоты.

Короткая очередь, выстрел в упор, —
Так вот она, мера расплаты!
Слова о прощенье — пустой разговор,
Здесь слово имеют гранаты.

Мы вышли на берег. На черном снегу
Горели подбитые танки;
Воронки разрывов — на каждом шагу,
И трупы — у каждой землянки.

Еще не окончен начавшийся бой
И в летопись славы не вписан,

И первые пленные, сбившись гурьбой,
Еще повторяют:

«Нихт шиссен!»

Мы снова проходим по этим местам
Навстречу боям и тревогам —
По вновь наведенным плавучим мостам,
По вновь проторенным дорогам.

Сухая ветла у скрещенья дорог,
И тропка, бегущая в поле,
И чуть различимый в траве бугорок —
Здесь все нам знакомо до боли.

Нам эта скупая земля дорога
И лучшей не нужно в награду:
Мы здесь наступали и гнали врага,
И здесь мы прорвали блокаду!

Александр Гитович,
военный корреспондент
Ленинградский фронт

СТРОИТЕЛЬ ДОРОГИ

Он шел по болоту, не глядя назад,
Он бога не звал на подмогу,
Он просто работал, как русский солдат,
И выстроил эту дорогу.

На запад взгляни и на север взгляни —
Болото, болото, болото.
Кто ночи и дни выкорчевывал пни,
Тот знает, что значит работа.

Пойми, чтобы помнить всегда и везде:
Как надо поверить в победу,
Чтоб месяц работать по пояс в воде,
Не жалуясь даже соседу.

1943

10 ФЕВРАЛЯ. 55-й армией освобождены населенные пункты Красный Бор Чернышево и станция Поповка.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 26 защитникам Ленинграда присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них: генерал Н. Симоняк, радовой Д. Молодцов, танкисты

А. Мартынов и Н. Макаренко, стрелок-радист Н. Бобров, майор С. Кегиладзе, командир эскадрильи Н. Зеленев и другие.

13 ФЕВРАЛЯ. Части 67-й армии овладели зданием 8-й ГЭС на правом берегу Невы — сильно укрепленным опорным пунктом врага.

Все вытерпи ради родимой земли,
Все сделай, чтоб вовремя, ровно,
Одно к одному на болото легли
Настила тяжелые бревна.

...На западе розовый тлеет закат,
Поет одинокая птица.
Стоит у дороги и смотрит солдат
На запад, где солнце садится.

Он курит и смотрит далёко вперед,
Задумавшись точно и строго,
Что только на запад бойцов поведет
Его фронтовая дорога.

1942 год
Волховский фронт

Где, окутан сизой мглою,
Вечер душен и багров,
Где, как по сердцу пилою,
Звон стоит от комаров,

Где зимой в сырой землянке
Заметали вьюги нас,
Где по месяцу портянки
Не просохнут ни на час,

В январе или в июле,
Помни, волховский солдат, —
Ты не просто, друг, воюешь,
А за город Ленинград.

От рассвета до рассвета
Постоянно помни, друг,
Сколько гордый город этот
Вынес горя, принял мук.

Вот — земля. Немецким ротам
Не дадим топтать ее.
Потому что хоть болото,
А российское — свое.

Не пробьется враг голодный,
Не пройти ему нигде,
И сгниет он в той болотной,
Торфом крашенной воде.

И пойдет вперед к победе
Славный волховский солдат,
Что сейчас в болотах этих
Защищает Ленинград.

1943 год

Павел Лукницкий,
военный корреспондент
ТАСС по Ленинградскому
и Волховскому фронтам

ДОМ
НА СЧАСТЛИВОЙ
УЛИЦЕ

Леня Уваров, с которым
за время войны я встре-
тился первый раз, и то
на трамвайной остано-
вке, торопливо ткнул
пальцем в карту:

— Вот, в этом ква-
драте. А там спросишь
Счастливую улицу, дом
номер девять... При-
едешь?

— Приеду! — сказал я уже вскочившему на
подножку трамвая приятелю, в прошлом ин-
женеру, а ныне капитану, командиру сапер-
ной части.

Леня Уваров знал мое пристрастие: везде
искать интересных людей. Но что может делать

1943

22 ФЕВРАЛЯ. В четвертый раз (начиная с 25 декабря 1941 года) повышена норма выдачи хлеба. Теперь она такая же, как и во всей стране.

30 МАРТА. В городе разорвалось 562 снаряда.

управдом на фронте? Да и чем особенным управдом может быть интересен? Леня сказал мне: «Безногий, живет в своем доме, как жил и всегда, не командир, не боец — просто управдом. Но приезжай, познакомлю, будешь доволен!»

На днях я поехал в тот, указанный мне на карте, пригород Ленинграда — назову его, как принято теперь, «населенным пунктом Н.». Трамвай, петля, контрольно-пропускной пункт, километра полтора пешком, а потом попутный грузовик, по так называемому способу голосования — моя поднятая рука и любезность шофера, сочувствующего шагающему по грязи офицеру.

— Теперь мне налево! — сказал минут через пятнадцать шофер. — А вам, товарищ капитан, направо по этой улице!

Я сошел. Но где же тут улицы? Серое, кое-где усеянное горами кирпича да железным ломом, вязкое поле. Две-три печных трубы. Рывины, ямы, покинутые траншеи, рвы... Начал крапывать холодный дождь... Даже в середине дня было сумеречно... Я вынул карту, сомнения нет: этот значительный населенный пункт должен быть именно здесь. Я оглядел окрестности: пусто, рвы, траншеи, воронки — все признаки переднего края.

«Где же тут искать Счастливую улицу, номер девять? — с горечью усмехнулся я. — Да еще название какое: Счастливая!»

Но первый же красноармеец вежливо указал мне рукою:

— Дом девять? Захарыча?.. Это туда!

Я брел все дальше. Кругом уже рвались снаряды и мины. Все виды укреплений переднего края протянулись мимо меня. Но каждый мною спрошенный красноармеец тянул руку все в том же направлении:

— Дом девять?.. Это, товарищ капитан, туда!..

Потянулись ходы сообщения. Рев минометов усилился. Слышался треск пулеметных очередей. В исчезнувшем поселке уже надо было оберегаться пуль... «Куда же еще? — подумал я. — К гитлеровцам, что ли... Вон уже рогатки колючей проволоки!..»

— Товарищ командир! Что вы в открытую

ходите? Давайте сюда! — словно подтверждая мои сомнения, крикнул мне из хода сообщения какой-то сержант с автоматом и в каске.

— Да где же тут Счастливая улица, дом номер девять? — раздраженно спросил я его, спрыгнув в окоп, как раз вовремя, чтобы убежать от внезапного шквала мин.

— А! Вы к Захарычу?.. А разрешите у вас документы? — откозырнул мне сержант и, проверив их, сказал: — Это туда, дальше.

Через двадцать минут я был в массивном блиндаже, на том клином выдающемся вперед участке переднего края, где располагалась саперная рота Уварова. Он встретил меня задорным смехом, а я чертыхался. Наконец, накормив меня обедом и дав к обеду «сто грамм», все время пошучивающий, сейчас он принял серьезный тон.

— Так вот... Место, где мы находимся, и есть дом номер девять — большой трехэтажный кирпичный дом на тенистой, в аллее могучих берез, оживленной улице. И единственное, что от всего означенного осталось, — это то, что здесь действительно — слышишь трескотню? — весьма оживленно. Да вот, видишь: стены блиндажика моего — кирпичные, этот сводчатый потолок двухсотсорок миллиметровым не прошибешь. Подвальный этаж тут был, и живет здесь ровно двадцать три года управдом мой, Иван Захарыч Анисимов... Только в неудачный момент ты явился: он отправился в город за красной материей, — нам надо писать лозунги к празднику, а материи нет. Но у него в городе знакомства — достанет!.. Захарыч наш чего хочешь достанет, таких управдомов и на Невском проспекте нет... Оглядишь хорошенечко — на его мебели мы и живем: диван этот, комод, стол, в который ты локти уставил, — все это, брат, его собственное, нажитое трудом. В этой — я обитаю; а его комнату посмотреть хочешь?.. Да, да... У него своя отдельная комната! Здесь же квартира была, это мы недавно сверху землю насыпали, а когда я здесь поселился, так над нами еще три этажа торчало, — вот был ориентир!.. Теперь сверху, сам видел, гладко. Только то, что под землей, и осталось!.. А все-таки Захарыч мой как был управдомом, так и поныне все в той же должно-

сти. Жалко, ты не застал его, один вид чего стоит: длинный, худой, жилистый, лицо, знаешь, серьезное, сосредоточенное, как у заядлого рыболова. Только рыбу тут негде ловить. Пруд, правда, был, караси плавали, а только в сорок втором пришлось нам засыпать этот пруд, уж очень припахивало: гитлеровцев там, наверно, сотни четыре лежит. Нынче вместо пруда — земля гладкая да воронки... И за этих гитлеровцев тоже надо сказать спасибо Захарычу: это он так по-хозяйски с ними распорядился. Кабы не он... Ну да потом расскажу, ногу тогда и оторвало ему. Теперь трудно ему ходить сюда, ведь под пулями, а на деревяшке-то как пригибаться, а? В тыл мы его хотели отправить, а он — ни в какую. «Не уйду, — говорит, — из своего дома, хоть вы тут расстреляйте меня!» Мол, враг его из дома не мог выжить, а мы посягаем... Что ж, возразить нам нечего, так и остался он. Ну, будешь смотреть его комнату?

И, растворив передо мной белую квадратную дверь, Уваров ввел меня в соседнюю комнату. Удивительно было мне увидеть ее: здесь все было на своих местах и все не соответствовало обстановке и времени. Это была обыкновенная комната мирного городского жителя за исключением лишь того, что окно в ней было заделано кирпичом, а в треснувшую кафельную печь втыкалась железная труба времянки. Никелированная кровать с постелью, затянутой кружевным покрывалом. Пузатый буфет с посудой, швейная машинка в углу, на столике машинки, накрытом клеенкой, стояли самовар и примус. Овальное зеркало в старинной раме, плюшевое кресло, фотографии веером на стенах, розовый абажур, свисающий с потолка, под абажуром угнездилась маленькая, от автомобильной фары, лампочка с проводом, спущенным к стоящему на полу аккумулятору...

— Это дочка его, студентка педвуза, погибшая здесь в сорок первом, — коснулся Уваров фотографии пышной хорошенькой девушки с теннисной ракеткой в руке. — А это — жена. Ее бомбой убило, когда «юнкерс» снес угол третьего этажа; о муже беспокоилась она (в тот момент муж за водой на пруд пошел), взбежала на третий этаж, чтобы покликать его... А это он сам; видишь, шляпу, как у Максима Горького, он носил, теперь небось в шлеме ходит...

Умное, с глубокими морщинами, худощавое лицо, типичное лицо старого питерского пролетария-мастерового, глянуло на меня с выцветшей фотографии...

Я взмолился, потребовал, чтобы Уваров тут же рассказал мне о Захарыче все. Уваров спросил дежурного, всё ли «там наверху» в порядке, отдал какие-то приказания по поводу группы саперов, что ночью выйдет разминировать проходы для разведчиков, подписал и отправил какие-то донесения, усадил меня в плюшевое кресло, а себе потребовав табурет, сказал:

— Ну слушай, коли так... Расскажу...

И под глухой гул рвущихся вокруг блиндажа снарядов и мин Уваров кратко поведал мне историю жизни Захарыча.

— М-да... Лет ему сейчас — сорок девять. У нас он вольнонаемным телефонистом числится; сам понимаешь, нет же в воинских частях такой должности: управдом! И не он к нам в иодразделение вступил, а правильной сказать — подразделение наше к нему в дом вступило... В юности работал он подмастерьем на заводе Леснера, потом электромонтером стал. В первую мировую войну был солдатом и немца под Варшавою бил, там и надорвался, подтаскивая снаряды. В шестнадцатом в Петроград вернулся, демобилизованный начисто, как потерявший трудоспособность. Жил он в Нарвском районе,

1943

2 АПРЕЛЯ. Корабли Ладужской военной флотилии начали новую навигацию.

10 АПРЕЛЯ. В городе началась продажа семян свеклы, моркови, репы, турнепса, огурцов, лука, редиски, укропа, петрушки.

за Путиловским заводом. Двадцать четвертого октября тысяча девятьсот семнадцатого года Захарыч стал красногвардейцем, приняв участие в оцеплении кавалерийского училища на Обводном канале. Он не был в партии. Не в партии он и сейчас, — бог весть, почему остался он беспартийным; когда я спрашивал его, он добродушно улыбался: «Не поздно еще... Думал, мало уже от меня проку... Зато дочь я растил комсомолкой, сам ей Ленина вслух читал, как только понадеялся, что уже до понимания доросла!..»

В девятнадцатом, когда на Петроград лез Юденич, Захарыч во имя защиты родного города сжег свой собственный дом — да, да, свой маленький деревянный домик на Счастливой улице, той, что была за Путиловским. Вы понимаете, как это произошло?.. Наша артиллерия била по белым, но домики Счастливой улицы мешали артиллерии, скрывали от нее вражеские рубежи. Тогда рабочие сами решили убрать всю улицу, вынесли свои пожитки, а дома сожгли. С полным сознанием долга сделал это и наш Захарыч... Артиллерия в тот раз выиграла бой, —

вот тогда впервые Захарыч стал защитником города Ленина!.. И к зиме девятнадцатого он поселился здесь, в этом доме, в бывшем, я хочу сказать, доме, — от которого остались сейчас только комната, где мы находимся, да еще три комнаты подвального этажа... Захарыч стал управдомом. На третьем этаже жили с семьями два агронома, на втором — зубной врач и пенсионер — какой-то престарелый гражданский моряк, весь первый этаж занимала квартира профессора Наровчатого... Здесь, об этот дом, осенью сорок первого ударилась и разбилась волна гитлеровского нашествия. Фашисты дошли до соседней комнаты, той, где мы только что обедали и где в сорок первом дочь Захарыча Аннушка залегла с пулеметом и стреляла до последнего патрона и была убита в упор вбежавшими в комнату автоматчиками. А в эту комнату гитлеровцы не вошли: из нее Захарыч через дверь швырнул штук десять гранат, собранных км вокруг дома за несколько минут до вступления гитлеровцев в березовую аллею. Автоматчики полегли рядом с Аннушкой. Пулемет был разбит, но из вражеских автоматов Захарыч от-

стреливался еще больше часа, пока вбежавшие красноармейцы не отшвырнули врагов от дома... Дальше нашей улицы гитлеровцы к Ленинграду не прошли: так и стала она передним краем Ленинградского фронта, так и стоит поныне. И не кто иной, как Захарыч, не пожелавший никуда уйти из своего дома, прозвал ее Счастливой улицей — в память, конечно, той, о которой я уже рассказывал... Дом стоял еще долго. Профессор эвакуировался. Зубной врач и один из агрономов выехали еще раньше. За старым моряком, под жутким обстрелом, приехала трехтонка, моряк отправил жену и детей, посадил в кузов и семью второго агронома, сам уехать не пожелал. И остались в доме жить трое: моряк да Захарыч со своей Прасковьей Федоровной. Кругом кипел непрерывный бой, на поселок налетали бомбардировщики, все дома уже были побиты снарядами, везде занимались пожары, наши части из развалин домов сооружали дзоты и доты, били по гитлеровцам из винтовок, пулеметов и минометов. Трещали и падали деревья. А единственный каменный дом, уже не раз пробитый снарядами, стоял, постепенно обнажаясь, потому что кварталы вокруг превращались в пустырь. Но Захарыч никуда не хотел уходить из дома, — моряк теперь жил в его подвальной квартире. Возле дома похоронил Захарыч свою дочку Аннушку. Рядом с нею — Прасковью Федоровну, разыскав ее тело под развалинами рухнувших от фашистской бомбы этажей. Старый моряк устроил на остоле кирпичной стены наблюдательный пункт (у него была подзорная труба), и какой-то мальчик бегал от него с донесениями к артиллеристам. Гитлеровцы взялись искрошить этот дом до конца, вгоняли в него

снаряд за снарядом. Моряк был убит на своем посту. Захарыч никуда не пошел, Захарыч неотрез отказался уйти из дома, когда командир стоявшей здесь части хотел удалить его силой. Крепко поругался тогда с командиром Захарыч, заявил, что он здесь хозяин, потому что он управдом, потому что он не пустил гитлеровцев дальше этого дома и потому, что рядом с домом — родные ему могилы... Раз ночью фашисты предприняли попытку широкого наступления на этом участке фронта. Захарыч пошел вместе с бойцами в контратаку. Когда все командиры пали в бою и рота замешкалась, Захарыч крикнул: «Ребята, здесь командуя я! Не бывать в этом доме немцу!.. Ленинградцы, сынки, вперед!..» И на пруду, что ныне засыпан, гитлеровцев в ту морозную, метельную ночь полегло больше четырехсот. А Захарычу в ту ночь вражеской миной оторвало ногу. Когда он вернулся из госпиталя, здесь с моим подразделением уже находился я... Завтра Захарыч явится из города, разукрасит все наши блиндажи лозунгами и вместе мы будем встречать годовщину нашего Октября. Оставайся, мы заодно отпразднуем этот день! Сказать по секрету, мои подрывники одну штуку готовят для гитлеровцев, в общем — иллюминация тут будет хорошая!.. Останешься?

По как ни хотелось мне повидать Захарыча, служебные обязанности заставляли меня с рассветом вернуться в Ленинград. Я ночевал в той комнате, на дверных косяках которой капитан Уваров показал мне следы пуль, выпущенных два года назад пылкой хорошенькой Аннушкой, не пожелавшей своей жизни для защиты родного города...

1943 год

1943

11 АПРЕЛЯ. В соревновании по гранатометанию и строевой подготовке участвовало более 500 школьников. Первое место заняли представители 239-й школы Октябрьского района.

г. Князев,
старшина,
начальник
радиостанции РСБ

НАПЕРЕКОР ОГНЮ
«ДАВАЙТЕ СЮДА
ВАШИХ ВУНДЕРКИНДОВ»

ейтенанту Аркадию Обранту было 35 лет. Но он был сед как лунь.

— Садитесь, — сказал генерал. — Между прочим, ранние седины появляются от больших переживаний. Не улыбалась вам жизнь, а?

— Наоборот, — сказал Обрант. — Все бы-

ло отлично, если б не война.

Рядом гукнула зенитка. Классная доска (армейский штаб помещался в школе, в селе Рыбацком) качнулась и сбросила мелок на пол. Генерал поднял мелок, положил на место.

И сразу же зенитка замолотила размеренно и часто: как всегда в эти дневные часы, начался налет.

— Теперь, — сказал генерал, — конкретно о деле. Нужны люди для танцевальной группы агитвзвода.

— Есть такие люди, — подумав, сказал Обрант. — И если вы согласитесь...

Из окна было видно, как метрах в ста, на середине Невы, лед и снег разлетелись белыми брызгами. На их месте встал черный водяной столб: «хейнкели» рвались к штабу. В нарастающем реве зениток Обранту приходилось почти кричать:

— Если вы согласитесь, у нас будут танцоры!..

— Откуда? — повысил голос и генерал.

— Из Дворца пионеров! — кричал Обрант.

— Что? Мальчишек и девчонок — в это пекло?!

— В Ленинграде всюду сейчас пекло, товарищ начальник политотдела!

Воздушный налет стих так же внезапно, как начался, но Обрант продолжал говорить по-прежнему громко.

Генерал не перебивал. Лишь поглядывал в окно на Неву, где опять белел спокойный снег в серых разводьях польней.

— Хорошо, — вздохнув, сказал генерал. — Вы меня почти убедили. Давайте сюда ваших вундеркиндов.

И, взяв с доски мелок, покрутил его в озябших пальцах. Выл февраль сорок второго.

ЛУЧШЕ ЭТО, ЧЕМ СМЕРТЬ...

С Фонтанки, с Аничкова моста, убрали Клодтовых коней, и теперь Дворец, лишенный такого кавалерийского прикрытия, казался совсем беззащитным.

Обрант подошел к нему, когда рассвет уже чуть высветил колонны, торжественные, как и прежде. Только теперь возле них стояли не автобусы с суматошной детворой, а санитарные машины: в главном здании Дворца расположился госпиталь.

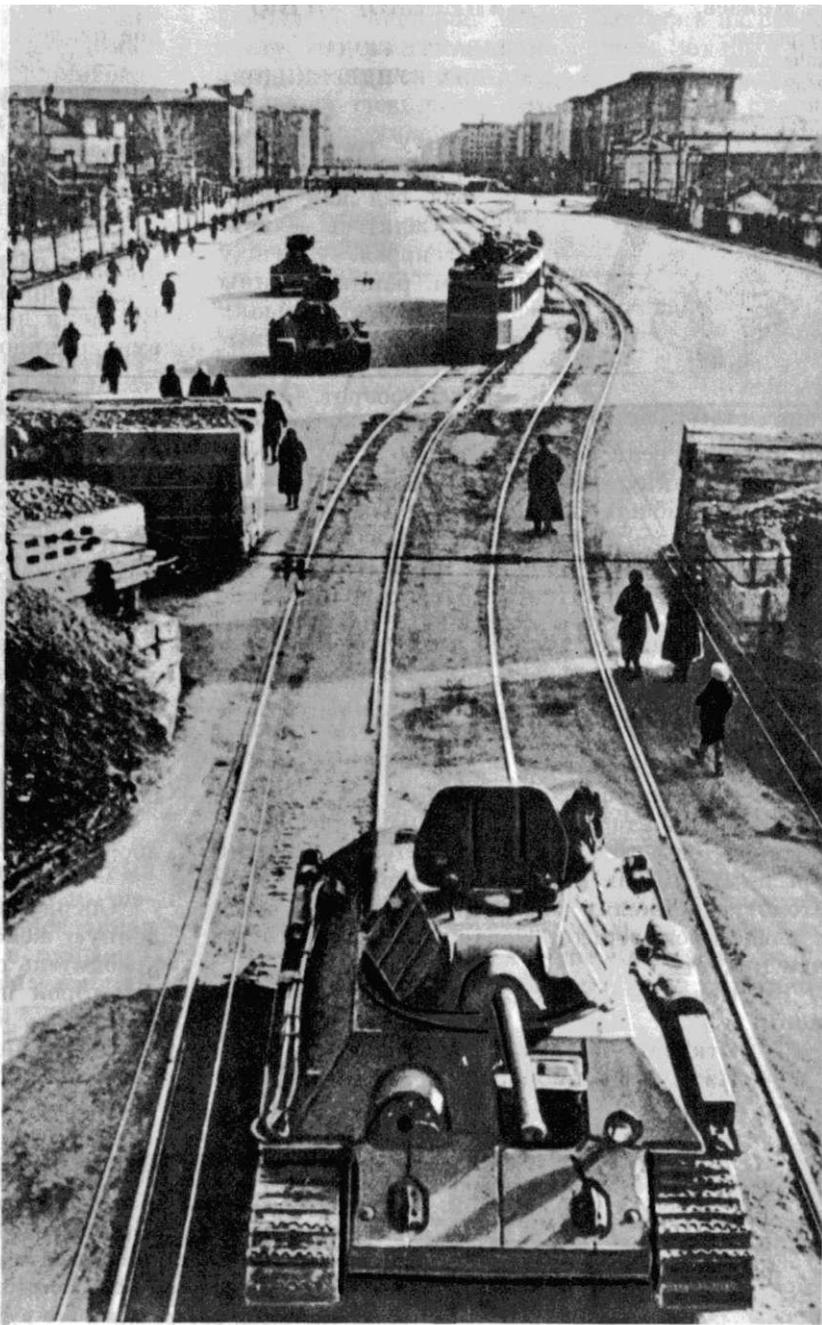
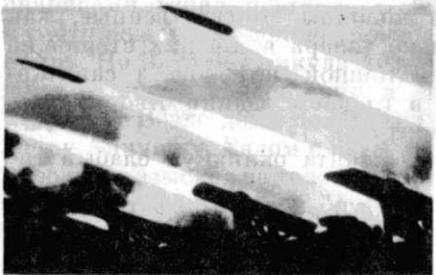
Внезапно лейтенанта окликнул слабый голос:

— Аркадий Ефимыч, голубчик...

Обернувшись, он увидел невысокую изможденную женщину. Это была Варшавская — руководитель студии художественного движения, с которой перед войной работал Обрант. Она только что выписалась из больницы.

— Вы не смотрите на меня сейчас, — сказала женщина. — Я скоро поправлюсь. Скоро

16 АПРЕЛЯ. День отмечен подвигом командира орудия старшины 2-й статьи Ивана Тамбасова. Во время артиллерийского обстрела на палубе линкора «Октябрьская революция» разорвался снаряд. По палубе огонь стал подбираться к снарядам, лежавшим у орудия. Рядом находился артиллерийский погреб. Тамбасов начал сбрасывать снаряды в воду. Последний снаряд разорвался в его руках.

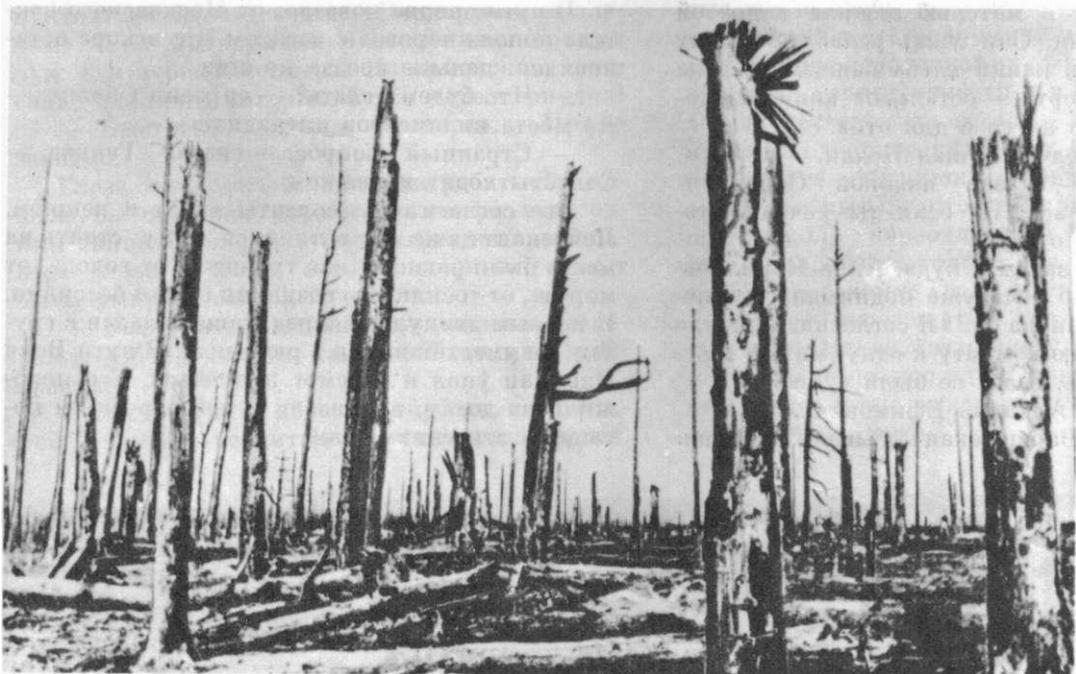
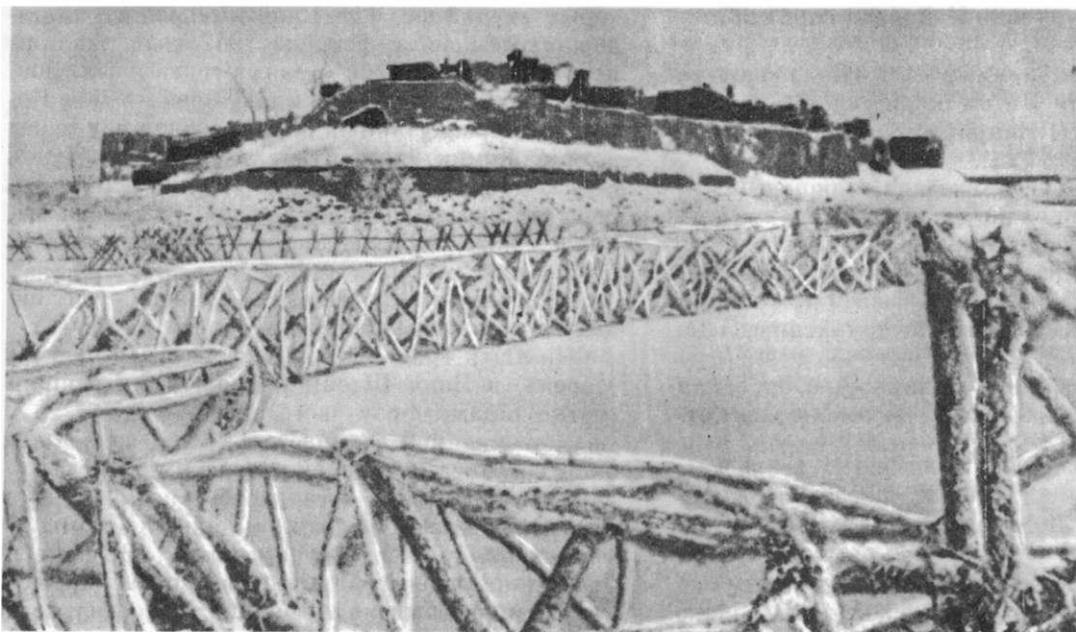
Ополченцы идут в атаку.

Залп «катюш».

Танки идут на фронт.

Шлиссельбургская крепость
Орешек.

Под Невской Дубровкой.

вообще все будет лучше. И Дворец снова станет пионерским.

Он согласился, а сам думал: «Доживешь ли ты до этого часа?» Потом объяснил, зачем пришел в Ленинград. Напряженно ждал: одобрят ли худож?

— Это страшно, — сказала наконец Варшавская. — Детей — па фронт... Это ужасно!.. Но вы правы. Лучше это, чем голодная смерть в блокадном городе. И потом, мы оба знаем, как искусство может поддержать боевой дух солдат. А наши мальчики и девочки талантливы. Да, вы правы, дорогой.

Она достала записную книжку с адресами недавних своих студийцев. На розыски ребят отправились вдвоем.

ОТЧЕГО СЕДЕЮТ ЛЮДИ

За неделю до этого у Нелли Раудсепп умер отец. Он лежал на кровати, накрытый только простыней, — ему уже не было холодно. А Нелли с сестренкой и матерью лежали в другой комнате и мерзли. Они очень ослабли, потому что от блокадной пайки хлеба каждая съедала только три четверти — остальное копили, чтобы выменять это на гроб для отца.

Лейтенант молча слушал Нелли.

— Девочка, — сказал наконец Обрант. — Они ответят за все. Но если ты хочешь отомстить, пойдем со мной.

Он объяснил зачем и куда. Анна Кирилловна заплакала. Но дочь уже поднималась с постели, и мать кивнула ей: «Я согласна...» Нелли зашла в соседнюю комнату к отцу, минут через десять вернулась, глаза ее были сухи.

— Я готова, Аркадий Ефимович...

Лейтенант и Варшавская побывали еще у пя-

терых студийцев, 14—15-летних ребят, выглядевших сейчас, в феврале 1942 года, жалким подобием самих себя — когда-то веселых, ловких, сильных девчонок и мальчишек. Генька Кореневский, закутанный в шаль, колот лед перед домом. Ломик в его руках поднимался редко, стукал несильно. Когда дома он снял шапку, голова его оказалась совсем голой: от голода выпали волосы... Валя Клейман, отворяя гостям дверь, едва дополз до нее.

— Аркадий Ефимович... — прошептал он, лежа па полу, и заплакал.

Но и эти трое, и Вера Мефодьева, и Феликс Морель, и Валя Штейн не колеблясь решили стать бойцами фронтового агитвзвода.

Перед войной вся шестерка танцевала в пионерском ансамбле песни и пляски у самого Дунаевского. Поэтому в гардеробе ансамбля, еще сохранившемся, ребятам выдали костюмы — украинские, белорусские, казачьи. Выдали и рюкзаки. Дворец собирал своих воспитанников в дорогу, как бывало и раньше: обстоятельно и любовно. Лишь хлеба не было во Дворце...

В пути сперва повезло: от Московского вокзала пополз паровоз с вагоном. Но вскоре остановился: дальше поезда не шли.

— Что будем делать? — спросил Обрант. — До места километров пятнадцать.

— Странный вопрос, — сказал Генька. — Солдаты ходят и пешком.

Все согласились: солдаты ходят и пешком. Лейтенант даже не противился этому: стоять на месте было равносильно гибели — от голода, от мороза, от тоскливого сознания своего бессилия. И первым двинулся вперед, таща салазки с грузом, не уместившимся в рюкзаках. В пути Валя Клейман упал и не смог подняться. Его положили на доску, привязали к ней веревку и потащили эти санки тоже.

1943

17 АПРЕЛЯ. В городе 8 пожаров. Одна из бомб разрушила часть здания Музея А. В. Суворова.

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ

— Так-так, — сказал начальник политотдела на следующий день ребятам. — Как поживаете, товарищи бойцы?

Мальчишки вскочили с кровати, даже вконец ослабевший Валя Клейман сел — ночь здорового сна, горячая пища да заботы фронтового врача начинали делать свое дело. И поэтому «бойцы» гаркнули дружно:

— Отлично поживаем, товарищ генерал!

И Валя Клейман, чуть оробев и прикрыв одеялом худые, голенастые ноги, подтвердил, что поживает отлично.

— Вот и врите, — хмуро сказал генерал. — Типичные дистрофики, а задаетесь. Ну ладно, подкормим вас, подлечим, все со временем образуется. Кстаги, при первой же тревоге — все в бомбоубежище. Тебя, — он осторожно тронул тоненькое Валино плечо, — туда отнесут солдаты. Таков боевой приказ, понятно?

По кислым лицам ребят было видно: огорчены. В соседней комнате завозились, зашумели притихшие было девчата. «Подкормим, подлечим». Уже подкормили и подлечили. Тренаж нужен и первый концерт! На армейском слете сандружинниц, который будет через три дня!

— Быстрые! — сказал генерал. — Прямо завидно.

Глаза его зорко оглядывали ребят. Да, это было бы отлично: украсить концерт хоть одним танцем — перед женщинами, которым завтра снова в огонь, спасти раненых, может быть, умирать самим.

— Выступать запрещаю, — сказал генерал. — Обойдемся без танцев. Тоже мне энтузиасты!

И быстро ушел, невесело горбясь, всей спиной ощущая сердитые взгляды мальчишек.

Тогда ребята устроили военный совет, и девчонки, выскочившие из-за перегородки, оказались непримиримее всех. Три дня они заискивали перед врачом, хвастались своей нормальной температурой, с восторгом глотали лекарства и по утрам обязательно выстраивались на зарядку.

Обрант все же начал легкий тренаж: видел, что это на пользу ребятам. И генерал после очередного медосмотра разрешил четверым из шести исполнить в концерте один танец.

Вечер, как обычно, располосовал черное небо лучами прожекторов. А здесь, в школьном зале с плотно завешенными окнами, мерцали керосиновые фонари, и их неверный, но теплый свет отодвигал войну куда-то вдаль, оставляя перед женщинами, сидевшими на скамьях, только радостное озеро сцены.

Ребятам надо было подгримироваться, а грима не было. Узнав об этом, кто-то из зрительниц передал в комнату к танцорам последнюю свою драгоценность — кусочек губной помады. И Нелли Райдсепп подрумянила бледные щеки, чтобы не казались они зелеными, и мальчишки тоже подрумянились, чтобы выглядеть совсем здоровяками.

Когда грянул оркестр и в вихре гопака вылетели четверо, зал встал — и так, аплодируя, принимал дворцовских ребят. О, они умели танцевать, эти мальчишки и девчонки, выученные еще до войны Обрантом и Варшавской, прошедшие школу первоклассной хореографии! И лишь сил, одних только сил не хватило Геньке Корневскому. Он пошатнулся и растерянно увидел, что дощатый пол сцены уходит из-под ног. Нелли, задорно улыбавшаяся залу, поддержала его, но вдруг увидела серые пятна лиц, задернутые какой-то тусклой пеленой, и пошатнулась тоже...

28 АПРЕЛЯ. Вражеские снаряды падают на Гостинный двор, на сад Дворца пионеров, на Дом радио, гостиницу «Европейская», Малый оперный театр. Музей этнографии.

6 МАЯ. Еще 400 снарядов обрушилось на город.

Тогда в зало слышались рыдания. Уже был конец танца, и ребята, держась за руки, кланялись со сцены, а зал плакал. Потому что в нем сидели матери и сестры, защитницы Ленинграда, умевшие под бомбами бинтовать бойцов, но неспособные спокойно смотреть, как война прикоснулась к детям.

Генерал приказал дать занавес. Пошел за сцену.

— Вольно, — сказал генерал. — Молодцы! Дайте я вас поцелую. А теперь — в машину.

— Куда едем? — деловито спросил Феликс.

— Разумеется, на гастроли, — сказал генерал.

И велел отвезти новичков агитвзвода в госпиталь — на два месяца, для отдыха и полного излечения.

НА ВОЙНЕ ВСЕГДА ОПАСНО

55-я армия заслонила собой Ленинград со стороны Колпина. Здесь фашисты рвались к городу совсем уж свирепо. Полки, напряжив мускулы, сдерживали этот бешеный натиск, и шестеро юных артистов, оказавшихся во фронтовом госпитале, тоже не хотели сидеть сложа руки. Уже на исходе первого месяца они стали выступать прямо в палатах, в проходе между койками.

Порой приезжал генерал. Тогда ребята снова чинно располагались по кроватям. Начальник политотдела грозил пальцем, о чем-то долго совещался с врачом и Обрантом. Потом уезжал на передовую.

Наконец случились сразу две радости. Приехала Варшавская и сообщила, что в мае Дворец все-таки открывается. Вторую радость принес Обрант:

— Все! Выписываемся, друзья! Начинаем нормальные репетиции и концерты!

И начались нормальные репетиции и концерты.

Ночь зажгла в небе еще по-весеннему холодные звезды. Грузовик с ребятами пыхтит у политотдельских дверей. И попятилась назад невидимая в темноте дорога. А шофер осторожноничает, то и дело выходит проверять путь.

— Вояка! — злится Генька. — Везет нас как молоко — боится расплескать!

Вдруг впереди — взрыв... Еще один.

— Приехали, — говорит шофер. — Дальше придется пешком.

Идут. Рядом шагают офицер политотдела и Обрант. И шофер шагает рядом, хотя мог бы подождать ребят в любом укрытии.

— Ну как? — шепчет Феликс Геньке. — Не вояка?..

Их берегли, как могли. Танцевать приходилось всюду — на платформах бронепоездов, на сдвинутых, с откинутыми бортами автомашинах, на лесной утопанной поляне. И каждый раз организаторы концерта делали все, чтобы спрятать, сберечь ребят от вражеских глаз. Однажды даже заставили выступать под сводом громадной печи для обжига кирпичей — снаряду было не пробить этот свод. В другой раз командир части потребовал заменить яркие костюмы белорусского крыжачка, чтобы не разглядели их сквозь деревья фашисты...

И все-таки это была война, а на войне всегда опасно. Однажды Генька Корневский и Вера Мефодьева, танцующая у танкистов в полковом клубе, были застигнуты огнем налетом. Домик зашатался, сопровождавший ребят старшина Симонов вытащил их наружу: «Ложись!» Он повалил их на землю и загородил спиной от снарядов, рвавшихся совсем рядом.

30 МАЯ. Наши артиллеристы подавили 15 батарей врага, разрушили более 20 его дзотов.

3 ИЮНЯ. Началось вручение медалей «За оборону Ленинграда». Среди награжденных немало школьников.

Их берегли и ими гордились. Как-то раз после бурной украинской пляски подошел усатый солдат-украинец, поднял на руки Нелли, сказал: «Диты мои...» И так стоял, глядя поверх притихших людей, словно видел милую свою Украину...

«ТАЧАНКА»

Ранней весной в Ленинград прорвался партизанский обоз с продовольствием. Агитвзвод давал героям прорыва концерт. Танцевали ребята Обранта, пели певцы, джаз-оркестр поднимал над лесом мелодии, рожденные войной.

Обрант сидел на пеньке, глядел на бойцов, тесно окруживших поляну, и думал о том, что трижды прав был, утверждая недавно в политотделе: искусство танца тоже может и должно отразить геройский дух великой битвы, бушующей под Ленинградом.

И вот теперь перед партизанами исполнялся танец, на который вскоре обратили внимание лучшие мастера искусств Ленинграда.

...По ковыльной прозрачной степи мчится красноармейская тачанка. Рвутся бешеные кони, не смолкает в руках у пулеметчика «максим». «Ты лети с дороги, птица, зверь, с дороги уходи...» И уходит все с дороги, и сабли сверкают над головами у буденовцев, и нет такой силы на свете, чтобы стала на пути у этой огненной атаки... Композитор Листов написал свою знаменитую песню о тачанке. Ее воплотил в танец Обрант.

И бывшие мальчишки и девчонки Дворца пионеров, теперь бойцы фронтового агитвзвода, развернули легендарную колесницу далекой гражданской войны перед лицом осажденного фашистами Ленинграда.

Ее показали вместе с другими номерами обрантовской группы в Большом зале филармонии в мае сорок третьего года. Шел отчетный концерт группы. Шоферы на чем свет стоит кляли войну, не пустившую их в зал, и читали приписку к афише: «В концерте участвуют народные артисты Союза...» Так ребята, пионеры, выступили рядом с прославленными мастерами искусств. Через несколько дней группа Обранта получила право именоваться молодежно-танцевальным ансамблем Н-ской армии. Это было признание мастерства, которого добились 15-летние.

— Отлично! — сказали в политотделе. — Поздравляем! Но между прочим, предлагаем всем вам окончить среднюю школу. Нельзя расти неучами, не так ли?

И ансамбль стал заниматься в заочной школе. Ездили на занятия через весь город с учебниками и тетрадами, от которых успели отвыкнуть.

Тогда же стали вести дневник и выпускать свой рукописный комсомольский орган «Тачанка». Потому что к той поре бывшие пионеры стали комсомольцами. И пожалуй, самой яркой записью в дневнике и в «Тачанке» был отчет о поездке в Москву, на III антифашистский съезд молодежи.

Они вышли на сцену Колонного зала Дома Союзов, и на солдатских гимнастерках у каждого горела только что полученная медаль «За оборону Ленинграда».

Шурясь под ярким светом юпитеров, они растерянно слушали все нарастающую овацию. И не сразу поняли, отчего люди вдруг вскопили со своих мест, тянут к ним руки, что-то кричат. А когда расслышали: «Ленинград! Ленинград!», стало ясно, что это овация городу, который выстоял, не упал перед врагом на колени

1943

4 ИЮНЯ. В Доме Красной Армии состоялся тысячный концерт ансамбля песни и пляски Ленинградского фронта.

и даже в черную ночь блокады сберег самое прекрасное, что есть на свете: юность и искусство...

В тот вечер ребятам Обранта не хватало для полного счастья разве лишь вот чего: не было с ними в Москве одной из лучших солисток ансамбля Вали Сулейкиной.

ДЫМНЫЙ СЛЕД ОТ СОЛНЦА

Валя пришла в ансамбль чуть позже первой шестерки. Еще до войны девочка потеряла родителей.

Блокаду бедовала вместе с тремя родственницами. Потом они умерли. Валя сидела в комнате и не знала, что делать.

Все же она нашла в себе силы, пешком добралась на другой конец города, к заводу «Вулкан», где раньше работал ее брат, воевавший сейчас на фронте. И теперь стояла у станка, точила детали для снарядов.

Она привыкла к одиночеству, умела ловко прятаться от бомбежек, настигавших ее по дороге на завод или с завода. И потом совсем не считала себя героем, когда через месяц ушла добровольцем на фронт.

Иногда, сидя в землянке, у аппарата, военная телефонистка Сулейкина вспоминала пионерский дворец, ребят, Обранта... Где они? Еще во Дворце ей говорили, что она способная танцовщица и, если постарается, станет настоящей балериной. Где же все-таки сейчас Обрант и ребята?

И вдруг по радио она услышала о концерте, который давал ансамбль.

Получив увольнительную, Валя добралась до Рыбацкого.

Ее не сразу узнали в подтянутом, лихом бой-

це с косичками, ловко упрятыми под пилотку. А узнав, кинулись обнимать:

— Валюшка? К нам! Вот это здорово!

Обрант добился, чтобы солдата Сулейкину неревели в агитзвод. Вот тогда она впервые за войну испугалась. Она отстала от ребят; по-прежнему легкая и гибкая, она все-таки танцевала не так, как прежде. Предстоял тренаж и тренаж.

И она тренировалась, урывая часы от сна. Пока зала не было, репетиционную устроили прямо на улице, перед домом, где жили. Солдаты, шагавшие в дозор, часто видели в полутьме танцующую перед домом девчонку. Случалось, вблизи грохотал снаряд, тогда бойцы кричали на Валентину, но она, словно не расслышав, продолжала свое.

Так догнала она остальных и уже вместе со всеми ездила па концерты. А иногда после концерта грузовик отвозил ребят к дому, где жила мама Нелли Раудсепп. Гости рассаживались по своим любимым местам — у Вали таким местом в комнате был старенький сундучок, — вспоминали мирную пору и пели под гитару песню «Черные косы». Запевала Валя, потому что голос у нее был чистый и свежий. Песня была тихая, протяжная, не мешающая ни думать, ни мечтать...

Все произошло ясным июльским полднем. В голубой выси, до удивления мирной и ясной, сияло солнце. Птицы, словно совсем забыв про войну, во всю мочь заливались среди редких уцелевших деревьев Рыбацкого. Валя вприпрыжку бежала по шпалам трамвайной колеи — надо было забрать танцевальные костюмы из прачечной.

Отсюда, с улицы, было видно, как, попыхивая, к станции подошел поезд. И оттого стало еще радостней: городу теперь легче, пятятся от

18 ИЮНЯ. 106 наших самолетов бомбят вражеские аэродромы в районах Сиверской, Сивориц, Бородулина. Горят стервятники!

2 ИЮЛЯ. Снова в городе разорвалось более 400 снарядов врага.

него фашисты, даже поезда начали ходить в Ленинград.

Первый снаряд упал рядом с поездом. Свиста второго Валя не расслышала. Просто почувствовала внезапную и острую тоску, увидела себя лежащей на шпалах, хотела подняться и не смогла.

Очнувшись, Валя увидела, как хлопочут возле нее врач и санитары. Обрант сидит рядом на вывороченной шпале. Тогда она спросила:

— Как же я буду... теперь?..

Он молча взял ее руки в свои и так держал их крепко, не отпуская, пока раненую не положили в машину...

В операционной сквозь потухавшее сознание она расслышала голос врача: «Ампутировать...»

Она снова напрягла все силы и прошептала: — Не... хочу...

Врач наклонился к самому ее уху, спросил:

— У тебя есть родственники в Ленинграде? Отец? Мать?

Она зашевелила губами:

— Говорите с Аркадием Ефимовичем...

Обрант выступил вперед и решительно сказал:

— На ампутацию не согласен. Запрещаю.

Он стоял, загородив Валентину, сжав кулаки, словно собирался с кем-то драться, от кого-то защищать свою ученицу.

Ногу ей спасли, ~ почти не надеясь на чудо совершили его. Но приговор врачей был беспощаден: ходить Валя будет, танцевать—никогда.

С той поры она осталась лежать на больничной койке надолго — на целый год. Раздробленное бедро, искалеченная голень заживали медленно. Закованная в панцирь из гипса, она лежала почти неподвижно, стараясь ни о чем не думать, не вспоминать и не жалеть.

ЧТО-ТО ВРОДЕ СОБРАНИИ

— Скоро у нее день рождения, — сказала Валя Штейн. — Ты не реви, Нелька. Если все мы будем реветь... — И всхлипнула тоже.

Ребята сидели в своем общежитии и обсуждали: чем же теперь помочь Вале Сулейкиной? Они видели многое. Они привыкли к войне. Но то, что произошло с Валею, было страшнее всего пережитого и виденного. Фашистский снаряд не просто ранил человека. Он убил ее мечту.

— Скоро у Вали день рождения, — повторил Генька Корневский. — В палату нас не пускают. Но в этот день пустят, я думаю.

— Пустят, — сказал Обрант. — Я говорил с врачом. Но станет ли ей от этого легче?

Тогда Феликс Морель поднялся с места. Его звали Птахой — за то, что в танце обладал высоким, летящим прыжком. Но сейчас он стоял сгорбившись, словно тяжесть пригнула его плечи. И Валя Клейман встал, и Мирза Аваков — веселый, смешливый парень, пришедший в ансамбль почти в одно время с Валею. Мирза сейчас был грустен, он сказал за всех троих:

— Мы думаем, ей станет легче. Наверное, это не ахти какое счастье — наблюдать наши физиономии. Но мы станцуем для нее. Все же день рождения.

Его перебили.

— Танцевать?! Мирза с ума сошел! — кричали одни.

— Он нрав! — кричали другие.

— Ти-хо! — сказал Геннадий. — У нас здесь получилось что-то вроде собрания, поэтому давайте порядок! Есть мнение: мы не с кисейной барышней имеем дело, а с фронтовиком. Небось когда в комсомол ее принимали, каждый

1943

19 ИЮЛЯ. В районе Синявина совершил свой подвиг ленинградский комсомолец Володя Ермак: во время наступления на вражеские траншеи он своим телом закрыл амбразуру фашистского дзота, заставив замолчать пулемет. Рота выполнила боевую задачу.

говорил: сильная, мужественная и все прочее. Выходит, она сейчас перестала быть такой?

Это была самая убедительная речь, произнесенная когда-либо комсоргом ансамбля, и все смолкли, удивившись: как же раньше об этом не подумали? Валя, вынесшая в жизни побольше многих, — раскисла, сдалась?..

— Все не так-то просто, — сказал Обрант устало. Виски его запали, он казался совсем постаревшим. — Я тоже за то, чтобы отпраздновать день рождения Вали. И в политотделе — за то, и во Дворце тоже. Но, — он обвел всех взглядом, — тут каждый должен понимать, как все серьезно.

Это было сказано тоже убедительно. И поэтому в день рождения Вали они ехали в госпиталь с тяжелым сердцем.

ПРАЗДНИК

В то утро Валя проснулась рано. Рядом на стуле лежал букет цветов. Покосившись на соседок — никто не шелохнулся, наверно, спали — Валя исхудавшими пальцами тронула лепесток, яркий и нежный. Потом посмотрела в окно. Там разгорался рассвет, капли только что прошедшего дождя, прилипнув к стеклам, сверкали в первых солнечных лучах.

Она отвернула голову к стене — так привыкла лежать целыми днями. Но тут услышала тихий шепот, смех, и вся палата, как по команде, закричала:

— С днем рож-день-я! С днем рож-день-я!

Это было как в школе, до войны. Только вместо парт здесь стояли больничные койки, а вместо девочек шумели взрослые женщины в бинтах и перевязках.

Потом Валю поздравляли медсестры, санитарки, дежурный врач. Пришел начальник госпиталя, за ним внесли огромный торт. А букетик на тумбочке уже утонул в ворохе других цветов: политотдельские офицеры, подойдя к Валиной койке и почтительно откозыряв, клали рядом все новые букеты. Приехал генерал. Расцеловал Валю в обе щеки, хитро глянул в глаза, даже подмигнул, словно суля совсем уж невиданный

сюрприз. И тут из-за его спины выступила Варшавская, а за ней в палату вкатилась куча мальчишек и девочек в пионерских галстуках. Крохотный барабанщик лихо грянул дробь, но, опомнившись, спрятался за спину генерала...

Вокруг было весело, празднично, светло. Вале на минутку показалось, что война где-то совсем далеко-далеко и все, что произошло там, в Рыбацком, вблизи от гудящего паровоза, — сон, нелепое наваждение... Она даже попробовала шевельнуть ногой и, пересилив боль, все же не застонала. Зачем было портить настроение этим пришедшим к ней в гости людям?

Агитзвод приехал к вечеру. Быстрым шагом в палату вошел Обрант. Поздравив Валю, сказал просто:

— Там ребята просят тебя помочь им гримироваться. Врач разрешил.

Она не успела ответить. Два дюжих санитаря бережно подняли раненую и переложили на каталку. Валя ошеломленно опустила голову на подушку. Каталку повезли.

В комнатке, отведенной под гримировальную, была обычная предконцертная суета. Завидев Валю, танцоры кинулись к ней. Тут кто-то развел мехи аккордеона, и Мирза Аваков закричал, что в честь такого дня он споет «Черные косы». Девчонки испугались: у Мирзы ломался голос, и прежде далеко не оперный. Тогда Валя, сама удивляясь себе, запела — сперва неуверенно, потом все громче и громче. Ей подпевали, а допев, хотели качать новорожденную вместе с каталкой, да одумались: Обрант посулил всему ансамблю гауптвахту. Валя смеялась, потому что знала: все это шутки и ребята хотя, чтобы ей было весело.

Потом она поправляла прическу Нелли, застегивала Феликсу пуговики на украинской рубашке, гримировала Геньку.

Перед концертом каталку с Валею поставили в госпитальном зале возле сцены. Над рядами погас свет. На сцене уже появился ведущий.

— Товарищи! — сказал он. — Мы начинаем концерт, посвященный бойцу нашего агитзвода, танцовщице Валентине Сулейкиной. Вы ее знаете, она не раз выступала перед вами — под

огнем, на передовой. А сейчас лежит здесь, тяжело раненная. И сегодня у нее день рождения. Поздравим ее, друзья!

Зал захлопал. Бойцы поднимались со своих мест, чтобы лучше разглядеть Валентину. И пока она собиралась с духом, чтобы благодарно улыбнуться людям, так по-доброму глядевшим на нее, грянул оркестр: «Ты лети с дороги, птица...»

Словно ветер прошелся по залу, когда ринулась на сцену первая ребячья «тачанка». Сабли молниями взвились к небу. Молодой пулеметчик, содрогаясь от гнева, рассек свинцом вражескую цепь...

В этот миг за окном ударила зенитка. К ней присоединились другие. Вскоре все слилось в ровный, могучий гул заградительного огня, стеной поднявшегося над фронтом. А здесь, на сцене, буденновская конница устремила им вдогонку, звонкие трубы возвестили об этом земле. И земля, радуясь близкой победе, громко твердила Вале: «Смотри, слушай, запоминай!.. Это не зря — все, что было с тобой. Это не зря — все, что будет. Ты всегда должна быть рядом с людьми. Даже неподвижная, ты в бою. Всегда! Понимаешь?»

Она привстала, слушая это. А за окном грохотали зенитки, и песенная конница на сцене рвалась вперед и вперед.

И БУДЕТ ЖИТЬ ВСЕГДА!

Концерт продолжался долго. Уже стих бой за окнами, уже Валя Штейн выстукивала каблучками неугомонную «цыганочку» и матросские клеши, лихо подметавшие сцену, уступили ме-

сто нарядным плащам темнооких кабальеро, — а за кулисами готовились к выходу все новые и новые участники.

Теперь Валя волновалась за ребят, она кричала вместе с залом «бис!», аплодировала до боли в ладонях...

После концерта ее отвезли в палату совсем обессиленную.

Ребята, переодевшись, снова собрались возле ее кровати. Пили чай, жевали пироги, угощали остальных раненых. Тихонько, чтобы никому не мешать, говорили о жизни, о своих делах. Было решено, что, подлечившись, Валентина, конечно же, вернется в ансамбль — будет помогать Обранту в тренаже. Дворец растит новых красногустучных танцоров — Вале хватит хлопот и с ними.

— Потому что мы уже старики, — с важностью сказал Генька Кореневский, — и пора нам готовить смену.

Все засмеялись, глядя на совсем юные Генькины щеки. Тогда Мирза Аваков сказал:

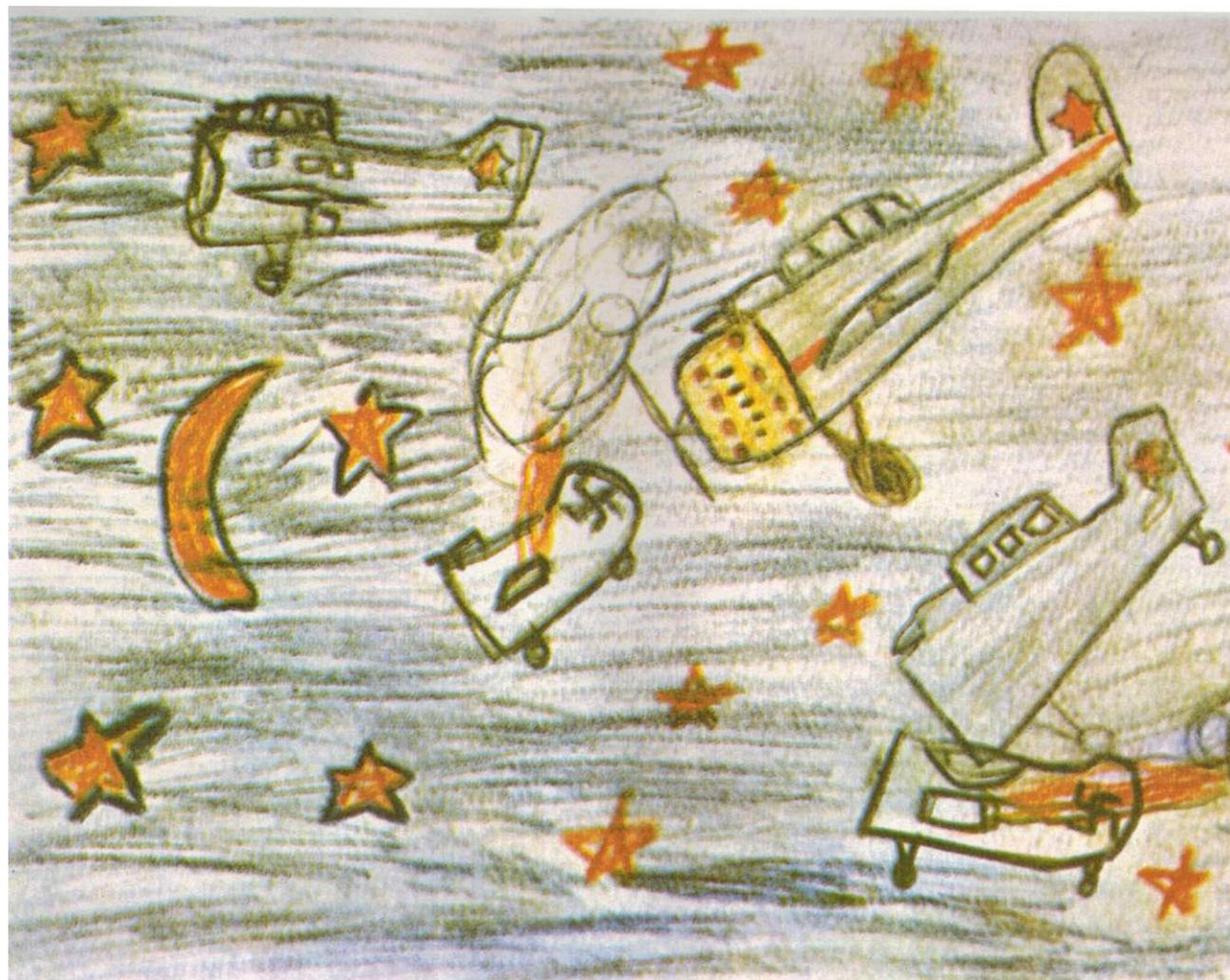
— Старики не старики, а на войне — год за три. Так солдаты говорят... Бывалые.

Все знали солдаты-танцоры. Лишь одного они не знали в тот вечер: через полгода Валя Сулейкина будет награждена орденом Красной Звезды, а позже и они сами, и Обрант получат боевые награды.

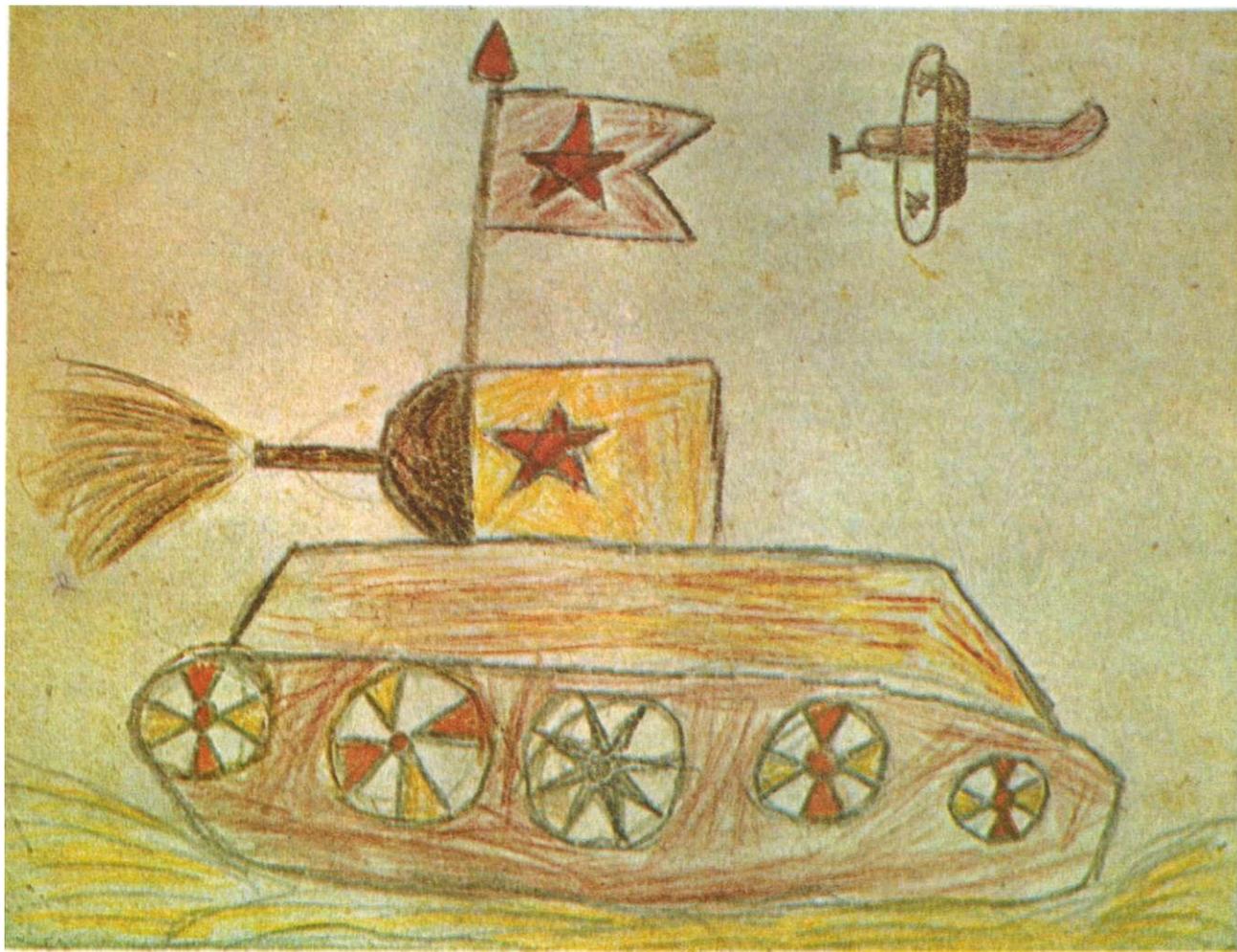
Они вспоминали о прошлом и мечтали о будущем... Когда дежурный врач, заглянув в палату, намекнул, что пора уходить, послушно на цыпочках вышли. На улице, синей от ранних ноябрьских заморозков, мерз грузовик. Уселись в его кузов, прижались тесно и так понеслись сквозь ночь — по городу, по берегу Невы, легко и свободно катившей свои волны...

1943

24 ИЮЛЯ. Снаряд, попавший в трамвай на Литейном мосту, убил 6 человек и ранил 20 человек.

Слава Провоторов, 8 лет

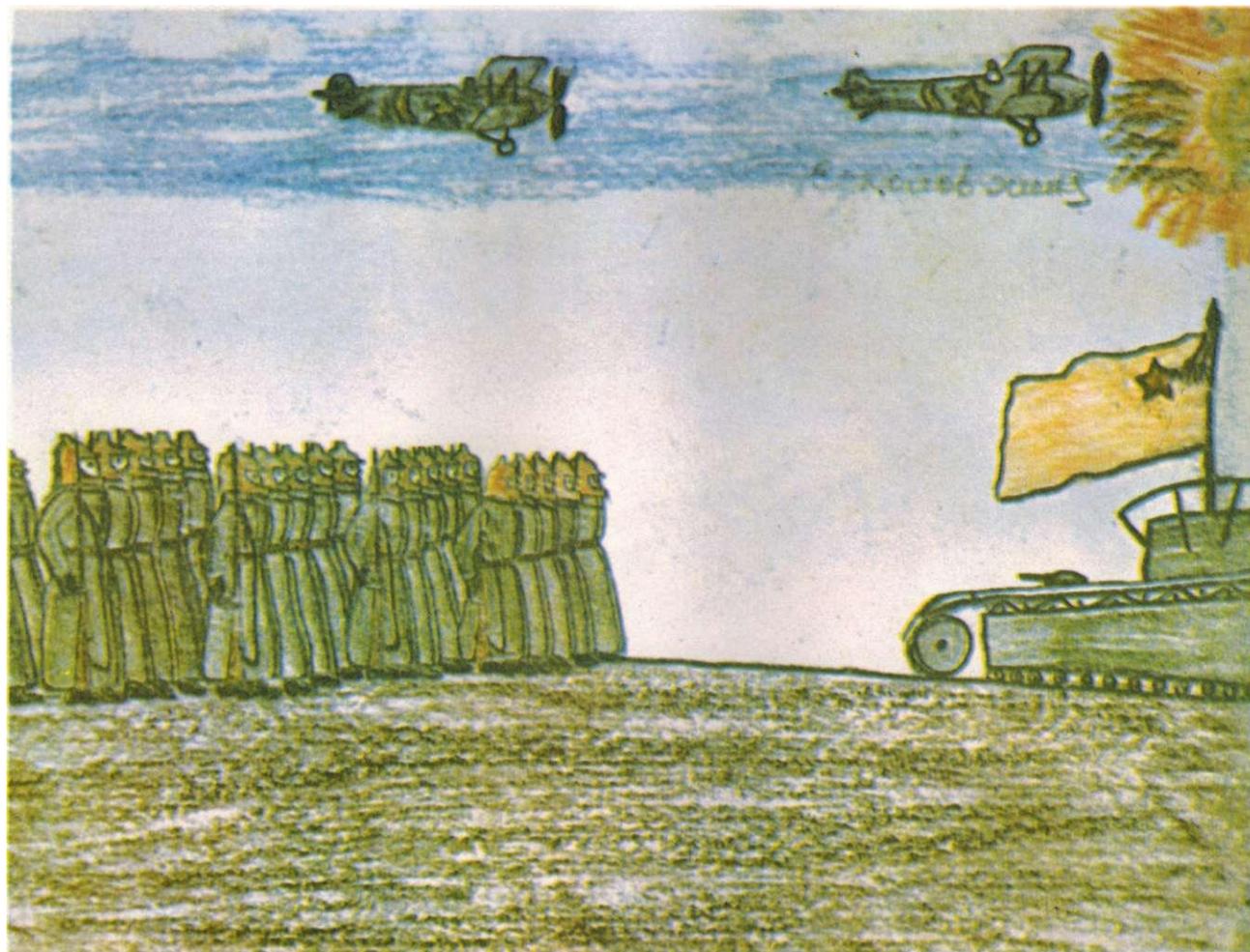

Юра Бочкарёв, 5 лет 6 месяцев

«Наши наступают».

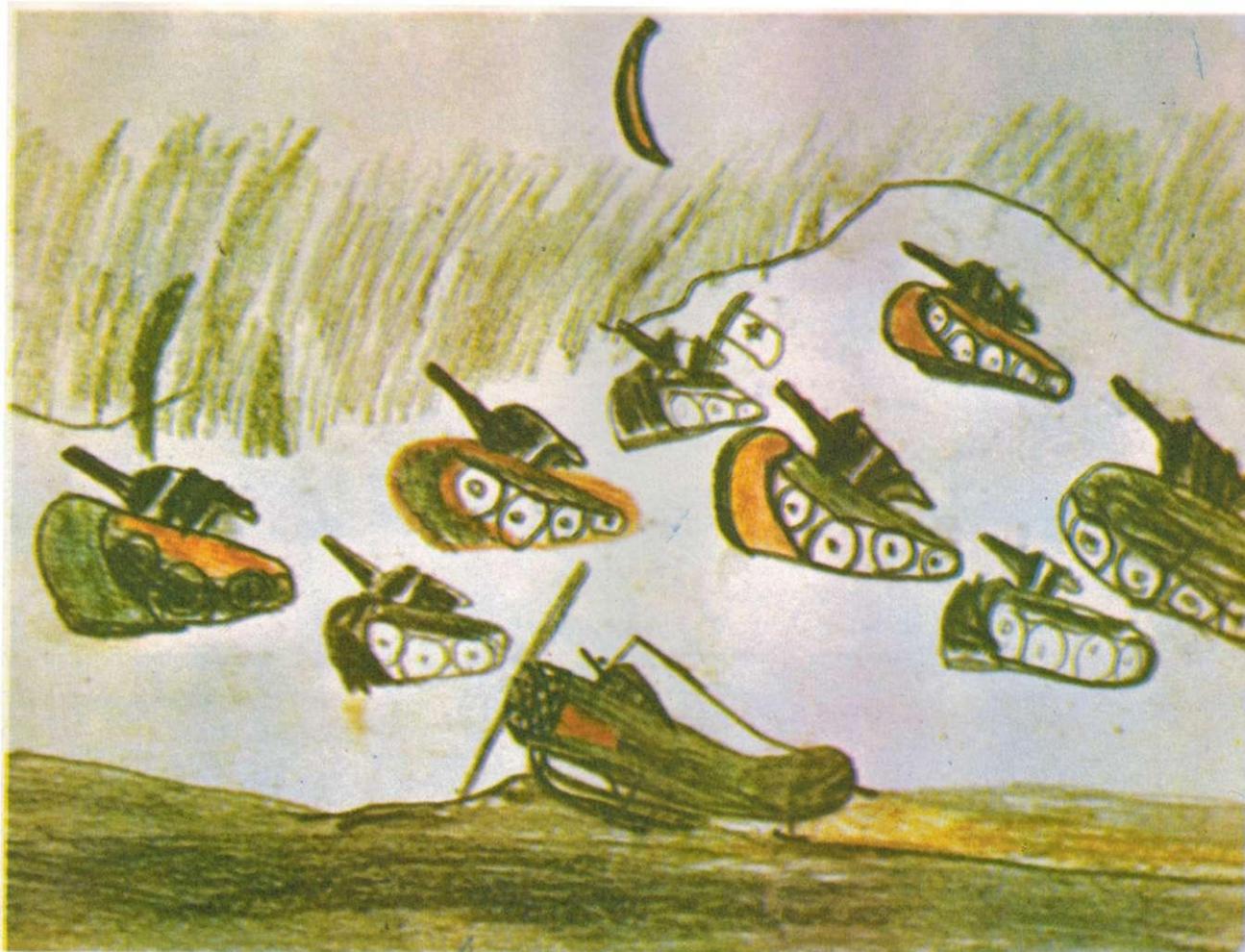

Геня Дюдяков, 8 лет

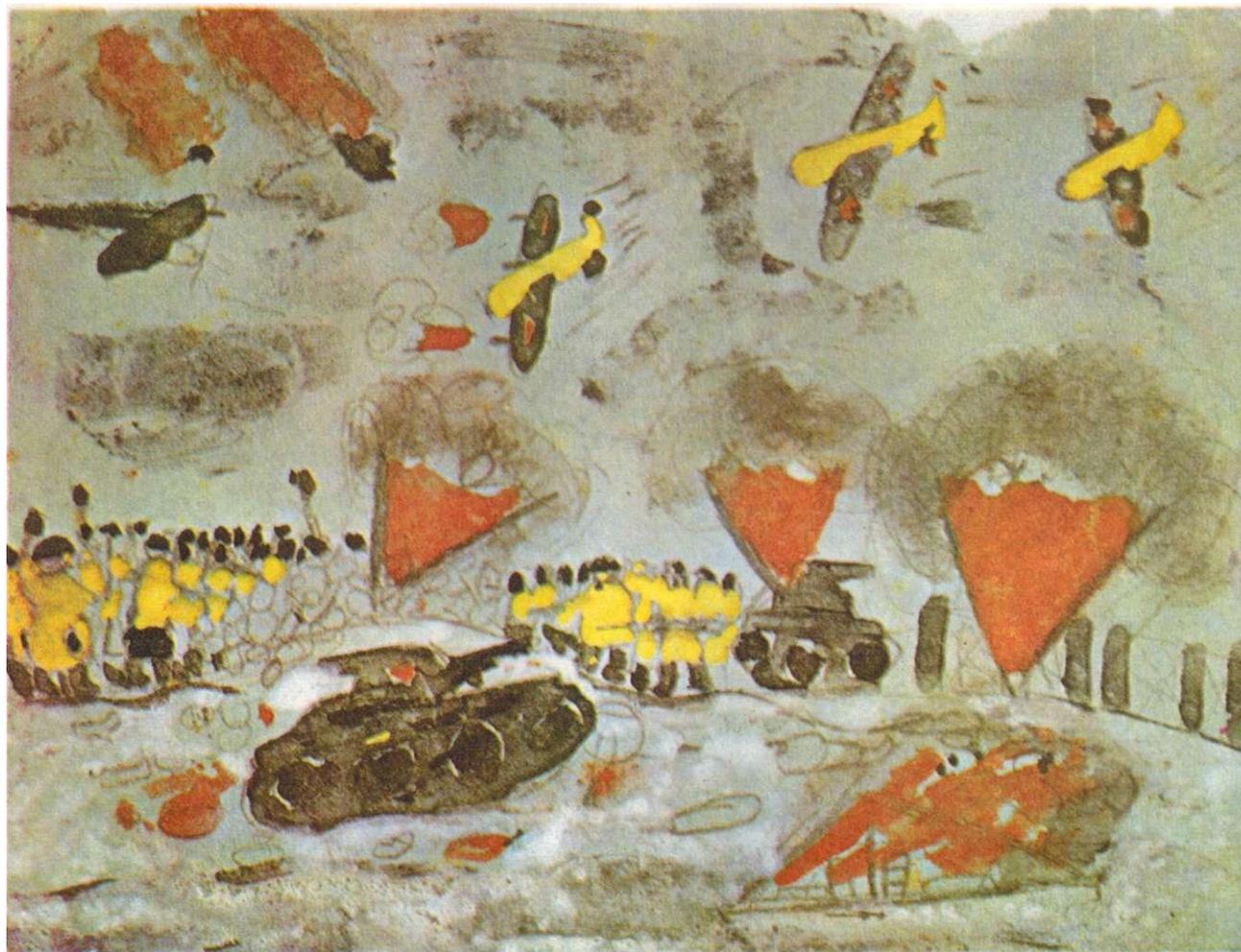
Женя Соколов, 10 лет

«Хочу быть танкистом и идти впереди пехоты...»

Вова Паршаев, 7 лет

«Танки идут в бой».

Валя Яковлев, 7 лет 5 месяцев

«Сейчас наши бойцы прогонят немцев, и мы прорвем блокаду. И война кончится».

Вова Сизов, 9 лет

*«Поднялись метели,
Ветры налетели,
Немцы испугались,
В блиндажи забрались».*

Ира Баскакова,
9 лет

Анелла Кручинина, 7 лет

Павел Шубин,
военный корреспондент
Ленинградский фронт

НА НАШЕМ УЧАСТКЕ

О нас не печатают сводок,
Здесь нет даже «местных» боев;
Здесь только котел небосвода
Клокочет огнем до краев.

Под рваным, свистящим, ребристым
Металлом, гуляющим тут,
Оглохшие, злые связисты
Катушки свои волокут.

И пот заливает глазницы
И, солью осев на губах,
Сереет сквозь копоть на лицах,
На швах заскорузлых рубах.

Но ярость атаки пехотной
Идет сквозь разгневанный ад;
За желтой речонкой болотной
Немецкие танки горят.

Визжат головастые мины,
Колышется пыльная мгла;
Синей развороченной глины
Разорванных немцев тела.

Предполем, по самые шеи
Влезая в болотную грязь,
К ослепшим немецким траншеям
Пехота уже прорвалась.

Прыжками, подобно прибою,
Стремящемуся на песок,
Она заполняет собою
Иссеченный в щепки лесок;

Все дальше, все шире в упрямом
Стремленье железных рядов,
По взорванным дзотам, по ямам,
По темным провалам ходов.

И снова шрапнель и фугаски,
И пишет корреспондент:
«Сегодня на нашем участке
Событий существенных нет».

*1 августа 1943 года
Юго-восточнее Мги*

Сергей Орлов,
командир танкового взвода
Ленинградский фронт

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

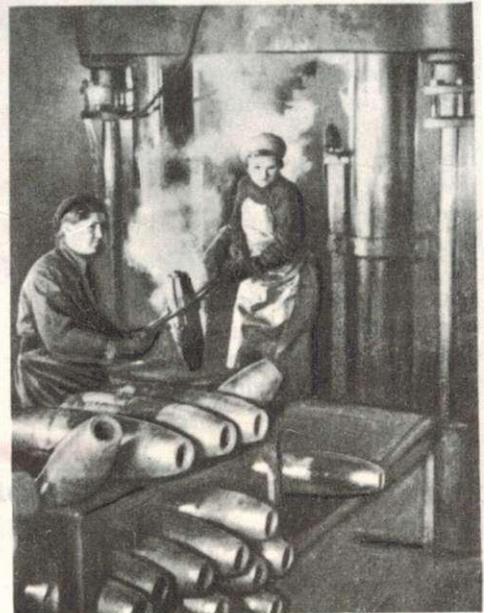
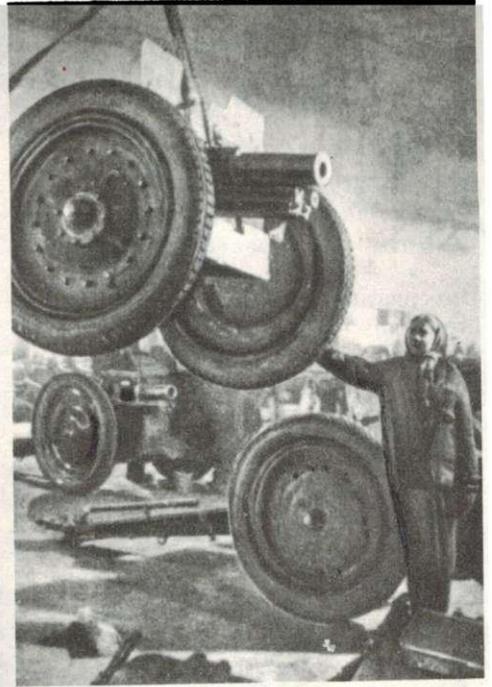
Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели: товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.

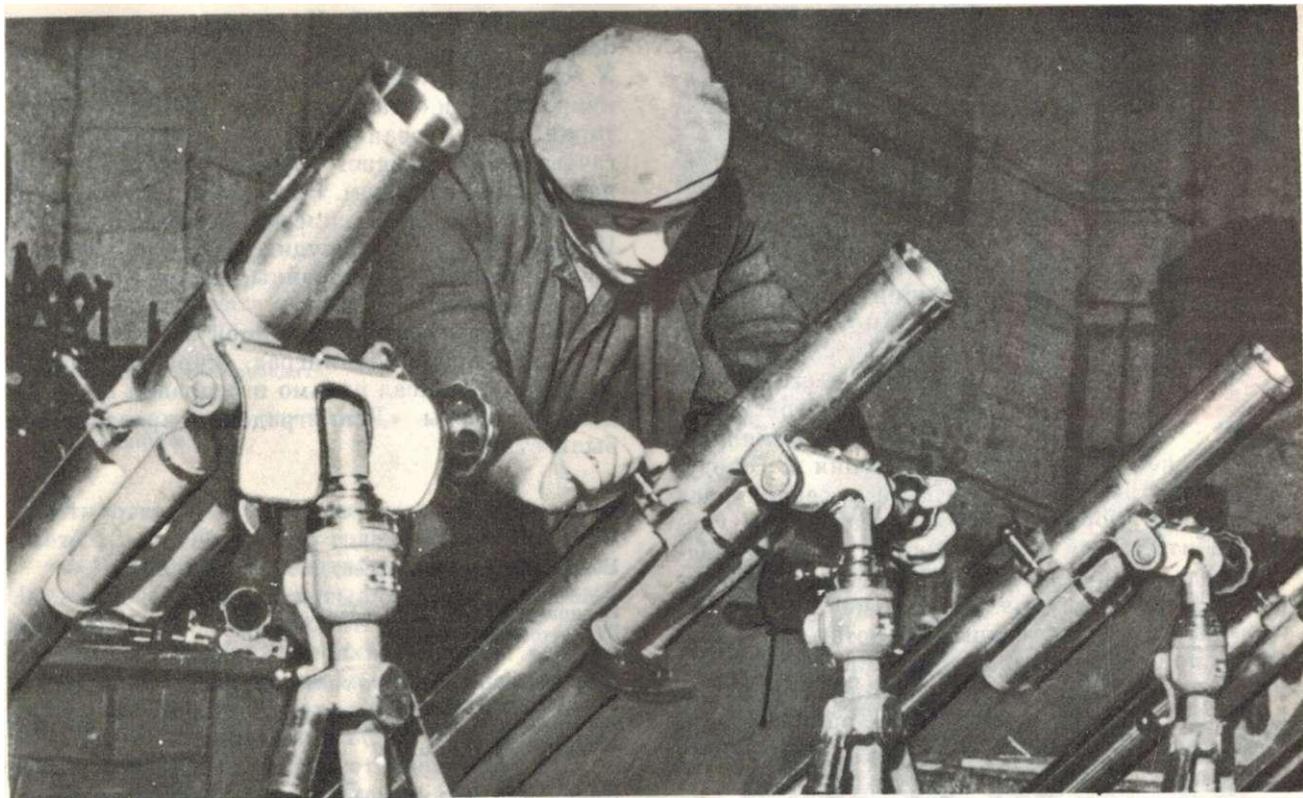
На лес, поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищуря,
Без кепки, в черном пиджаке.

Гвардейской клятвы нет вернее,
Взревели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпрее
Тяжелый гусеничный гром.

Он знамя пес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаки лично вел меня.

25 ИЮЛЯ. Новый подвиг на Синявинских высотах. Уничтожив гранатами два вражеских дзота, старший сержант Султан Баймагамбетов третий дзот закрыл своим телом.

Они заменили мужей и братьев.

Еще одно орудие, сделанное рабочими Кировского завода в январе 1943 года.

В цехи пришли подростки.

Снаряды для фронта.

Производство минометов.

И стар и млад трудились, выполняя заказы фронта.

Не хуже старого мастера.

Э. Корольчук,
политработник
В годы блокады
жила в Ленинграде

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ ЧИСТОВ И ЕГО ПЕРЕПИСКА

ростая история. И вместе с тем необыкновенная...

Зенитная батарея, где командовал орудием старший сержант Александр Чистов, стояла на подступах к Ленинграду, охраняя его от воздушных налетов врага.

Позиции менялись.

Всё ближе и ближе подходили они к городу.

Зимой 1941/42 года батарея передвинулась к больнице Фореля. В этом месте немцам удалось вбить самый глубокий клин в оборону Ленинграда, проникнуть на территорию самого города. Зенитчикам приходилось не только преграждать путь вражеским самолетам. С начала войны до октября 1943 года батарея сбила 7 немецких самолетов, подавила 11 минометных батарей и 5 батарей дальнебойных орудий врага. Зенитчики разрушали землянки противника, поджигали его склады.

Когда расположение батареи становилось известно врагу, позиция менялась. После дежурства на батарее утомленные бойцы принимались за тяжелую работу. Они разжигали костры, прогревали мерзлую землю и рыли траншеи в другом месте.

Проходило несколько ночей в этой изнуряющей работе, и орудия батареи стреляли по врагу уже с новой позиции.

Почту на батарею приносили обычно вечером. Никто не ложился спать, пока не появлял-

ся связной с почтой. Не ложились спать и те бойцы, которые писем никогда не получали. У ефрейтора Клейщика родные не успели эвакуироваться и остались в Белоруссии, на территории, оккупированной врагом. У ефрейтора Пугачева, бойца соседнего орудия, родные тоже попали в плен к немцам. Клейщику и Пугачеву не от кого было ждать писем. Комсомолка Надя Исаева обошла все орудия и узнала, что и в других расчетах есть бойцы, никогда не получающие писем.

От имени всех этих бойцов зенитной батареи, охранявшей Ленинград, старший сержант А. Чистов написал письмо и отправил его в редакцию газеты «Ленинградская правда». Это были стихи:

ПРОСЬБА

Подходит вечер фронтовой,
Вдали баян поет,
И вновь веселый наш связной
За почтой в штаб идет.

Вернется он, — никто не спит,
Бегут скорей встречать.
Он улыбнется, поглядит:
— А ну, кому плясать?

И всем, кто ждет уж много дней,
Вручает наш связной
Письмо от матери, друзей,
От девушки родной...

Но нет любимой у меня,
Никто не шлет привет...
А сердце все же не броня,
Грущу, что писем нет.

Девчата родины моей,
Чтоб в яростной войне
Я стал к врагу в три раза злей,
Пишите письма мне!..

1943

31 ИЮЛЯ. В Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина открыт еще один читальный зал.

3 АВГУСТА. Во время артобстрела убито и ранено 70 человек...

Я сразу всех девчат прошу, —
Ведь просьба не трудна, —
Я думаю, раз всем пишу,
Ответит хоть одна...

А если сразу получу
Штук двадцать пять подряд,
Друзьям своим тогда вручу,
Которые грустят...

Пишите, девушки; в бою
Нам ласка дорога.
Мы вспомним вас, когда в строю
Пойдем громить врага...

Идем мы в бой, чтоб победить,
И недалек тот час:
Мы вновь, как прежде, будем жить
И вновь обнимем вас.

Стихотворение Чистова было напечатано в газете 12 сентября 1943 года.

— Пятнадцатого сентября, — рассказывает Чистов, — приходит посыльный с вешевым мешком, смеется и говорит: «Вам что-то сегодня много писем». Вытряхнул мешок. Оттуда посыпалась груда писем, и все — мне. Сперва было даже трудно поверить, что все эти письма — ответ на мою «Просьбу». Я читал их до шести часов утра, не мог оторваться.

На следующий вечер, когда все, кроме дежурных, начали готовиться к отдыху, командир орудия сел поближе к коптилке, чтобы продолжать вчерашнее занятие. Много писем оставалось еще непрочитанными. Но тут в землянку вошел связной с большим вешевым мешком.

— Вам тут почта, — сказал он.

На этот раз корреспонденция была связана в пачки, а под шпагатом лежала записка работников полевой почты: «Уважаемый товарищ Чистов! Желаем вам с успехом прочесть все это и ответить...»

В пачках было 277 писем. На следующий день пришло 275 писем, потом 172, 188... За несколько дней Чистов получил 2806 писем!

В первые дни приходили письма из Ленинграда, потом стали поступать письма из Ленинградской области и из более далеких районов. Писали с Урала, из Сибири, из Казахстана, из

Алтайского края, из многих других мест — со всех концов советской земли.

Комсомольская организация полка взяла на себя учет корреспонденции Чистова. Письма читали бойцы всех орудий. Впоследствии комсомольцы раздали часть этих писем бойцам, потерявшим родных. Бойцы, не получавшие писем, брали у Чистова адреса и заводили переписку с новыми друзьями.

Всем своим корреспондентам ответить письменно Чистов, конечно, не мог. Он это сделал по радио в годовщину комсомола.

«Спасибо, товарищи, за внимание, за ласку, — сказал Чистов у микрофона. — Даю вам слово, что зенитчики, в особенности комсомольцы, будут беспощадно бить фашистские самолеты. Мы закроем наш родной, любимый Ленинград огненным, непроходимым кольцом».

«Воин Красной Армии не может быть одинок — вот о чем говорят авторы всех писем», — писал Чистов 1 октября 1943 года в газете «Ленинградская правда», посвятившей целую страницу переписке Чистова под заголовком: «Боец, с тобою Ленинград, с тобою вся страна».

Тысячи женщин Ленинграда откликнулись на «Письбу» воина.

«Товарищ Чистов, в нашей прекрасной стране нет одиноких людей, — писали Чистову работницы одного из заводов Ленинграда. — Будь то завод, школа, фронт — везде есть коллектив, семья советских людей, спаянных одними и теми же высокими задачами и целями».

Оля Матвеева, 12-летняя школьница, обратилась к Чистову: «Я не знаю, кто вы. Но я знаю, что вы защищаете нашу Родину и наш любимый город Ленинград, а этого достаточно для того, чтобы мы могли быть друзьями».

Чистову пишет жена героя, погибшего в боях за Ленинград. Она просит отомстить врагу за мужа. Пишет старуха мать, у которой сын пропал без вести: «Дорогой сыночек, пусть я буду мать советскому герою, который мстит за сына гитлеровским гадам».

Многие письма напоминают рапорты бойцов. Девушки-лесорубы, торфяницы, работницы заводов сообщают Чистову, о том, что выполняют норму на 200 и 300 процентов.

Письмо в стихах прислала и школьница Ляля, ученица 4-го класса:

**«Дорогой боец советский,
Я письмо тебе пишу.
Очень, очень, очень крепко
Об одном тебя прошу:
Не скучай,
Не унывай,
Больше немцев убивай!»**

«Не забудьте, что ленинградские пионерки всегда с вами» — так кончает девочка свое письмо.

Теплое, жизнерадостное, бодрое письмо написали Чистову «три девушки с Васильевского Острова»:

«Не грустите, друзья, придет время, когда вы вернетесь к нам с победой, а мы, встречая вас, на улицах и площадях шагая с вами в ногу, будем петь о вашем героизме.

И тогда, как и прежде, вновь по счастливому и всегда свободному городу Ленину разольется звонкая песнь о счастье русского народа, которого никому не завоевать, и вновь слова нашей любимой песни «Кипучая, могучая, никем не побеждаемая» будут звучать, как символ нашей победы».

1943

15 АВГУСТА. Начался розыгрыш кубка Ленинграда по футболу. Участвуют 18 команд.

17 АВГУСТА. На город сыплется шквал снарядов — более 2 тысяч. Пострадало 144 человека.

Иван Виноградов,
младший политрук
саперной роты
Ленинградский фронт

НЕМАЯ АТАКА

(Из книги «Потери
один человек...»)

ВЗРЫВ

ам сказали: «Надо взорвать немецкий дзот». Обвели его красным кружком на карте. Потом показали на местности — с инженерного наблюдательного пункта. Сказали: «Смотрите хорошенько и запоминайте дорогу к нему. Сами понимаете, прямо в лоб ползти опасно. Справа — не подступишься: там близко окопчик немецкого боевого охранения. Слева — тоже трудновато: там проволока с консервными банками. Так что надо не в лоб, не справа и не слева, а этак чуть-чуть слева, где разрыв в сплошном проволочном заграждении прикрыт рогаткой. Через эти ворота немцы выпускают в нейтральную зону своих саперов и разведчиков. Все ясно?» — спросили вас.

И оставили на НП. Дескать, посидите пока что здесь, понаблюдайте за немецким передним краем. Проложите мысленно к дзоту дорожку и мысленно проползите по ней. Проползите не раз и не два, заучите ее наизусть, как стихотворение «Кавказ подо мною...». Ясно теперь?

В день перед выходом на задание вы получаете двойную порцию водки, хотя никто, конечно, и не думает выпивать ее. Все оставляется на тот случай, если ранят. Тогда это необходимо. Тогда против глотка водки или спирта не возражают даже медики.

И вот вы идете знакомой-знакомой фронтовой дорогой, по которой хаживали днем, и под вечер, и на рассвете. Пожалуй, никому из вас еще не довелось столько ходить по заветной дорожке на свидания, сколько ходили по этой. Здесь все такое привычное, что уже и не видишь, не замечаешь ничего, только отмеряешь где-то в подсознании, сколько прошел. И вообще ты весь уже где-то там, впереди, между нашими траншеями и этим проклятым дзотом. Иногда ловишь себя на том, что уже ползешь. Мысленно ползешь. И руки ощущают землю, а к щеке прикасается сырая ночная трава.

Может быть, поэтому выход в нейтральную зону не кажется чем-то исключительным. До первой ракеты вы даже не ползете, а бредете согнувшись, словно мулы какие-нибудь. Такие же молчаливые. Такие же выносливые. Но более осторожные.

Первая же ракета бросает вас на землю. Дальше только ползком. Дальше промеряете землю на старый манер — локтями. Приглаживаете ее животом. И чем ближе к дзоту, тем спокойнее. Ваше беспокойство передается к немцам. Дзот вдруг начинает стрелять. Глухой, подземный стук пулемета, отчетливое пение пуль.

Неужели заметили?

Вы лежите и ждете. Никто не знает, чего тут можно дожидаться. Автоматы на всякий случай держите перед собой.

Немцы опять принимаются стрелять...

Заметили или просто чувствуют? Фронтное суеверие утверждает, например, что человек предчувствует свою смерть. Может, и пулеметчик этот...

Передние уже подползли к рогатке. Там кто-то приподнялся, пробует ее плечом. Затем встает в рост и осторожно отодвигает в сторону этот

28 СЕНТЯБРЯ. Новый артобстрел - 736 снарядов.

1 ОКТЯБРЯ. Начался учебный год у старшекласников, вернувшихся с полевых работ.

черный скелет, окутанный ржавой колючей проволокой. В немецкой военной окрестности образовался проход.

Те, что разминировали проход и отодвинули рогатку, возле нее и остались, залегли. Теперь очередь группы подрыва. Те, что со взрывчаткой, и ты, главный подрывник, — вперед! Вперед, в свою безмолвную атаку.

Ты всползаешь на холмик, под которым живут какие-то люди. От трубы пахнет дымком. Через нее слышны глухие подземные голоса. Как из могилы... Собственно, это и будет их могила, если вас не перебьют раньше. Братская, хорошо построенная могила.

Ребята сложили свой груз — пакеты взрывчатки — на крыше дзота и отползли в стороны — охраняют тебя своими нацеленными в ночь автоматами. В пакетах — молчаливая до поры, темная сила. Торопливыми, нервными, но какими-то всепонимающими руками ты, оказывается, уже достал из-за пазухи зажигательную трубку. Нашупал отверстие в запальной толовой шашке. Очень осторожно — теперь руки не торопятся — вставляешь капсюль-детонатор в круглое, как для карандаша, отверстие.

Капсюль-детонатор — это белая алюминиевая трубочка с несколькими каплями гремучей ртути на доннышке. Это зачинатель взрыва, первый толчок детонации, той невидимой и труднообъяснимой силы, которая словно распирает взрывчатку изнутри и разрешается взрывом. А гремучую ртуть поджигает и «пробуждает» бикфордов шнур, вставленный в трубочку и прихваченный, чтобы не выпал, обжимом. Его отмерено по сантиметру на секунду. Отмерено ровно столько, чтобы успеть отбежать на безопасное расстояние...

Ты нащупываешь свободный, косо срезанный конец бикфордова шнура, а вторая рука

уже подводит к нему длинную саперную спичку, которая вся покрыта зажигательной смесью. Надо теперь только оглянуться, куда бежать... И тут ты опять слышишь через трубу, как там, под холмиком, кто-то протяжно зевает и что-то говорит. Чего доброго, вспоминает свой дом проклятый фриц.

Ты прижимаешь спичку к срезу шнура и проводишь по ней шершавой теркой. Слегка вздрагиваешь от шумного, искристого, почти без пламени, горения.

Едва убедившись, что шнур горит, ты бежишь сломя голову туда, куда только что оглядывался, — к проходу в проволоке. Бежишь, и кто-то внутри тебя считает: одиннадцать, двенадцать, тринадцать. Потом с ходу валишься наземь, прямо в какое-то болото, в грязь. Видишь кого-то из своих ребят...

Взрыв вырывает кусок ночи, на мгновение освещает какие-то яркие, резко запоминающиеся детали фронтового пейзажа. Взрывная волна толкается в уши. И потом, уже в полной, ослепленной темноте, с шумом разлетаются и шмякаются в болото глыбы поднятой земли, бревна перекрытия.

Теперь — бежать. Бежать, пока хватит духу. Бежать, пока не залаяли по всему участку пулеметы и автоматы. Пока не ноют над головой мины, летящие по высокой траектории. Немцы будут делать все, чтобы отрезать группе пути отхода. Весь огонь их переднего края будет обрушен сюда.

Но это уже огонь бессилия.

Огонь силы сработал там, на крыше дзота.

В траншее кто-то обнимает тебя, кто-то дает закурить, потому что все знают: у тебя сейчас дрожат руки, тебе не свернуть самокрутку. Ты достаешь длинную саперную спичку... И вдруг слышишь глухой подземный голос, уже зна-

1943

14 ОКТЯБРЯ. Ленгорисполкомом принято постановление о генеральном плане восстановления Ленинграда и план восстановительных работ первой очереди.

комый, как голос соседа по землянке. О чем он там пролопотал, этот немец?

Ну да все равно теперь...

Ты тянешься к своей фляжке, чтобы сделать глоток, который полагался бы тебе раненному.

Ты жадно куришь.

Тебе хочется спать и ни о чем не хочется говорить... и хорошо бы ни о чем не думать.

НЕВСКАЯ КУПЕЛЬ

...А теперь представьте себя лежащим в реке — так, чтобы над водой оставалось только лицо. Вы лежите в ней час, два, три... пять... восемь... двенадцать. Лежите, почти не двигаясь, потому что над вами, на высоком берегу, сидят в окопах немцы и теперь, после высадки десанта, особенно внимательно глядят на воду. Чуть что заметят — бьют из автоматов. Вы их совершенно не видите — они у вас, так сказать, в изголовье, — и это еще страшнее. Если бы видеть, может, удалось бы выбрать время и хотя бы перевязать на ноге рану. Может, удалось бы даже переползти под берег, а там и перебраться к своим на «пяточок», который, судя по звукам боя, все еще героически существует. Там работают наши «максимы».

Становится все холоднее. Вода в Неве никогда не бывает теплой — это вы помните еще по довоенным летним дням, когда можно было купаться в ней. Теперь же конец августа, по ленинградским понятиям — почти осень. И здесь, у Ивановских порогов, на быстрине, вода еще холоднее, чем всюду. От нее можно превратиться в рыбу или стать русалкой с холодной кровью. Русалкой в солдатском ватнике...

Лето кончается, а дни еще такие длинные. Солнце вот уже сколько времени почти не

двигается. Как остановилось гам, за головой, так и стоит.

С берега стреляют...

Может, они увидели, что я запрокидываю голову, шевелюсь?

Может, мне и на солнце нельзя взглянуть?

Но совсем зажмуриться — страшно. Хотя бы маленькую щелочку оставлять надо обязательно, иначе действительно не заметишь, как уснешь, превратишься в большую раненую рыбу.

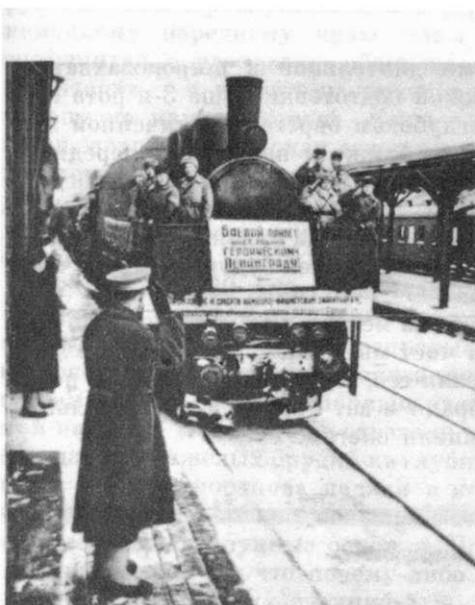
Издали, от наших, прилетела на этот берег большая очередь снарядов, и дно реки отозвалось на нее частыми, упругими толчками. Это, конечно, «катюша». Стало как будто чуть-чуть потеплее. Чуть-чуть.

В щелочку между веками, иод неподвижно застывшими ресницами, видно, как движется перед самыми глазами широкая белесая вода, и видна полоска правого берега Невы — нашего берега, далекого, как мираж. Там зеленый лес, почти не тронутый снарядами. Какой-нибудь наблюдатель смотрит сейчас сюда и даже не подумает, что тут в холодной воде лежит русская сандружинница и не может ни встать, ни пошевелиться. Лежит с самого рассвета, когда спрыгнула с катера, непроходимо запуталась в плотной воде и упала в нее. Хорошо еще, что упала на спину...

Немцы встретили катер с десантниками издали, открыв торопливый нервный огонь, но потерь тогда никаких не было. Над Невой курился туман, и катер то и дело скрывался в нем, сбивая немцам прицел. Потом какой-то особенно быстрый катер помчался впереди и оставил за собой непроглядную и вонючую дымную стенку. Немцы стреляли уже совсем наобум. Но когда катер ткнулся носом в песок

17 ОКТЯБРЯ. Последний налет фашистской авиации на Ленинград. Сброшено 90 зажигательных бомб. Пожары быстро ликвидированы. Прорвался один-единственный стервятник.

Пошла на прорыв пехота.

Командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров вручает гвардейское знамя командиру дивизии И. П. Симоняку. 1943 год.

Они хотели войти в Ленинград, и они вошли, но не так, как думали.

Первый поезд с Большой земли — большая радость.

О. Ф. Берггольц за работой. 1943 год.

и саперы стали прыгать с него в воду, немцы ударили из автоматов почти в упор. Нагловатые и ругливые моряки-катерники высадили саперов почти в нейтральной зоне между нашими и немцами.

Саперы шли по пояс в воде и по шею в тумане. Шли каждый с ношей — с минами, гранатами и патронами — и словно бы с гириями на ногах.

Некоторые вдруг скрывались в тумане — или пригибались под пулями, или оставались навсегда в воде. Никто, правда, не вскрикнул.

Дина несла перед собой па руках (чтобы не замочить) санитарную сумку и однажды почувствовала, как в сумку ударила пуля. Вторая, уже ближе к берегу, ударила в бедро...

Вот как тут было у пас, наблюдатель! Расскажи все это своим товарищам и командирам. Расскажи — и больше ничего не надо.

Я — сандружинница из 1-й роты 325-го отдельного армейского инженерного батальона, сокращенно — ОАИБ. Меня зовут Дина Андреева. Я жила в Ленинграде и добровольно пошла на фронт. И вот уже второй год на фронте. Второй год на фронте и первые сутки в воде. Наши ребята, кажется, добрались до берега и теперь, наверное, хмипируют «пяточок». Для того их сюда и прислали. А меня — для того чтобы их перевязывать и вытаскивать из-под огня... Может быть, кто-то из них уже ранен, истекает кровью, а я вот... прохлаждаюсь тут.

Солнце над моей головой совсем не движется и, конечно, без движения тускнеет. И мое тело без движения отвердевает. Пальцы по привычке ещежимают рану, но уже становятся равнодушными и непослушными. Тело остывает, бледнеет, становится и впрямь русалочьим. Появляется какой-то Змей Горыныч и дробно стучит зубами. А я перед ним — голая.

Нет, нельзя закрывать глаза! Нельзя!

Самое главное — не закрывать глаза, не засыпать, дожидаться темноты. Спать люди должны только ночью, в темноте...

Ночью к берегу осторожно подошел небольшой катерок за ранеными. Он вывез и Дину Андрееву, которая уже почти засыпала в воде. Ее отогрели водкой и растиранием, перевязали ногу.

Но говорят, даже в госпитале она все еще не верила, что выбралась, и очень удивлялась, что вокруг нее не вода.

Потом она вернулась в батальон, но на лице ее так и осталось как бы запечатленное удивление. Осталось навсегда.

Оно было на ее лице и в тот июньский день сорок четвертого года, когда ее похоронили на Карельском перешейке. 2 года спустя после невской купели.

НЕМАЯ АТАКА

Все время длительной и широкозахватной артиллерийской подготовки паша 3-я рота просидела в неглубоком овраге па «ничейной земле», несколько ближе к немецкому переднему краю, чем к нашему. Мы пришли сюда перед самым рассветом, вырыли в снегу окопчики или просто расположились на склонах оврага и около своих бревен — деталей будущего моста через реку Многа.

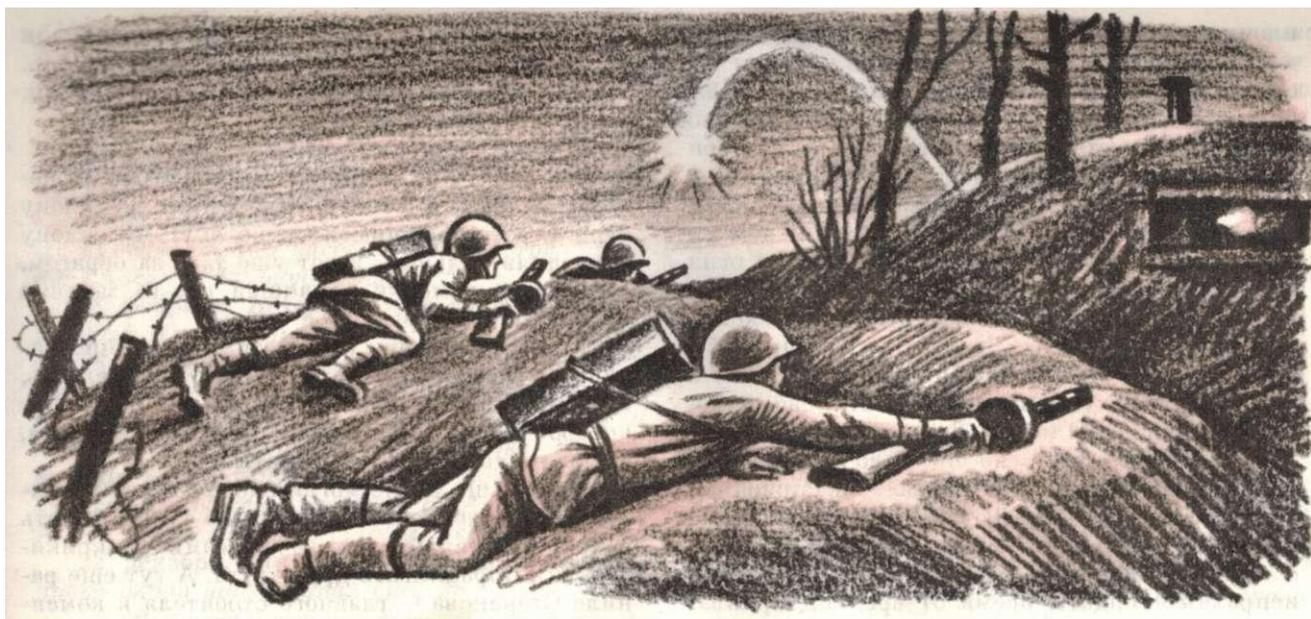
Река эта была метрах в двухстах от нас, вниз по оврагу, а мост мы заранее заготовили в лесу, пробно собрали его, подогнав все детали, потом опять разобрали и вот привезли в нейтральную зону, присыпали снегом.

1943

4 НОЯБРЯ. В городе разорвалось 270 снарядов.

5 НОЯБРЯ. Началась перевозка на Ораниенбаумский плацдарм войск и техники 2-й ударной армии.

Еще 300 снарядов обрушилось на город.

Мы сидели тихо и смиренно, чтобы не обнаружить себя. Прислушивались к затаившемуся немецкому переднему краю — там проходила знаменитая, первоклассно оборудованная линия «Пантера» — и к густому, почти ярмарочному гомону на нашей стороне. Было слышно, как наши завтракали, шаркая ложками по котелкам, как переговаривались или переругивались между собой, что-то не поделив.

Засмеялся солдат в нашем окопе — и то было слышно.

В 8 часов 20 минут началась обработка «Пантеры» огнем и металлом. Работали все калибры. Это было время непрерывного гула, широкого и окладистого, пронизанного резкими визгами низко летящих снарядов из орудий прямой наводки. Немцы тоже отвечали методичными ударами тяжелых орудий из глубины. Какие-то из этих «чемоданов» падали в нейтральной зоне, поблизости от нас, колыхая землю и далеко разбрасывая крупные осколки. Вообще, нам доставалось все то, что почему-либо не долетало до тех или других позиций.

Но вот кто-то негромким, почти счастливым голосом вскрикнул:

— Смотрите, смотрите, идут!

Многое можно увидеть на войне, только не атаку своих, наступающих прямо на тебя. Поэтому я тоже высунул голову из оврага, закрепился на склоне носками валенок и коленями. И увидел, как из низкорослых кустиков на всем видимом вправо и влево пространстве поднимаются и вытягиваются в нестройную цепь наши пехотинцы, одетые кто во что. Большинство было в шинелях, одинаковых по цвету с серым кустарником, но между шинелями попадались и подзабитые, тоже сероватых оттенков, армейские полшубки, встречались и ватники, более удобные для движения, чем шинель или полушубок. Двух небольшие группки, — очевидно, разведка — были одеты в белые маскхалаты. И все это великое множество людей не быстро, с неправдоподобным, неестественным спокойствием (по крайней мере, так выглядело с расстояния), деловито шагало по ломкому, изрядно подточенному весенней сыростью насту, гоня перед собой знобную волну. Они не бежали, как принято в атаке, — они просто шли, поскольку до немецких траншей было здесь далековато, шли каждый своей походкой, несли в руках и на

плечах каждый свое оружие — винтовку, автомат, ручной пулемет, — волокли по снегу катки станковых пулеметов или тащили на себе трубы и плиты минометов. За первыми рядами, словно бы под их прикрытием, катили по снегу свои пушки полковые артиллеристы. Работа — не позавидуешь!

Кажется, никто не стрелял — ни немцы, ни наши. Может, это было время переноса огня или что-то непредусмотренное, но во всяком случае была такая минута, когда все вокруг словно бы онемело и осталось только движение, я бы сказал — шествие безмолвных масс. То есть там, внутри этой движущейся, неоглядно широко растянувшейся массы, произносились какие-то недлинные слова, но не было обязательно ожидаемого «ура», не было ожесточенной стрельбы. Некоторые люди в цепи падали, но выстрелов слышно не было, стрельба велась с как бы выключенным звуком. Некоторые исправные солдаты время от времени прикладывали винтовку к плечу, и тогда перед дулом вспыхивал огонек, но опять же без звука.

Немая атака...

Первым появился на краю нашего оврага солдат с несколько ошалелым взглядом. Увидев нас, он приостановился, дернул затвор автомата, изготовился...

— Мы — свои, мы — саперы! — закричали наши девушки, первыми осознавшие опасность. Ошалелые глаза автоматчика что-то поняли. — Саперы... в-вашу...

И пошел дальше.

И пошли, пошли другие, тяжело дыша, тяжело проваливаясь в снег. Они сбегали по склону оврага, затем поднимались по другому склону и уходили дальше... и вот уже там, за оврагом, на виду у немецких траншей кто-то затаил негромкое и прерывистое «ура».

Кажется, именно после этого звуки прорвались, пробились сквозь ватную онемелость, и возникло неизбежное ожесточение стрельбы, которое бывает при сближении противников, стали рваться ручные гранаты.

Но больше мы не могли наблюдать за другими и прислушиваться. Надо было самим бежать к реке с бревнами на плечах, самим покрикивать и поторапливать друг друга. А тут еще ранило Степанова — главного строителя и коменданта переправы, рядом с которым было так спокойно мне, его замполиту. Теперь же все его заботы и ответственность приходилось взять на себя. И мир, продолжая грохотать, сузился до того десятка метров реки, которые надо было перекрыть мостом для танков. На переправе видишь только переправу...

1943

11 НОЯБРЯ. В город прибыла делегация из Киргизии. Она сопровождает присланный в дар ленинградцам железнодорожный состав с продуктами. Гости привезли также индивидуальные подарки лучшим воинам Ленинградского фронта и личному составу подшефного линкора «Октябрьская революция».

СТРОКИ

ПО ЖЕЛТЕВШИХ СТРАНИЦ

20 сентября 1943 год. Учащиеся получили благодарность от завода «Красная заря» за сбор металлолома.

12 октября. В 17 часов начался обстрел района. Сидели в бомбоубежище.

28 февраля. Вечер 5—10-х классов, посвященный Красной Армии.

16 октября. В 5 часов начался обстрел. Первый снаряд попал в школу. Убиты два преподавателя — *Елизавета Алексеевна Николаева* и *Надежда Владимировна Владимирова*, грузившие дрова во дворе. Погибли девочки первого класса. Контужены учителя *В. А. Густрова* и *А. П. Пескова*. Ранен сторож школы.

22 декабря. За пять минут до окончания урока около школы упал снаряд.

(Из дневника пионерской дружины 105-й школы)

КАК МЫ СТАЛИ ТИМУРОВЦАМИ

...Сначала мы только помогали школе. Нужно было сделать плиту для школьной столовой. Мы принесли 800 кирпичей и 32 ведра песка. Понадобился методический кабинет, а учебные пособия находились в другой школе, временно не работавшей. Мы перенесли на руках все карты, таблицы, пособия, учиться стало интереснее. Мы оборудовали пионерскую комнату.

Настала зима. Дрова для школы довели на трамвае до площади и сгрузили их там. На детских саночках, на плечах, волоком перетаскивали дрова в школу, а было их 150 кубометров. Мы помогли их пилить, складывать. Тепло, хорошо стало в классах. Вот тогда мы и подумали: нам-то тепло, а каково тем, кто не может привезти себе дров. Тогда мы пошли в райком комсомола и сказали, что хотим помочь семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны. Так у нас образовалась тимуровская дружина. Мы доставали ордера, получали на складе дрова и отвозили на дом семьям фронтовиков. Трудно было везти: и сыро, и скользко.

а подумаешь, что людям на фронте несравненно труднее, и поклажа кажется не такой уж тяжелой. У нас есть свое подшефное домохозяйство. Недавно мы обработали для него земельный участок. Вся эта земля поделена между живущими в доме семьями фронтовиков, которым не под силу было самим вскопать себе огороды...

Начальник тимуровской команды школы № 82

Герман Приезжий.

Члены команды: *Нонна Ларионова,*

Нина Ширинская, Иван Луцкий.

(«Ленинградская правда», 1 июня 1943 года)

«Мне, старику, не раз предлагали уехать из Ленинграда. Но я об этом и слышать не хотел: знал, что буду полезен здесь. В неополненных школах, обессиленные от голода, мы, учителя, в суровые дни блокады продолжали свою работу, а когда надо было — шли и строили оборонительные рубежи, дежурили в группах самозащиты МПВО.

Мой скромный труд отмечен высокой правительственной наградой. Недавно мне вручили медаль «За оборону Ленинграда». Это для меня двойная радость: такой же награды достоин и мой сын Николай, принимавший участие в защите Ленинграда».

Н. Т. Воронов, учитель

(«Ленинградская правда», 1943 год)

«Поезд № 927 подвергся бомбардировке. Часть состава разбита. Ранен помощник машиниста Павлов...

Паровоз № 718-30 подвергся обстрелу, позже поезд попал под бомбежку. Ранены оба машиниста — *Баранов* и *Амосов*, кочегар *Клементьев*. После перевязки *Амосов* вернулся к регулятору и довел поезд до места назначения...

...Бригада паровоза 713-66 принимала участие в тушении горящего состава...

...Снарядом пробита паровозная труба (паровоз 717-85). Состав загорелся. Тушили пожар и выводили горящий состав паровозники *Голубев*, *Комаров*, *Альберт*, *Дорогунин*, *Буянов*, *Смирнов*, поездной вагонный мастер *Воронов...*»

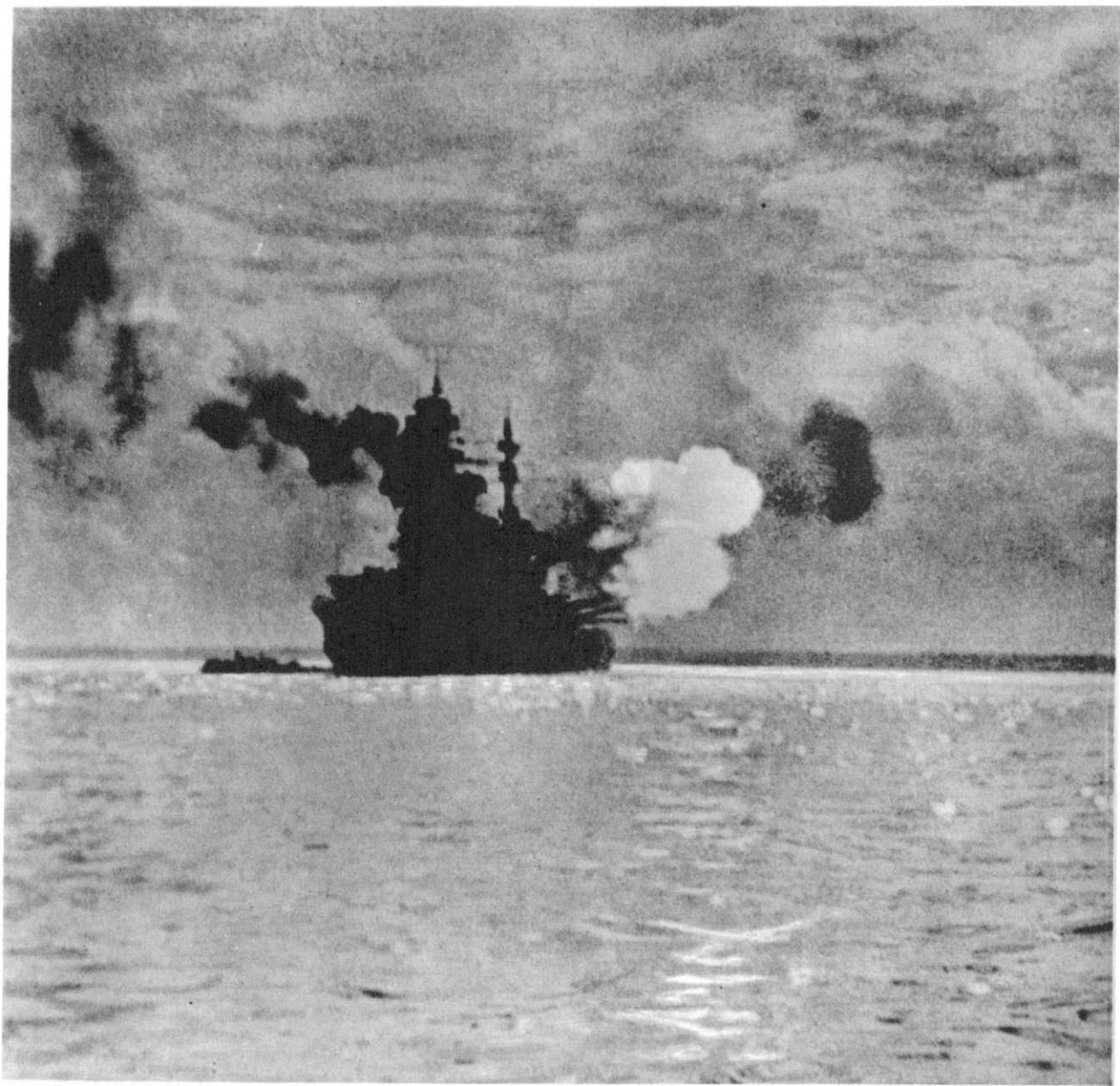
(Из дневника *П. И. Кошелева*, начальника паровозной колонны железнодорожной линии Шлиссельбург — Поляна)

Дот взорван.

Солдат-гвардеец ударом приклада собоьет ненавистный указатель фашистов.

Крейсер «Киров» ведет огонь по врагу.

Час расплаты пришел.
С Пулковской высоты 15 января 1944 года
ударил артиллерийский шквал.

Танковый десант.

Пулеметный расчет ведет огонь.

Блокада прорвана. Встреча воинов Ленинградского и Волховского фронтов.

Бой на Ораниенбаумском плацдарме. 1944 год.

Герман Гоппе,
сержант
Ленинградский фронт

РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА

ак и во многих ленинградских дворах, в нашем довоенном дворе не росло ни травинки. Но заботливая природа умудрялась подбираться к самым окнам, напоминая о своих изменениях.

В начале лета заносила тополиный пух и скатывала из него толстые белые коврики. А в разгаре осени листья из школьного сада перебежали улицу, залетали в подворотню, разносились по двору. В веселой огненной пляске подпрыгивали до крыши, совались в форточки, прилеплялись к стеклам.

Но были и другие листья.

Даже бесконечные ноябрьские дожди не могли оторвать их от веток. Еще зеленые, но уже жесткие, они звенели на резком ветру. Иногда этим отчаянно упорным листьям удавалось продержаться всю зиму. Хотя таких оставалось немного: может, два-три, да и то не на каждом дереве. И только с весенним солнцем, когда новые листья заступали на смену, они сперва терялись в зеленой дымке, а потом незаметно оставляли свои посты. Куда уходили они?

В первую послевоенную осень я забрел в наш школьный сад. Почему-то я верил, что обязательно встречу кого-нибудь из своих. И я не ошибся.

Олег Покровский мало изменился. Тот же аккуратный белоснежный воротничок из-под куртки, брюки, отглаженные как будто специ-

ально для нашей встречи. Сын врача, тоже мечтавший стать врачом, был он до смешного чистоплотен. До сих пор не могу забыть одной его довоенной фразы.

Я бежал из булочной, прижимая к себе ба-тоны.

— Ты что, прямо в руках хлеб носишь? — Его белобрысы брови поползли к идеально подстриженной белобрысой челке.

Я лишь дома сообразил, чем вызвано его удивление. И пожал плечами: что с него взять?! За глаза мы все его называли белоручкой.

Поначалу я как-то не соединил Олега и костыли, прислоненные к скамейке. А может быть, обрадованный встречей, просто их не заметил.

Мы вспомнили совсем недавние блокадные зимы.

Еще до получения паспорта Олег перепробовал столько специальностей, что их перечисление заполнило бы не один лист в трудовой книжке. По если кто и виноват в этом, так только война. Он освоил профессию фрезеровщика — прекратилась подача тока. Станки встали. Перевели на слесарный участок, но скоро кончились детали — мастерские закрыли. Когда после прорыва блокады первые комсомольские отряды отправились на лесозаготовки, Олегу удалось убедить коменданта поезда, что ему почти пятнадцать. Там, на реке Сясь, он строил дорогу для вагонеток, был грузчиком, подгалкивал эти вагонетки к причалам. Узнав о его рабочем прошлом, начальство неревело Олега в кузнецы. Олег растерялся. Но работа оказалась совсем несложной: руби стальные прутья да заготовляй скобы.

Под конец Олег перешел в лесорубы. Учитывая возраст, в бригаде его пожалели, поставили на обрубку сучьев. А он отказался. До-

1943

21 НОЯБРЯ. Во Дворце пионеров проведено собрание тимуровцев.

30 НОЯБРЯ. Школьники Нарвской заставы собрали и сдали как металлолом 5 тысяч килограммов осколков вражеских снарядов.

бился перевода на валку леса. Заготавливая свои кубометры, почти дотянулся до взрослой нормы. Азарт подвел. Не рассчитал. Рухнувшая сосна придавила ноги.

В тот осенний день я спросил Олега:

— Какая же из твоих профессий была самой трудной?

И он, не задумываясь, ответил:

— Почтальон.

К весне сорок второго на почте скопилась гора писем. Зимой уже обессиленные почтальоны не могли ходить по адресам. Да и пережили эту зиму из них немногие. Потребовались добровольцы. Олег успел и здесь. По беспощадным законам войны эта почта приносила в дома радость слишком редко. Видеть, как только что ожившие после черной зимы люди открывают тебе дверь и с надеждой смотрят на тебя, а ты протягиваешь им похоронку...

Олег придвигает костыли. Спрашивает:

— Заглянем в наш двор?

Впереди нас маленькими рыжими зверьками бегут листья своей привычной дорогой — к нашему дому.

Ребята нашего двора... Их и до войны — наперечет. Если даже считать со всеми малышами, ну тридцать. Словом, взвода не наберется. А летом сорок первого и того меньше.

Война въезжала в город санитарными машинами, занимала школы под госпитали, гремела военными маршами и плакатами на стенах домов. Но сам фронт не был слышен. Да и в ленинградском небе пока не появлялись фашистские самолеты.

И все мы как-то еще не определились. Дело нам нашел Борька Цыган.

Почему его прозвали Цыганом, до сих пор не пойму: еще белобрысее Олега, фамилия самая обыкновенная — Семенов. Возможно, за любовь к перемене мест? В нашем районе, по-моему, не осталось школы, в которой бы он не учился, если можно назвать учебой сидение почти в каждом классе по два года. Нет, Борька Цыган вовсе не был тупицей. Азбуку Морзе, например, он знал не хуже флотского радиста, но в школе ее почему-то не проходили.

Мы страшно удивились, что он снизошел до нас. Но что ему оставалось делать? Дружбу он всегда вел с матросами. Теперь им не до него.

— Пацаны, айда в госпиталь, — приказал он.

И мы пошли к нашей школе. В ней уже больше месяца размещался госпиталь. Вид у Борьки был солидный. И поэтому объяснялся с начальством он. Переговоры закончились благополучно. За нами утвердили гордое звание: санитары-добровольцы. Все мы переполнились чувством благодарности к начальству и к бригадиру. Но оба они переоценили наши силы. Поток санитарных машин казался бесконечным. Ладони деревенели — вот-вот выпустят толстые ручки носилок. Борька заметил это и приказал нам перестроиться. Теперь мы носили раненых вчетвером. Впрочем, такая расстановка сил вскоре показалась ему нерациональной. Борька раздобыл брезентовые лямки. Петлями они продевались в ручки носилок, а сами лямки ложились нам на плечи. Борька старался обходиться без них.

К концу дня спина не разгибалась, на шее бугрились рубцы. Зато руки уставали меньше. А главное — опасность выпустить носилки полностью отпала.

Работа уже входила в привычку, когда Борька, назначив себе заместителя, покинул нас. В городе завершалось формирование добровольческих дивизий.

В середине сентября фронт подошел к самому Ленинграду. Раненых прибывало еще больше. Нам пришлось выделить из своей бригады связного. Он не покидал госпиталь всю ночь. Как только голубые фары санитарных машин возникали за оградой, он бежал в наш двор и поднимал нас по тревоге.

В одну из таких тревог мы и услышали знакомый голос:

— Э, никак моя бригада.. Нет, нет, пацаны, не меня. Соседа справа несите.

Цыган был ранен тяжело. Мы дежурили у дверей операционной. Хирурги вытащили из Борькиного тела 27 минометных осколков. На этот раз их не выбросили. По знакомству подарили нам. Каждому досталось по два, а новому

бригадиру Олегу Покровскому — один, но самый большой, в пол-ладони.

В свободные минуты мы приходили в Борькину палату, расспрашивали о фронте. Он, всегда любивший прихвастнуть, говорил сдержанно. О своем участии в боях — ни слова. Нам казалось, что Борька просто стесняется своих соседей — кадровых военных. Но теперь-то я понимаю: дело не в этом. Менялось Борькино отношение к жизни.

Естественно, мы первые узнали, что в госпиталь прибудет фронтовое начальство. Когда полковник вручал Борьке орден Красной Звезды, нам удалось «случайно» оказаться в палате. Замерли, слушая его тихий голос:

— Служу Советскому Союзу...

И сердца наши наполнились такой гордостью, словно эта награда вручалась каждому из нас.

В нашем доме жил еще один Борька. В отличие от Цыгана его называли Борька Маленький. Не только мы, но даже он сам привык считать себя неудачником.

Он делал уроки старательнее многих. Но именно в тот редкий день, когда Борька давал себе передышку, его вызывали к доске. Он шел и смотрел на учителя взглядом полным тихого укора. Если в классе разбивалось стекло или пропадал мел, дежурным оказывался Борька Маленький. Конечно, всему виной такая уж Борькина судьба, но, что теперь скрывать, мы иногда помогали ей.

Не везло ему и в санитарной бригаде. В первый же день он не удержал носилки. И разгневанный Борька-старший уже собрался отчислить его. Спасли лямки.

Сентябрьской ночью «юнкерсы» совершили массированный налет на наш госпиталь. Весь

большуший сад вокруг него пылал кострами от пляшущих «зажигалок». Десятки бомб пробили чердачные перекрытия.

Огромная, похожая на средневековый замок, наша школа в пятнах ослепляющего огня была прекрасной целью для нового захода «юнкерсов». Тяжелораненых переносили на первый этаж. В борьбу с огнем вступили все, кто мог подняться с госпитальной койки.

Надо сказать, что к характеру зажигательных бомб приспособлялись не сразу. Уже пылая, они прыгали как злобные существа, норовя пронзить каждого, кто приближался к ним. В обнимку с огнетушителями мы первыми достигли чердака. Довоенный «Богатырь» соответствовал своему названию и по внешнему виду. Развернуться среди балок с ним было непросто.

Борька Маленький первым обнаружил цель. Вспомнив инструкцию, он повернул красный баллон и что было силы ударил им об пол. Все делалось правильно, за исключением одного: пусковое устройство Борька обратил не к бомбе, а к себе. Бешеная струя пены сбила с ног. Выпущенный из рук огнетушитель стал повторять движения «зажигалки». Не знаю, успел ли Борька Цыган выразить свое отношение к случившемуся, но то, как он с ватником в руках кинулся к бомбе и стал **Яростно** тушить ее, я помню отлично.

До этого случая Борька Маленький стоически переносил все свои неудачи. А тут не выдержал.

Давно был потушен пожар. Мы отмыли свои физиономии. Перевязали свои обожженные руки. Уселись в приемном покое перед титаном. Борька сидел в стороне. На лице его трагическими полосами чернела **сажа**.

— Нет, я не выдержу, — повторял он.

1943

12 ДЕКАБРЯ. На стадионе имени В. И. Ленина открылся каток.

22 ДЕКАБРЯ. Закончился ремонт скульптурных украшений Адмиралтейства.

Мы пытались найти самые мягкие, самые осторожные слова, чтобы переубедить его. Несклонный к лирике Цыган прервал наши увещевания.

— Выдержишь! Ишь какой гусь лапчатый, возиться с ним надо. Выдержишь! Война...

Борька выдержал. Более того: он стал первым среди нас.

Мне приходилось читать о мальчишках, которые потушили пять, шесть, семь «зажигалок». Мы видели Борьку в деле.

Если распределить фашистские «зажигалки» на всех блокадных мальчишек, то по крайней мере по одной хватило бы на каждого. Борька поработал за десятерых.

Месяца через два немцы перестали скидывать на город зажигательные бомбы. Поняли: бессмысленно. А мы при встрече с Борькой шутили:

— А ты не знаешь, это из-за тебя фрицы перестали бросать «зажигалки»?

...Уже в армии я получал письма от Борьки-младшего. Последнее письмо пришло в конце сорок третьего. До полного снятия блокады оставались считанные дни. Потом я попал в госпиталь, и переписка прервалась.

Победной весной я встретил в Ленинграде его мать. Существовал такой неписанный закон: человек, долго не приезжавший в военный Ленинград, встретив родителей своего друга, первым не начинал разговор о нем. Но я-то знал, что Борька был жив и здоров, когда город уже не был фронтом. И я спросил...

Борька погиб в самый последний обстрел.

По мудрым законам памяти давние события сжимаются во времени. Исчезают многие дни, а годы просматриваются, как осенняя роща в первый морозный, ясный день. Но как бы ни сжималось время в нашей памяти, я думаю: какая она была долгая, эта война. Встречали ее мальчишками, а завершали бывалыми солдатами.

У Мишки фамилия была занятная — Топай. Ударение ребята изменили, и превратился Мишка Топай в Мишку Топай.

Обладая умом аналитическим, он смирял порывы сердца, понимая, что всякое серьезное дело требует серьезной подготовки. Прежде всего он, незаметно для взрослых, урезал свою хлебную норму и сушил сухари. В сентябре это было еще возможно, тем более при наличии крепкой воли. Затем он уговорил единственного оставшегося в нашем доме малыша, Алешку Курочкина, поменяться: марки на бинокль.

Конечно, марки были красивые. На них расправляли паруса испанские фрегаты, плясали у костра индейцы, шли к водопою тигры, загадочно улыбались сфинксы. Но в военное время...

Алешка склонялся к отказу. И тут Мишка Топай под величайшим секретом открыл свою тайну. Обмен совершился. У бинокля, правда, не хватало одной линзы. Но его можно было использовать как подзорную трубу. Нарядную золотистую поверхность бинокля Мишка перекрасил в черный цвет.

Первый его поход завершился в Колпине. Расстояние, может быть, и не ахти какое, но пришлось-то идти не по дорогам. На них бы его сразу заметили и вернули в тыл.

Отодвинули осуществление Мишкиных планов не наши патрули, а «мессершмитт». Он погнался за Мишкой, заставил его свалиться в канаву.

Пулеметная очередь расковыряла землю у самого носа. Когда фашист улетел, Мишка долго не мог встать. Не только от страха. Прыгая в канаву, он разбил колено.

Женщины, копавшие неподалеку противотанковый ров, перевязали ногу, накормили обедом.

Свои сухари Мишка не ел. Не из жадности. Просто знал: еще пригодятся.

Второй раз Мишка отправился в поход, когда линия фронта подошла к самому городу. И на этот раз он удачно обошел посты. Попал, как и хотелось, в землянку к командиру части. Старательно подготовленную речь Мишке произнести не удалось. Разгневанный командир обещал под конвоем отправить к родителям. Мишка испугался позора, дал честное пионерское дойти до дому сам.

В ноябре ему пришлось развязать свой мешок. Объяснять маме, откуда появились сухари, не стал. Сказал только:

— Можешь быть спокойна. Эти сухари самые честные.

В третий раз Мишка пошел на фронт зимой. К этому времени его организм находился на той кризисной точке, когда голод уже не мучил. Ноги распухли и с трудом влезали в старые отцовские валенки.

В кармане у Мишки лежал документ, предъявив который, он не мог получить отказа.

У дома встретил братьев Курочкиных. Они тоже собрались в поход. Только маршрут у них был иной. Костя и Алеша шли за дровами.

Мишка сказал им:

— Все. Ухожу на фронт окончательно.

Младший Курочкин молчал. Разговаривали старшие.

— Без привалов не дойти. А сядешь... Сам понимаешь. Надо до весны потерпеть.

— Не могу.

— Можешь. До весны точно можешь.

Мишка не спорил. Он показал Косте письмо. Нет, не обычный солдатский треугольник — конверт, а на нем буквы, отпечатанные на машинке. Письмо адресовалось Мишкиной маме и начиналось такими частыми в те годы непорочно безысходными словами: «...до конца выполняя свой долг перед Родиной...»

— А мамка не знает?

— Ясное дело. — Мишка вздохнул и, не прощаясь, пошел в сторону Международного проспекта.

Житейски мудрый Костя оказался прав. До передовой Мишка не дошел. Не хватило сил.

До того января, когда необстрелянный солдат Михаил Топай пойдет в свою первую атаку, оставалось два года. Атака эта была малой

частицей главного удара по врагу со стороны Пулковы, а главный удар — частью огромного победного наступления.

27 января 1944 года 324 орудия салютовали победителям, полностью освободившим Ленинград от вражеской блокады и артиллерийских обстрелов.

Победителям... Значит, и нашему Мишке.

Теперь, вспоминая блокаду, мы говорим о 13-летних и 15-летних мальчишках, вставших к станку, как о героях.

И это правда. Но правда и другое: ленинградские мальчишки подвигом это не считали.

Попасть на фронт было высшим идеалом всех ребят, в том числе и юных токарей.

Костя Курочкин исключением не составлял. Вместе с Мишкой они готовились к первому походу на фронт. Но в последний момент Мишка отказал ему из соображений конспирации.

Во второй раз Костя не пошел сам — из-за Алешки: братья остались одни. Костю приняли на токарный участок, где еще недавно работала тетка.

Мальчишкам с Выборгской было легче — заводы рядом. Косте приходилось огибать огромные кварталы, проходить десятки улиц. Правда, зимой путь стал почти прямым — через замерзшую Неву к самому вокзалу. Одна беда: на преодоление обледеневшего, крутого берега тратилось слишком много сил.

На Алеше лежало домашнее хозяйство. Как это ни странно звучит, забот стало куда больше, чем до войны. Алешка вставал первым, чтобы выкупить хлеб. Вообще-то, Косте было удобнее получать свой паек в депо. Там и титан с горячей водой рядом. Но на его глазах погибало слишком много людей, для которых обязанность двигать-

1944

23 ДЕКАБРЯ. Генерал-лейтенант **И. И. Федюнинский** назначен командующим войсками 2-й ударной армии, сосредоточенной на Ораниенбаумском плацдарме.

29 ДЕКАБРЯ. В городе разорвалось около 100 снарядов.

ся переставала существовать. И он не позволял младшему брату оставаться без обязанностей. Была и еще одна причина: пусть Алешка съест по дороге довесок.

Алешка не съедал, даже если их оказывалось два или три. Возвращаясь из булочной, он отводил взгляд от своих рук, от мерзлых фиолетовых кусочков хлеба. Днем он запрягался в санки и ехал за водой. Отдыхая на каждой площадке, ташил чайники на четвертый этаж.

Труднее всего получалось с топливом. В тот январский день, когда Мишка Топай получил похоронку, братья отправились за дровами вместе. Алешка разведаль, что ломают бывшее кафе. Находилось оно в Таврическом саду, на том самом месте, где сейчас высится здание панорамного кинотеатра. Путь немалый. К солидным доскам ребята опоздали. Остались разнокалиберные рейки, обледеневшие куски фанеры. Собирались они легко, а вот уложить их на санки... Мешки взять не догадались, а из-под веревок все сыпалось. Санки притащили к дому ночью. Не сговариваясь, зашли в Мишкину квартиру и оставили в комнате охапку реек.

Если б ребята знали, что их неожиданная забота скажет Мишкиной матери то, что должна была сказать похоронка!..

Курочкины держались до февраля молодцами. Паек увеличили, впереди ждало весеннее тепло. И тут Алешка потерял карточки — свою иждивенческую и Костину рабочую.

Костя не кричал, не ругал брата. Случилось самое худшее, самое неожиданное: он разревелся. Алешка забрался в угол и, боясь пошевелиться, смотрел на опущенную голову, на вздрагивающие плечи своего единственного близкого человека. Минуты опасного расслабления прошли. Костя оделся, чтобы идти на работу. И вдруг почувствовал: ноги не слушаются.

Братья слегли.

И наверное, не встали бы, не войди в их комнату политрук роты Галя Исаенко.

Галю назначили вожатой в 6-й «б» за год до войны. У нее оказалось множество достоинств. Она умела внимательно слушать ребят

не только на пионерских сборах. Она говорила с ними совсем не так, как говорят взрослые. Она никогда не приказывала. Но любая ее просьба выполнялась как приказ. В ее речи звучал легкий украинский акцент. Она даже самой обычной фразе придавала добродушную шутливую нотку.

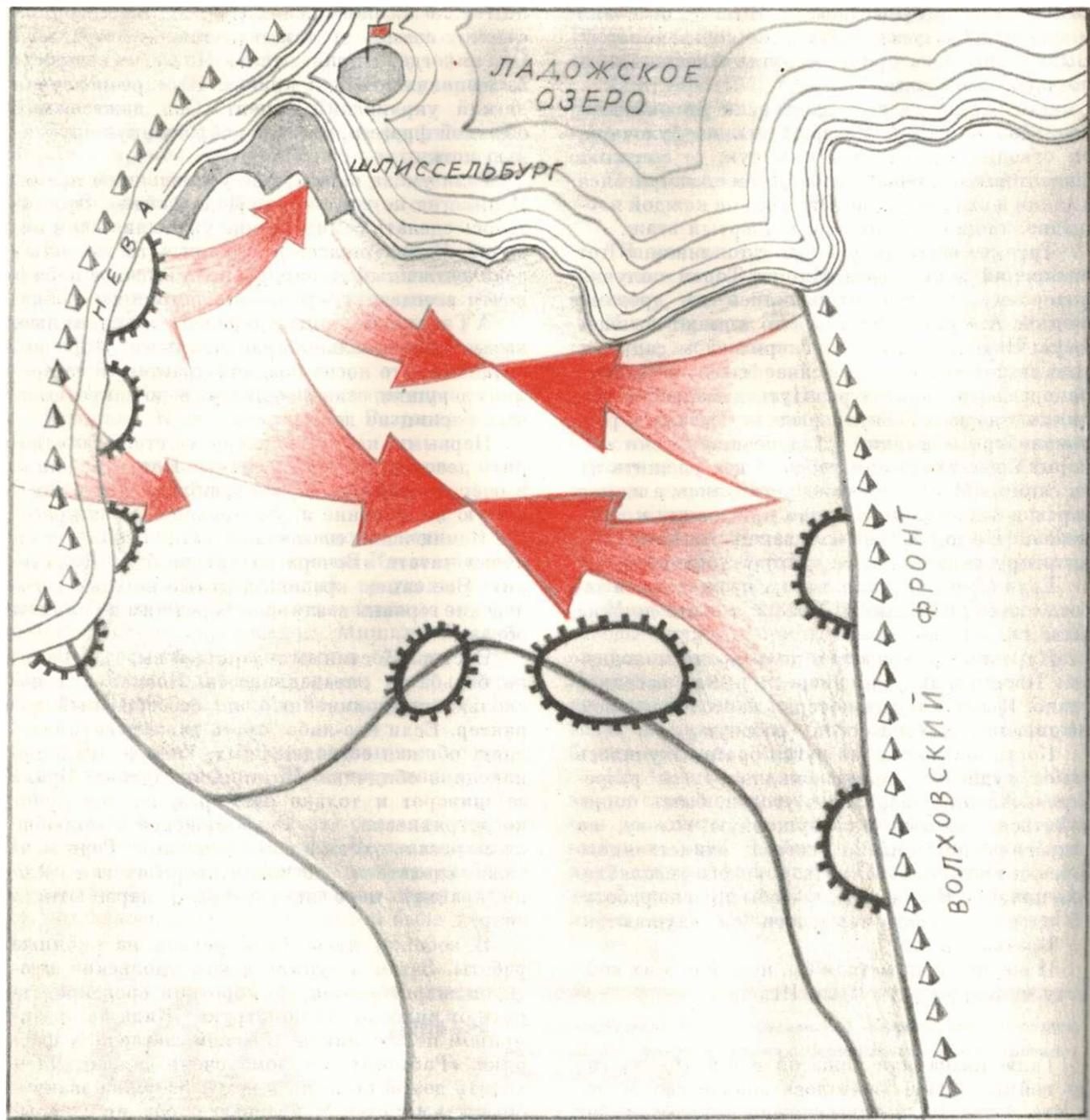
Галя умела петь лучше учительницы пения. И никогда не говорила: «Подпевайте». Это хотелось сделать самим. Такие уж были песни певучие. В них шелестели степные травы, плыл величественный Днепр, дышало высокое небо и почти всегда присутствовала история о любви.

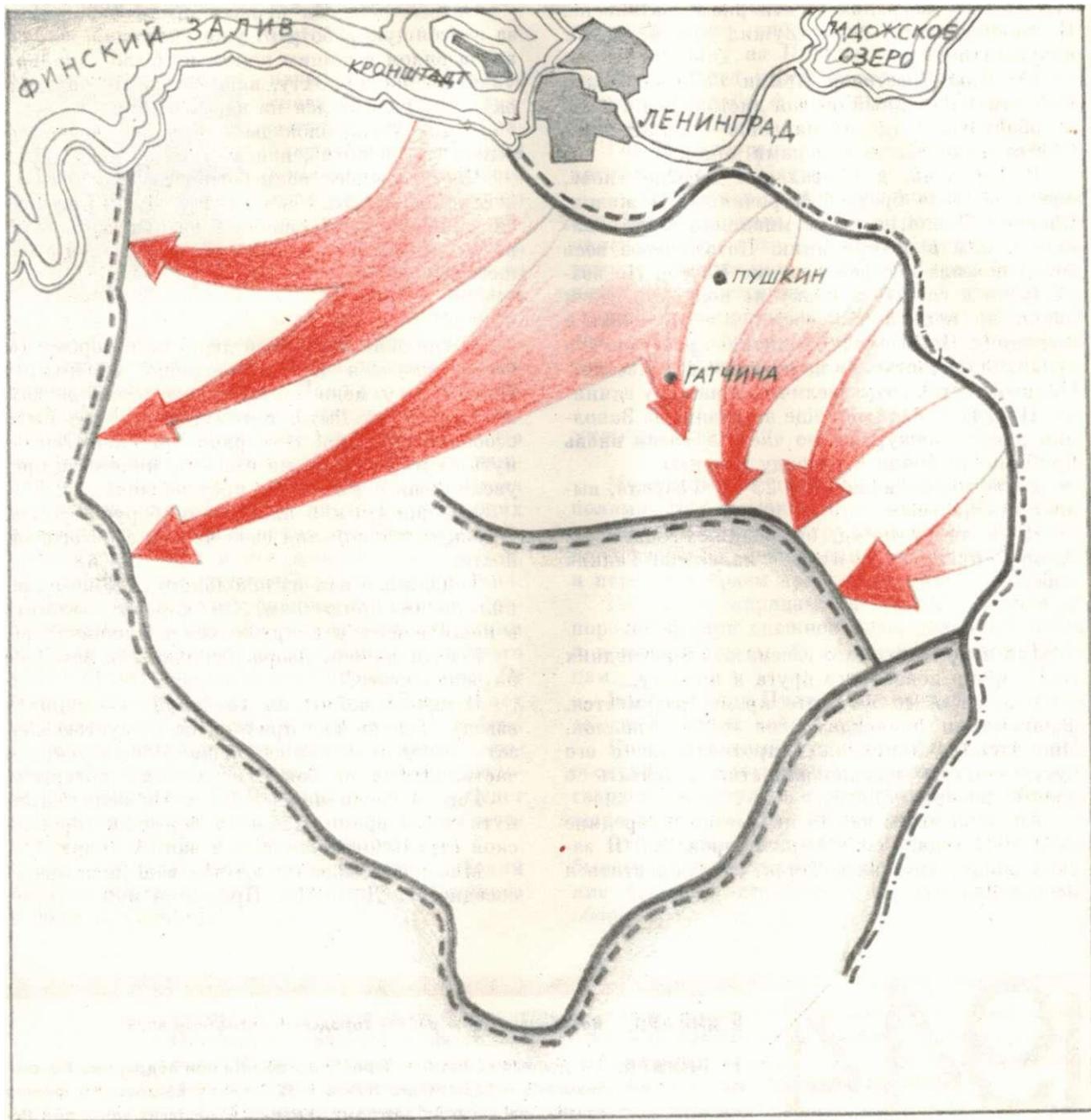
А Галины ресницы, такие густые и длинные, казались специально приклеенными. Впрочем, сравнение это носит поздний характер. В те времена девушки, если не ошибаюсь, до искусственных ресниц не додумались.

Первыми, как и положено, ее стали боготворить девочки-шестиклассницы. Потом подошла и очередь мальчишек. Но влюблялись они в вожатую не за пение и, уж конечно, не за красоту. Исключение составлял Костя. В тот год он начал читать «Вечера на хуторе близ Диканьки». Все самые красивые, самые веселые гоголевские героини возникали перед ним в Галином образе.

Восторг Костиных товарищей вызвала Галяна борьба за справедливость. Носила она несколько прямолинейный, но своеобразный характер. Если кто-либо, пусть даже девятиклассник, обижал ее подшефных, Галя немедленно находила обидчика. Нотаций не читала. Брала за шиворот и только один раз, но так крепко встряхивала, что даже мужское самолюбие не вызвало охоты к сопротивлению. Галя мечтала сделаться летчиком-истребителем или по крайней мере инструктором парашютного спорта.

В военном июле Галя уехала на окопные работы. Затем вступила в комсомольский противопожарный полк. За короткий срок прошла путь от рядового до политрука. Жила на казарменном положении за Невской заставой, у фабрики «Рабочий». От дома очень далеко. Да и ходить домой было ни к чему: бабушка эвакуировалась, а отец с матерью — оба инженеры-

строители — воевали в саперном батальоне. К слову сказать, папа служил под маминым началом.

Ко Дню Советской Армии Галя надумала выпустить нарядный боевой листок. Без красок не обойтись. А где их найдешь — в магазине? Она отправилась за красками домой.

В тот день, в буквальном смысле слова, она и вывезла братьев Курочкиных к жизни. Сперва усадила на санки младшего и отправилась с ним в детприемник. Потом через весь город повезла к своей казарме Костю. По возрасту он к службе в полку не подходил. Да и какой из него в это время мог получиться пожарник. Но авторитет политрука решил исход дела: Костю поставили на котловое довольствие. Личный состав роты увеличился на одну единицу. Правда, боевой она еще не являлась. Заполняя рапорт, дежурный по части относил вновь прибывшего бойца к разряду больных.

...Листок, посвященный 23-му Февраля, вышел одноцветным.

Но к числу побед, одержанных Советской Армией, прибавилась и эта — маленькая Галина победа.

Так получилось, что рассказать о последних годах моего довоенного друга я не могу...

Больше всего па свете кроме, разумеется, фашизма он ненавидел свое имя — Аполлон. Оно входило в кричащее противоречие с его сутулостью и подслеповатостью. Мечтать о фронте не приходилось.

Аполлон исчез как-то незаметно в середине лета 1941 года. Решили: эвакуировался. Я застал обиду: друг называется, даже проститься не пришел.

Оказывается, он первым среди нас взялся за настоящую работу. Я уже упоминал, что заводов рядом с нашим домом не было. Аполлон ушел на Малую Охту, видимо, на Петрозаводскую верфь, остался на казарменном.

В какой год блокады и при каких обстоятельствах он погиб, неизвестно.

Часто говорят: если боец из такой-то гвардейской части, этим сказано все. Пусть простится мне высокое сравнение: нетрудно представить, как боролся и погиб мой друг, — он с нашего двора.

После долгой разлуки двор, по которому ты бежал, кажется неправдоподобно маленьким. Почему-то у меня такого впечатления не возникло. Может быть, потому, что у нас было особенное детство! Нам рано пришлось взглянуть на мир взрослыми глазами, ничего не преувеличивая и ничего не преуменьшая.

Хорошо это или плохо, я не берусь судить. У каждого поколения свои черты, свои особенности.

Тополиный пух из школьного сада не изменил своим привычкам. Он норовит залететь в наши ворота и покружиться в нашем дворе.

Ребята нашего двора, сколько вас осталось на белом свете?!

В начале войны мы говорили: «Нас почти взвод». Теперь мне приходится с грустью сказать: взвод этот, как самая настоящая ударная часть, вышел из боя с огромными потерями.

Героев среди нас не было. Но если взглянуть через время, какие-то черточки героической страды отразились и в наших лицах.

Мне могут сказать: «А чем ваш двор лучше соседнего?» Да ничем. Просто он мой.

1944

8 ЯНВАРЯ. Возобновил свою работу городской шахматный клуб.

14 ЯНВАРЯ. 2-я ударная армия Ленинградского фронта при поддержке Краснознаменного Балтийского флота и 59-я армия Волховского фронта начали операцию по разгрому немецко-фашистских войск под Ле-

начале января Говоров снова приехал на Пулковские высоты. С наблюдательного пункта командира гвардейского корпуса Симоняка он долго разглядывал укрепления врага. День был солнечный, поле перед нашими окопами казалось вымершим.

Необычна была наступившая здесь тишина.

Говоров долго смотрел туда, где начинались строения города Пушкин. Ясно представлялось сейчас, как изменится все вокруг в первые же минуты наступления, как преобразится это безлюдное поле и оживет каждый бугорок, каждая болотная кочка в утро первого боя. Места намеченного соединения двух наступающих армий отсюда не были видны, но Говоров отчетливо представлял в эти минуты тот участок, где должны сомкнуться клещи наступления.

Когда части, наступающие из района Ораниенбаума, сомкнутся с войсками, идущими от Пулковских высот, на направлении главного удара будет решена только первая задача. От быстроты поворота па юг будет зависеть успех операции. Только взяв Гатчину, выйдут войска Ленинградского фронта на оперативный простор. Кто владеет Гатчиной, тот хозяин положения. После взятия Гатчины противник будет вынужден уйти из-под Мги — ведь у него останется для отхода только одна дорога.

Да, есть в каждой операции свой глубокий внутренний смысл, и судьба Мги будет решена в боях за Гатчину.

«Ко Мге у меня сердце никогда не лежало», — говорил впоследствии Говоров, вспоминая поездку на Пулковские высоты и свое раздумья перед утром первого боя. Узел, где решалась судьба фронта, судьба Ленинграда, был не подо Мгой...

Говоров возвращался в штаб, когда начался артиллерийский обстрел.

— От темпов нашего продвижения зависит судьба Ленинграда. Если стремительно рванемся вперед, враг не сможет вести огонь по городу. Задержимся — и Ленинград подвергнется такому страшному обстрелу, что и представить невозможно, как много будет убито людей и разрушено зданий, — сказал Говоров вечером вызванным в штаб артиллеристам.

УТРО ПЕРВОГО БОЯ

Медленно всходило солнце над снежными полями. Над широким простором предрассветная мгла. Наступало утро первого боя. На узкой полоске земли между нашим передним краем и передним краем врага было тихо.

Разрытое снарядами и минами, черное от пороховой гари снежное поле, делившее наши и немецкие окопы, было хорошо знакомо бойцам.

Вот он, район Пулкова, направление главного удара наших войск.

Когда яростный гул канонады поплыл над бескрайним простором, передовые отделения гвардейцев ринулись через снежное поле к траншеям врага.

Стремительно нарастала атака... Все время был впереди капитан Голиков. Его подразделение уверенно вгрызалось в глубь вражеской обороны.

нинградом и Новгородом. На 10-километровом участке Приморского плацдарма было сосредоточено 1200 орудий и минометов крупного калибра и более 70 «катюш». За час с небольшим было выпущено свыше 100 тысяч снарядов и мин. Грохотали орудия главного калибра линкора «Октябрьская революция», крейсеров «Петропавловск», «Максим Горький», «Киров».

В 10.40 началась атака. К вечеру ширина прорыва вражеской обороны достигла 10 километров.

Встреча воинов 2-й ударной и 42-й армий
в районе Ропши. 20 января 1944 года.

У костра. Январь 1944 года.

Артиллерийское орудие, обстреливавшее Ленинград из района Вороньей горы. 1944 год.

Сержант Дарджаев, которого товарищи называли «старичком», с четырьмя автоматчиками взбирается на танк. Быстро мчится тяжелая машина по снегу. Дарджаев показывает танкистам цели.

Один взвод уничтожен... Второй... Третий... Четвертый...

А гвардии рядовой Арчаков со своим станковым пулеметом все время идет впереди. Вот залег, открыл огонь, проложил на несколько десятков метров дорогу пехоте... Вражеский станковый пулемет пытается отстреливаться - Арчаков подавил и его. Разрывом мины поврежден пулемет. Арчаков тотчас берет автомат, выроненный тяжело раненным бойцом, и врывается в траншею. Взятый в бою ручной пулемет Арчаков поворачивает в другую сторону, расстреливая фашистов. Ярость боя живет в его груди, зовет на подвиг.

Братцы, вперед! — кричит Арчаков, и бегут вслед за ним пехотинцы.

Все вперед идут гвардейцы. Четыре ряда траншей уже пройдены. Прорвана линия вражеской обороны... Фашистского переднего края больше нет! В глубине немецкой обороны уже начинают хозяйничать наши пехотинцы и танкисты.

Заря сменяет зарю, и утро нового дня снова начинается нашим наступлением.

Солдаты вышли к березовой рощице на высоте. Тонкие русские березки звенели на январском ветру. Здесь, на высоте, было логово врага — штаб артиллерийского полка, дальнобойные орудия которого вели огонь по Ленинграду. Фашистские артиллеристы пытались взорвать орудия. Но было уже поздно. Танки шли с тыла. Немцы бросились к мотоциклам. Танкисты и автоматчики открыли огонь и преградили отход гитлеровцам. Рядовой Чистяков и его

товарищи-автоматчики уничтожили удиравших, захватили мотоциклы.

Но главными трофеями были тяжелые орудия. Дула их направлены на Ленинград. Отсюда фашистские звери вели огонь по городским окраинам, по центру, по школам, по больницам. Сколько русских людей было убито и искалечено прислугой этих батарей!.. Теперь застыли на ветру трупы убийц.

Сотни снарядов валяются на снегу, лежат в ящиках, уложены в укрытиях.

Бойцы на мгновение задерживаются, внимательно осматривают вражеские пушки. Больше уж никогда не будут эти орудия вести огонь по Невскому и Садовой, Измайловскому и Большому.

Бойцы, шедшие в бой с противотанковыми ружьями, бросаются к пушкам. Дерзкий план созрел одновременно у нескольких воинов. Лейтенанты Байрамов, Саенко, Пособляев, сержант Минахметов, рядовые Смирнов, Богатинов, ленинградец Кузьмин поворачивают дула орудий в другую сторону. Не меньше 200 снарядов выпустили они по тылам и коммуникациям врага.

И снова вперед уходят воины Ленинграда. И весь этот день полон незабываемыми эпизодами стремительных схваток; мгновенных ударов, яростных стычек, когда все пускается в ход, чтобы сразить врага: и противотанковое ружье, и родная трехлинейная винтовка, и даже диск от ручного пулемета, неожиданно выручающий в рукопашной схватке.

Прорвана вражеская оборона, разбито железное кольцо, сжимавшее наш великий город! Скоро отдохнет израненная, истрадававшаяся земля. Бой уходит из этих мест. Район Пулков становится тылом. Оглядываясь назад, я уже не могу разглядеть Пулковские высоты.

1944

15 ЯНВАРЯ. Со стороны Ленинграда на оборону противника обрушилось свыше 220 тысяч снарядов и мин. По 17-километровому участку от Урицка до Пушкина было 2300 орудий. В 11 часов бойцы Пулковских высот перешли в атаку. И все же в этот день вражеская артиллерия выпустила по городу 124 тяжелых снаряда.

ВОРОНЬЯ ГОРА

(Рассказ солдата)

— Как мы взяли Воронью гору? Да тут, пожалуй, и рассказывать нечего. Шли по снегу да шли — и взяли.

— Так ли уж просто шли? Ведь сопротивлялись небось гитлеровцы...

— Это, конечно, было. Но мы к таким делам привычные.

— Вы все-таки постарайтесь вспомнить, как все это было. Ведь я материал для газеты собираю, мне придется подробно все описать. Читателям важны подробности. А как же я напишу, не расспросив автоматчиков, бравших Воронью гору?

— Всех-то не расспросите, многие в земле лежат... А я расскажу. Только вы уж на меня не сердчайте, если что перевру: ведь знаете, на войне такое бывает, что норою память вдруг отшибает.

Мой собеседник задумался, свернул сигарку, но спичку из кармана не достал и так, с незажженной сигаркой во рту, начал не спеша рассказывать:

— Командира полка Афанасьева все наши ребята любили, но почему-то за глаза называли его дамским командиром, хоть был он силач и не волновался никогда.

Пожалуй, за то дамским командиром называли, что крепких слов не любил и морщился, когда другие ругались. Вот, значит, пошел он в командирскую разведку после того, как мы первую линию фашистской обороны прорвали, и говорит командиру автоматчиков Масальскому:

— Воронью гору видишь?

— Вижу.

— Придется тебе ее брать.

— Что ж, возьмем, хоть несладко придется...

Стал ему Афанасьев объяснять, как действовать надо: куда одну группу двинуть, куда — другую, куда — третью.

Пришел Масальский к своим автоматчикам, а они только обедать сели и положенные сто грамм выпили. Да пожалуй, и больше ста грамм на человека в тот раз выпало. А Масальский им говорит:

— Я приказ получил...

Все заинтересовались, около него собрались.

Рассказал он нам тут немного про Воронью гору.

Высокая она, на сто семьдесят метров над нашими болотами поднялась. И чего там только у фашистов нет, — они и тяжелые орудия кругом расставили...

Нелегко будет ее взять, а надо. Хоть и крутые склоны, а подняться на самую вершину придется.

Очень важное наблюдение она имеет, тут у врага самый главный наблюдательный пункт. Возьмем ее — все равно как врагу глаза выколем...

— Значит, приказано нам взять Воронью гору. Много она нам зла принесла. С нее город как на блюдечке виден. Весь виден... Вот фашисты по нему и вели артиллерийский огонь, безжалостно убивали ленинградцев... Взять ее мы должны во что бы то ни стало. Значит, надо идти. Но предупреждаю: будет нелегко. Кто за мною?

— Все пойдем, товарищ капитан, — отвечают ребята.

Повел нас Масальский по снежной целине. Идем по сугробам, по самую грудь в снегу утопаем. Очень трудно, а идем, не жалуемся. Хочется поскорее до этой самой Вороньей горы

1944

16 ЯНВАРЯ. Занята Александровская.

Перешли в наступление на Любанском направлении войска 54-й армии Волховского фронта.

дойти. Только бы дорогой не убило, хоть одним глазком взглянуть, что там делается у фашистов. Воронья гора... И откуда такое повелось название? Хорошо, тут как раз овраг начался, а по оврагу мы уже колонной двинулись. Быстро прошли мы овраг и подходим к противотанковому рву.

Этот ров когда-то ленинградские девушки копали, а теперь он у фашистов.

Жалко нам стало, словно сами мы тут работали, но мнениями промежду собой обменяться не успели: в рацию прямым попаданием фашисты попали. Подзывает Масальский солдата, спрашивает, сколько осталось еще до Вороньей горы.

— Да я же не мерял, товарищ капитан, откуда я знаю...

— А ты все-таки на глаз прикинь...

— На глаз примерно километр будет.

— Значит, направляю тебя посыльным.

Отправил его Масальский к командиру полка: дескать, доложи, сколько пройдено и где сейчас находимся.

Пошел посыльный в тыл, а мы еще немного прошли и метрах в восьмистах от Вороньей горы залегли под огнем. Время было уже перед самыми сумерками, часа четыре дня.

Встали, дальше пошли. Что тут особенно рассказывать?.. Дело известное — местность не очень легкая, и огонек с каждой минутой сильнее, а мы все-таки вперед продвигаемся... У самого подножия горы видим зеленый домик, землянки. Стало легче идти, да и фашисты, конечно, злости прибавили (теперь уже видим их хорошо): из винтовок и пулеметов стреляют.

Там справа железнодорожная ветка отходит на Красное Село, и возле нее фашисты стали собираться в контратаку. К этому времени немцы

в третий раз ранили Масальского, — когда мы контратаку отбивали; и, как на грех, никого около нашего капитана нет. Тут, к счастью, кто-то из наших ребят к нему подбежал, положил на плащ-палатку и поволок с горы. Только и успел на прощание Масальский сказать:

— Держитесь...

Что ж, мы его приказ выполнили. Наутро огляделись — и дивно нам показалось, и страшно. Дивно потому, что весь Ленинград с горы как на ладони, а страшно... Да что говорить, НП там у фашистов был, что авиационная бомба его не взяла бы, и чего там только не было, дальномеров и стереотруб одних как дров навалено...

И спросил я тут друга, почему эта высотка Вороньей горой зовется, а он со смехом на вопрону показывает, что у дзота сидит:

— Наверно, в честь нее, не иначе.

Тут-то меня и ранило миной...

Михаил Дудин

ОТСЮДА «БЕРТА» БИЛА...

Весь Ленинград как на ладони
С горы Вороньей виден был.
И немец бил

с горы Вороньей.

Из дальнобойной «берты» бил.
Прислуга

в землю «берту» врыла,
Между корней,

между камней.

И, поворачивая рыло,
Отсюда «берта» била,

била

Все девятьсот блокадных дней.

19 ЯНВАРЯ. Освобождены Красное Село и Ропша. В районе Русско-Высоцкого соединились передовые части 2-й ударной и 42-й армий. Окружена петергофско-стрельнинская группировка противника. В Москве — салют в честь войск Ленфронта.

ке ночи стояла его последняя пушка, достающая до центра города, и какие-то завтрашние мертвецы злобно, тупо, торопливо пытаются навредить побеждающему городу и вырвать у него еще несколько жертв.

Немецкое орудие било по Ленинграду еще в ночь с 22 на 23 января, а утром 25 января мы с несколькими товарищами из радиокомитета вели репортаж из города Пушкина — вблизи той самой площади, на которой это последнее орудие стояло.

В Ленинграде тихо. По солнечной стороне Невского, «наиболее опасной стороне», гуляют детишки. Дети в нашем городе могут теперь спокойно гулять по солнечной стороне! Им можно спокойно жить в комнатах, выходящих на солнечную сторону! И даже можно спокойно, крепко спать ночью, зная, что тебя не убьют, и проснуться на тихой-тихой заре жизни живым и здоровым. ...Мы испытываем необычайное, ни с чем не сравнимое чувство возвращения к нормальной человеческой жизни. Каждая мелочь этого возвращения радует и окрыляет нас, каждая говорит о победе.

Трамвайные остановки, перенесенные из-за обстрелов, возвращены на старые места. Как будто бы мелочь, но ведь это значит, что сюда, на эту пристрелянную остановку, никогда не упадет больше смертоносный снаряд, это значит — нет под Ленинградом врага, нет блокады! Я слышала, как на углу Невского и Садовой один пожилой мужчина с упреком сказал двум гражданкам, бранившимся при посадке в «тройку»:

— Гражданочки, гражданочки! Что вы? На старой остановке в трамвай садитесь, а ругаетесь. Стыдно!

Мы еще недавно пробирались в кинотеатр «Октябрь» (тот, что на солнечной стороне

Невского) откуда-то сбоку, по темным дворовым закоулкам, похожим на траншеи, а теперь гордо входим в него с парадного входа, с Невского. А на афишах наших театров появилась новая строчка: «Верхнее платье снимать обязательно!» Как это великолепно, что в театрах можно раздеваться. Это значит, что обстрела не будет, что зрителям и артистам не придется спешно рассредоточиваться, прервав спектакль.

Быть может, только теперь, когда в городе стало тихо, начинаем мы понимать, какой жизнью жили мы все эти 30 месяцев... Но с особенной силой предстал перед нами самими весь наш путь в день 27 января, незабываемый день ленинградского салюта.

Это был пятый день торжествующей, полной, непривычной тишины в городе. Смутный и радостный слух носился среди горожан: «Говорят, сегодня вечером и мы будем салютовать». А на Невском и Литейном девушки из команд ПВО весь день разбирали безобразные ящики с землей, закрывающие витрины, на которых уже успела вырасти за эти годы трава и лебеда, похожая на деревья. К 8 часам вечера все, кто мог, вышли на улицу. Как только голос диктора объявил: «Слушайте важное сообщение из Ленинграда», у репродукторов столпились люди. Нетерпеливо спрашивали друг у друга, сколько минут осталось ждать, говорили вполголоса, жадно прислушиваясь к рупорам. А когда диктор, отчеканивая каждое слово, начал читать приказ, догадливые вагоновожатые остановили трамваи, и пассажиры высыпали на улицу слушать. Слушали в благоговейном молчании, и около нашего репродуктора, где я стояла, никто не зашумел и не закричал, когда кончилось чтение, только женщина одна крикнула: «Ура, товарищи!»... Она крикнула это голосом сдавленным от волнения и

21 ЯНВАРЯ. Освобождена Мга.

23 ЯНВАРЯ. На территории Ижорского завода разорвался последний, 8942-й по счету, вражеский снаряд.

счастья. И тотчас же грянули все 324 орудия, и тотчас же в мглистое январское небо взвились тысячи разноцветных ракет, и вдруг Ленинград весь как бы взмыл из мрака и весь предстал перед нами!

Первый раз за долгие два с половиной года мы увидели свой город вечером! Мы увидели его ослепительным, озаренным вплоть до последней трещины на стенах, весь в пробоинах, весь в слепых, зафанеренных окнах, — наш израненный, грозный, великолепный Ленинград, — мы увидели, что он все так же прекрасен, несмотря ни на какие раны, и мы налюбоваться им не могли, нашим красавцем, одновременно суровым и трогательным в праздничных голубых, розовых, зеленых и белых огнях, в орудийном громе, и чувствовали, что нет нам ничего дороже этого города, где столько муки пришлось принять и испытать. Незнакомые люди обнимали друг друга, и у всех в глазах светились слезы.

Я запомнила старуху в плюшевой шубе, которая теребила за рукав то одного, то другого соседа и ревниво спрашивала:

— Ну а на Большой-то земле все это слышат? В России-то, на Большой земле, слышно им сейчас?

— Слышно, мамаша! — прокричал сквозь грохот салюта один парень. — Слышно... Только ты учти, что мы теперь сами — Большая земля.

О, мы знали, на Большой земле слышат и радуются так же, как горевали вместе с нами в дни наших бедствий.

А одна девушка, возле которой остановился незнакомый ей военный, плача трясла ему руку и восклицала:

— Спасибо! Спасибо вам, спасибо!

Он ответил негромко и строго:

— Вам спасибо. Населению...

...А армии Ленинградского фронта уходят от Ленинграда все дальше и дальше, гоня и уничтожая врага. И нет у бойцов и офицеров ленинградских войск большей радости, чем сознание, что наконец-то город вздохнул полной грудью. Первый вопрос, который задают человеку, приехавшему на передовые из Ленинграда, такой:

— Ну как там наши ленинградцы? Радуются, а?

— Конечно, радуются!

— Нет, уж вы подробненько, подробненько, — как они радуются? Уж вы все точно расскажите!

И десятки раз заставляют рассказывать одно и то же — о том, что трамваи останавливаются на старых местах, что с домов стирают надписи: «Граждане, эта сторона при арт-обстреле наиболее опасна». И требуют мельчайших подробностей ленинградского салюта, и счастливо смеются от радости: «Свободен Ленинград!»

А немецкие солдаты? Почти каждый из них, захваченный в плен, прежде всего кричал:

— Я не стрелял по Ленинграду!

В Дудергофе, при захвате одного орудийного расчета, командир расчета, немецкий капитан, плененный нашими бойцами, неистово вопил:

— Нет, нет! Прежде чем вы меня куда-нибудь поведете, я требую акта!

— Какого акта?

— Я требую заактировать, что орудия, при которых я нахожусь, не могли бить по Ленинграду! Позовите вашего офицера! Пусть он засвидетельствует, что я не мог вести огонь по Ленинграду!

1944

24 ЯНВАРЯ. Освобождены города Пушкин, Павловск. В Москве снова гремит салют.

27 ЯНВАРЯ. Враг отброшен от города на 65–100 километров. Освобождение Ленинграда от вражеской блокады завершено!

А в Красном Селе пленные пехотинцы, трясаясь от страха, клялись, что они «всегда были против обстрелов Ленинграда»:

— Мы даже ссорились с нашими артиллеристами. Мы умоляли их не бить по Ленинграду...

Странный для фрицев гуманизм! В чем же дело?

Они рассказывали дальше:

— Ах, мы так просили их не стрелять по городу! Во-первых, каждый раз на наш огонь отвечали ленинградские батареи, и у нас было много жертв... Кроме того, наши артиллеристы очень часто били по городу просто так: пьянствуют ночью, пьянствуют, потом офицеры говорят: «А ну, пойдём поднимем ленинградских девочек...» И начинали обстрел из тяжелых орудий. О, мы умоляли их! Мы говорили: «Ленинград нам этого не простит...»

Вот в этом они не ошиблись: не простит им этого Ленинград...

Передо мною немецкий солдатский календарь на 1944 год. Он имеет форму блокнота довольно большого формата. На обложке — карта Ленинградской области, где все названия на немецком языке. Карта изображена как бы водяными знаками. Посередине карты — картинка: силуэты Исаакия, Петропавловского собора и рядом с ними — фигурка немецкого солдата в каске и с автоматом. Над солдатом в белом волнистом квадрате, похожем на пузырь, — стихи.

Вот их смысл:

«О чем может мечтать солдат у Волхова и под Ленинградом? В болоте, в более чем завшивевшей землянке?.. Он думает о родине, мечтает о том, что когда-то было, и знает... что все равно придет победоносный Новый год...»

Это, так сказать, общая программа. Дальше она конкретизируется. Вот, например, январь 1944 года.

О чем было предложено мечтать немецкому солдату в течение января? Картинка над табелем говорит об этом: лежит немецкий солдат в замерзшем болоте, а над головой у него — в пузыре — «мечта»: Нарвские ворота в Ленинграде

и под ними бодро марширует колонна гитлеровских солдат — они с триумфом вступают в Ленинград.

Но вот уж поистине «всё врут календари», а особенно немецкий.

В январе 1944 года немцы, правда, проходили мимо Нарвских ворот, но только под конвоем, в качестве пленных.

Календарь, кроме того, врал в самом главном: не было вовсе к январю 1944 года у немцев, сидевших под Ленинградом, такой мечты — войти в Ленинград победителями. Эту «мечту» навязывала им тупая их пропаганда, а из показаний пленных выясняется совсем другое: чем дольше длилась осада, тем больше и больше боялись они осажденного города. Их страх возрастал с каждым месяцем осады, с каждой новой победой наших войск вдали от Ленинграда. Они чуяли: мера ленинградского возмездия с каждым месяцем нарастает. И они уже беспокойно ерзали в своих «более чем завшивевших землянках». «Ленинград нам не простит», — бормотали они. Им мерещились не Нарвские ворота, а совсем другое. Пленные показывают:

— Мы боялись, что здесь нам предстоит второй Сталинград... Что нас, понимаете, — сталинградизируют...

Легендарная стойкость города, обреченного Гитлером на «самопожирание», невозможность никакими силами отрезать этот город от всей страны — все это подточило дух гитлеровских армий, сидевших под Ленинградом, и, конечно, дало себя знать при нашем наступлении.

Когда я думаю об этом, мне вспоминается одна фраза из письма рабочих Кировского завода, с которым они обратились ко всем ленинградцам в сентябре сорок первого года. Они писали: «Скорее смерть испугается нас, чем мы смерти...»

В сентябре сорок первого года, когда немцы, взяв Стрельну, рвались уже к самому «Красному путиловцу», эта фраза звучала как торжественная клятва. Но теперь ясно, что она была пророчеством: Ленинград не испугался смерти. И смерть испугалась Ленинграда!

Николай Браун,
военный корреспондент
Балтфлота

МЕДАЛЬ

Пройдя сквозь долгий грохот боя,
На слиток бронзовый легла,
Как символ города-героя,
Адмиралтейская игла.

Взгляни — заговорит без слова
Металла трепетный язык.
И воздух города морского,
И над Невой поднятый штык.

Вся бронза дышит, как живая,
В граните плещется река,
И ветер ленты развеивает
На бескозырке моряка.

И даль пылает золотая,
И синью светят небеса.
И вдруг, до слуха долетая,
Встают из бронзы голоса:

«Мы так за город наш стояли,
Так эту землю берегли,
Что нынче музыкою стали,
Из боя в песню перешли.

Мы слиты из такого сплава,
Через такой прошли нагрев,
Что стала бронзой наша слава,
Навек в металле затвердев».

Слова уходят, затихая,
В металл, в бессмертье, в немоту, —
И, снова бронзой полыхая,
Игла пронзает высоту.

1944 год

Блокада снята. Январь 1944 года.

Пожалуй, можно смыть и эту надпись.

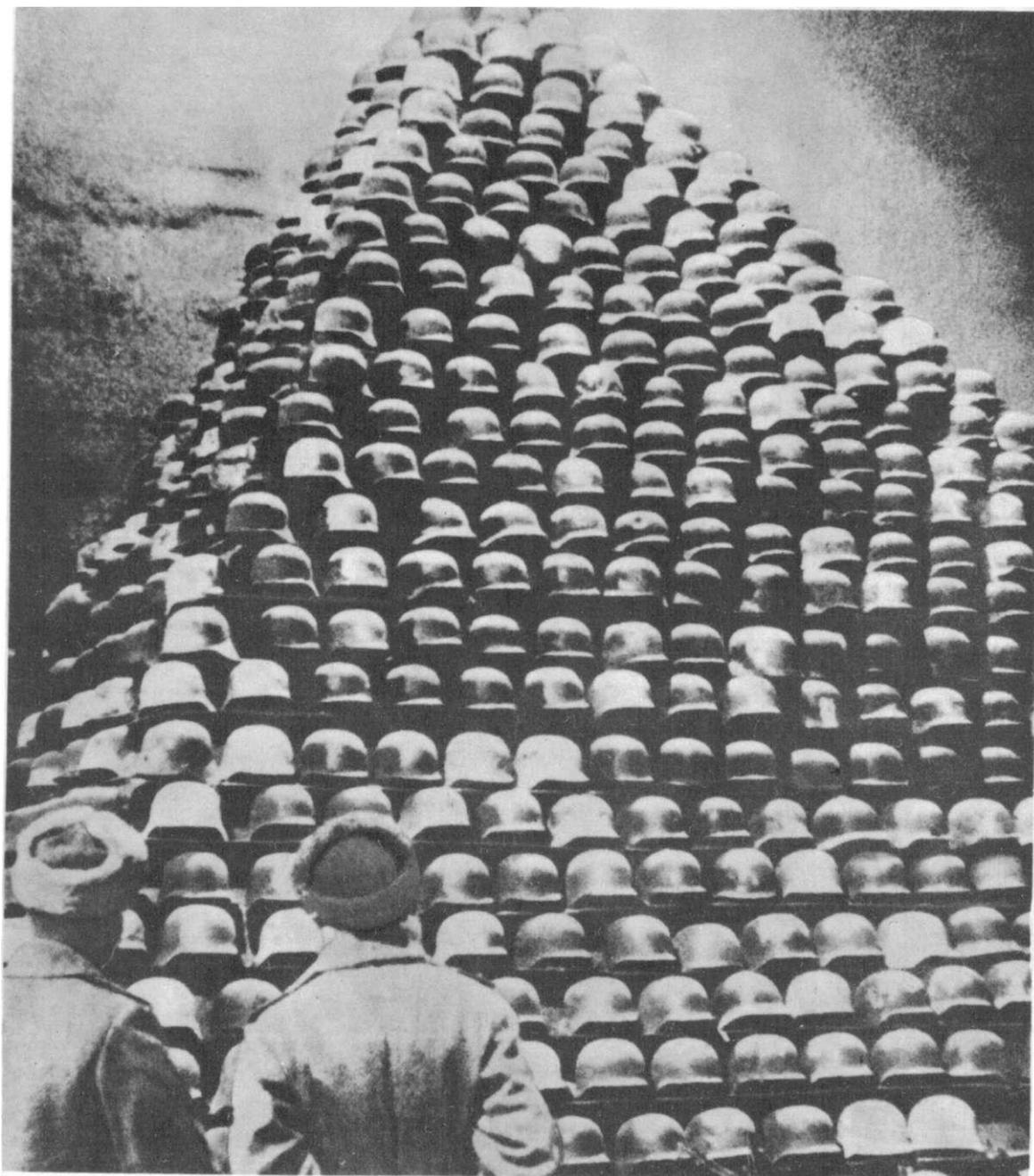

На перекрестке дорог близ Гатчины.

Эта гитлеровская батарея замолчала навсегда.

Кладбище войск СС у входа в Александровский парк города Пушкина.

Пирамида расплаты за преступления.

Петергофские фонтаны после ухода фашистов.

Освобожден город Пушкин вот знаменитый дворец!

Вновь перед ленинградцами бронзовый Ленин на башне броневика.

И клодовские кони занимают свои места на Аничковом мосту.

Вернулась гвардия — храбрейшая из храбрейших.

Они шли победителями, и народ приветствовал их.

Они вернулись в свой город с победой.

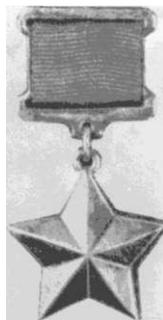
Город освобожден. Бронированные колпаки стоят лишь как памятники прошлому.

Они встретились у Дворцовой площади.

Салют в Ленинграде 27 января 1944 года.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ВРУЧЕНИИ ГОРОДУ-ГЕРОЮ ЛЕНИНГРАДУ
МЕДАЛИ «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА»

За выдающиеся заслуги перед Родиной, мужество и героизм, проявленные трудящимися Ленинграда в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в тяжелых условиях длительной вражеской блокады, и в ознаменование 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. вручить городу-герою Ленинграду, ранее награжденному за эти заслуги орденом Ленина, медаль «Золотая Звезда».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
А. Микоян.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе.

Москва, Кремль, 8 мая 1965 года.

Николай Тихонов. ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	77	Александр Гитович. «ГДЕ, ОКУТАН СИЗОЙ	
А. Котовщикова. КОМАРИК	79	МГЛОЮ...»	128
Л. Пантелеев. МАРИНКА	81	Павел Лукницкий. ДОМ НА СЧАСТЛИВОЙ	
Борис Лихарев. БУЛКА	86	УЛИЦЕ	-
Леонид Хаустов. 19 АВГУСТА 1942 ГОДА	87	Г. Князев. НАПЕРЕКОР ОГНЮ	133
<i>СТРОКИ ПОЖЕЛТЕВШИХ СТРАНИЦ</i>	88	Павел Шубин. НА НАШЕМ УЧАСТКЕ	145
Вольт Суслов. МУЗЫКА С АРТИЛЛЕРИЙ-		Сергей Орлов. ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ	-
СКИМ СОПРОВОЖДЕНИЕМ	89	Э. Корольчук. СТАРИШИЙ СЕРЖАНТ ЧИСТОВ	
Список школ, работавших в дни блокады	9.5	И ЕГО ПЕРЕПИСКА	148
А. Мете. ПЕРВОКЛАССНИКИ	97	Иван Виноградов. НЕМАЯ АТАКА	151
Леон Гроховский. В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ	99	<i>СТРОКИ ПОЖЕЛТЕВШИХ СТРАНИЦ</i>	159
Алесь Адамович, Даниил Граним. БРА-		Герман Гоппе. РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА	166
ТЯ МЕНЬШИЕ	108	Виссарион Саянов. НА ПУЛКОВСКИХ ВЫ-	
От советского Информбюро	115	СОТАХ	175
Александр Прокофьев. ПЕХОТА	117	Михаил Дудин. ОТСЮДА «БЕРТА» БИЛА...	183
Вольт Суслов. МОСТ	121	Павел Булушев. ЛИЦЕЙ, ЯНВАРЬ 1944-го	184
Михаил Дудин. ЧЕРЕЗ НЕВУ НА БЕРЛИН	-	Ольга Берггольц. В ЛЕНИНГРАДЕ ТИХО	-
Глеб Пагирев. ПОД ШЛИССЕЛЬБУРГОМ	126	Николай Браун. МЕДАЛЬ	189
Александр Гитович. СТРОИТЕЛЬ ДОРОГИ	-	УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО	
		СОВЕТА СССР от 8 мая 1965 года	204

**В книге использованы фотографии
Н. Карасёва, Д. Трахтенберга, Н. Жандогина,
фотоархива и фотохроники ТАСС**

для СТАРШЕГО ШКОЛЬКОГО ВОЗРАСТА

Был город-фронт, была блокада...

Составители

Колпакова Дора Борисовна,

Суслов Вольт Николаевич

Ответственный редактор И. И. Трофимкин.

Художественный редактор А. В. Карпов.

Технический редактор Т. С. Харитоновна.

Корректоры В. Г. Арутунян и Л. А. Ки.

ИВ 7748

Слано в набор 11.08.83. Подписано к печати 06.12.83.

Формат 84 x 90 7¹/16. Бумага офсетная № 1.

Шрифт обыкновенный новый. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,6. Уч.-изд. л. 19,29. Усл. кр.-отт. 47,08.

Тираж 100 000 экз. М-21697. Заказ № 549. Цена 1 р. 90 к.

Ленинградское отделение

орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов

издательства «Детская литература»

Государственного комитета РСФСР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома

Государственного комитета РСФСР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Б 95 Был город-фронт, была блокада...: Рассказы, стихи, очерки, документы, хроника/Сост. Д. Колпаковой, В. Сулова; Рис. К. Швеца; Оформл. Л. Яценко. - Л.: Дет. лит., 1984. - 206 с, ил.

В пер.: 1 р. 90 к.

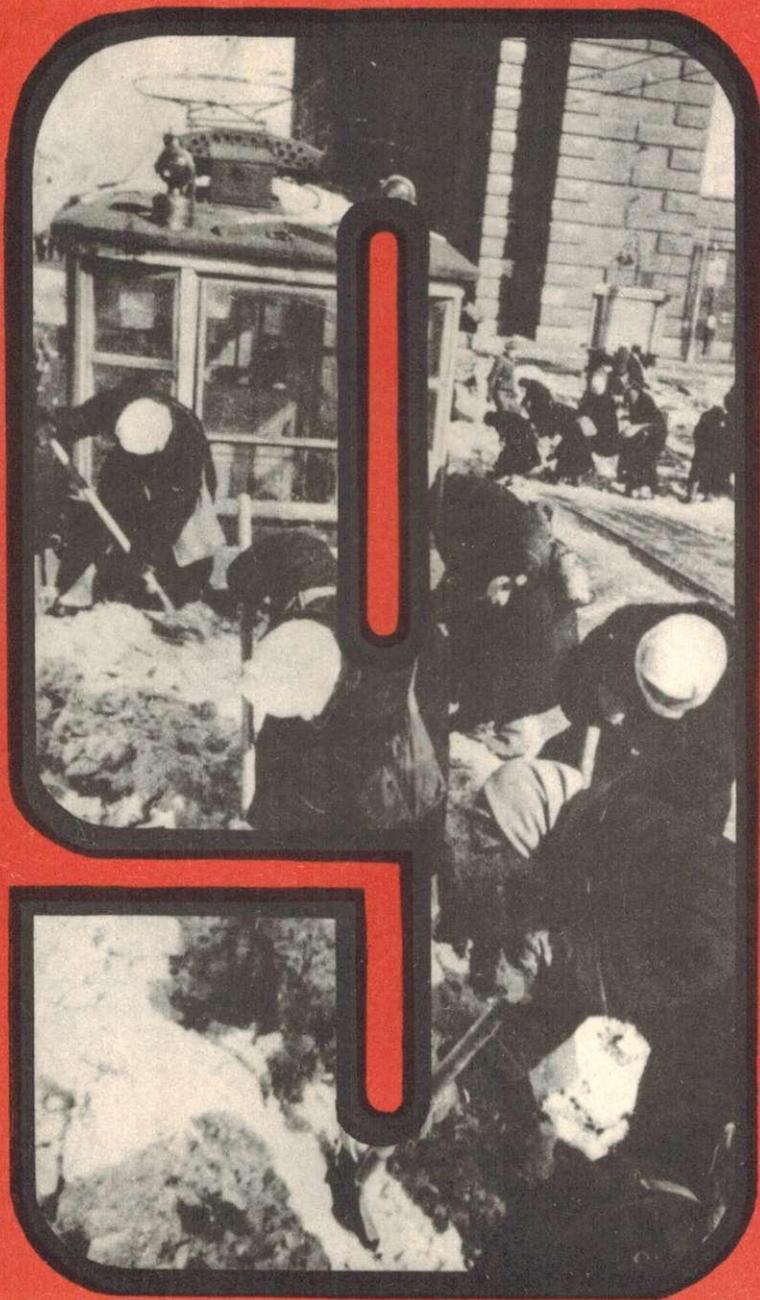
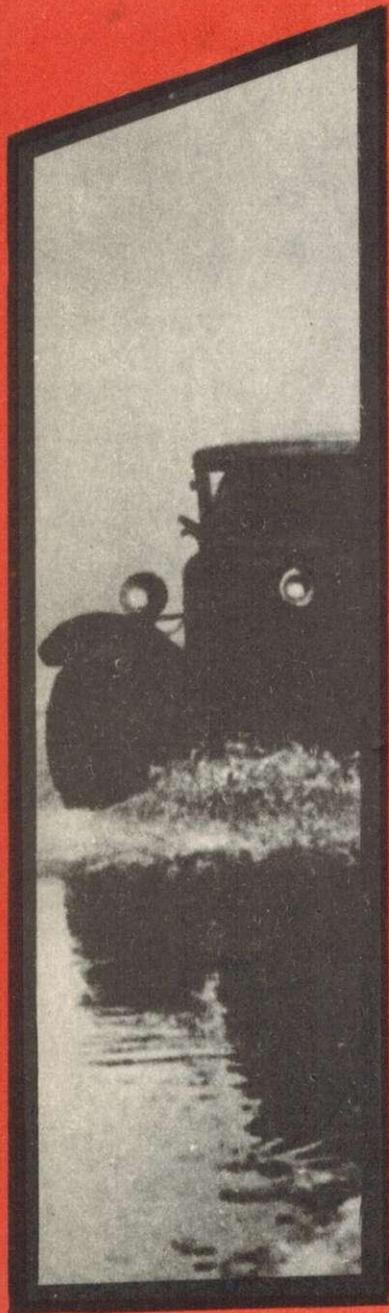
В сборник включены рассказы, стихи, очерки О. Берггольц, М. Дудина, В. Инбер, Л. Пантелеева, В. Саянова, Л. Успенского и других известных советских писателей, поэтов, журналистов, а также воспоминания очевидцев героической обороны Ленинграда в 1941—1944 годах, репродукции рисунков детей-ленинградцев, живших в осажденном городе.

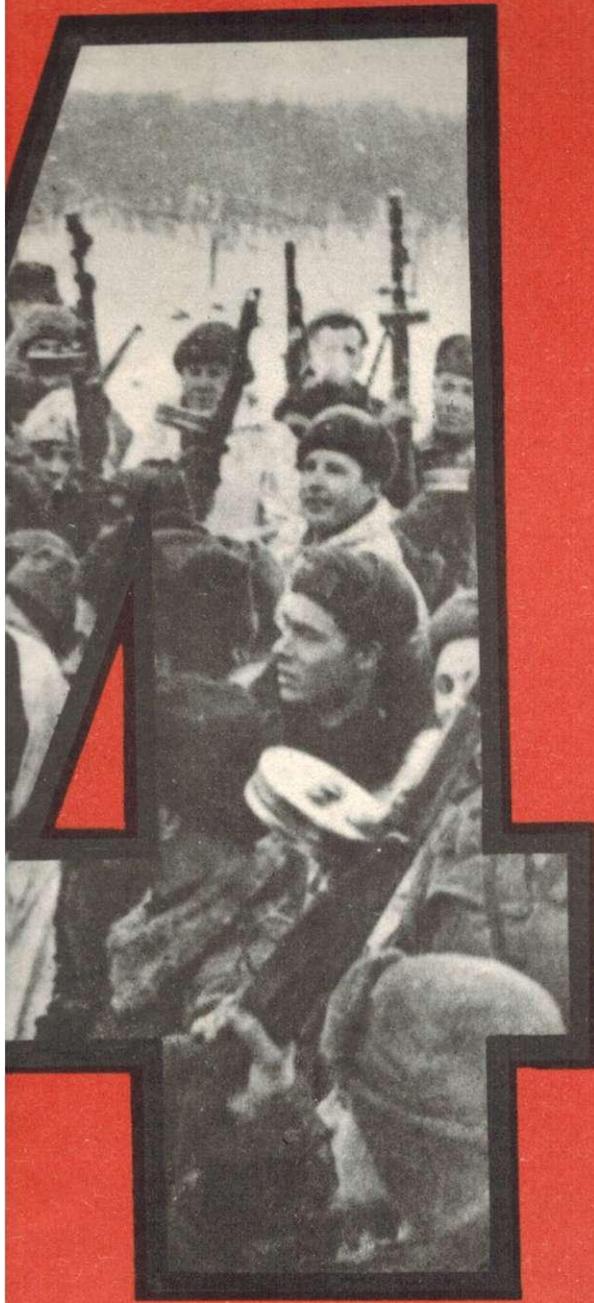
4803010102

Б—————26-84

М101(03)-84

Р2

1р. 90 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»